

Посольская серия

собрание текстов интервью

Составлено и отредактировано сотрудниками
Монтерейской инициативы в сфере исследований России,
Миддлберийский институт международных исследований в Монтерее
10 мая 2021 г.

Введение

Сегодня, когда диалог между американскими и российскими дипломатами сведен к минимуму, а в дипломатических отношениях между крупнейшими державами не хватает желания прислушиваться друг к другу и придерживаться правил хорошего тона, мы предлагаем вашему вниманию «Посольскую серию». Это цикл бесед с восемью выдающимися американскими дипломатами, которые в разные периоды исполняли обязанности послов США в Советском Союзе, а после его распада – в Российской Федерации.

В личных воспоминаниях послов содержится детальный анализ обстоятельств, играющих ключевую роль для американско-российских отношений, – таких обстоятельств, как переход от Советского Союза к современной России и эволюция президентского правления Путина. ««Посольская серия», – отмечает Александр Вершбоу, – напоминает нам о том, что отношения США с путинской Россией начались на обнадеживающей ноте и только потом стали жертвой несовпадения ценностей». Этот проект был задуман в интересах студентов и исследователей, изучающих американскую дипломатию по отношению к России. Собранные здесь расшифровки интервью представляют собой уникальный ресурс для тех, кто хочет лучше понять динамику отношений между двумя странами.

Мы бы хотели выразить признательность коллегам, которые принимали участие в этой работе, и сотрудникам Монтерейской инициативы в сфере исследований России, оказавшим организационную поддержку. Лицом и голосом серии стала Джилл Догерти, привнесшая в проект свой профессионализм, компетентность и большой опыт. Неумоимо трудился Флойд Ярмут из компании Rockhouse, помогавший послам настроить компьютеры и выставить свет – все это в условиях удаленной видеоконференции. Роберту Легволду мы признательны за то, что он поделился своими глубокими познаниями и разработал общую структуру вопросов. Джарлат Макгакин умело и доброжелательно руководил проектом, не давая нам выбиться из графика, и параллельно подбирал фотографии и озвучивал выходные данные для подкастов. Мы бы хотели поблагодарить Алину Казаковцеву за помощь с реализацией проекта. Молли Мессик выполнила корректуру расшифровок и сверстала их для этого электронного издания. Дэвид Гибсон и наши коллеги в Миддлберийском колледже провели консультации и оказали помощь с дизайном и логотипами, а также при запуске проекта обеспечили рекламную поддержку. Большое спасибо нашим новым друзьям из компании Bluecadet (Келли, Алиссе, Сиджи и Энди) за их профессионализм и творческий подход. Но больше всего мы хотели бы поблагодарить бывших послов США в России и Советском Союзе за то, что нашли время поучаствовать в проекте, и за их службу на благо Соединенных Штатов: Джека Ф. Мэтлока, Томаса Р. Пикеринга, Джеймса Ф. Коллинза, Александра Вершбоу, Джона Байерли, Майкла Макфола, Джона Ф. Теффта и Джона Хантсмана-мл.

Отдельную благодарность хотелось бы выразить коллегам из «Корпорации Карнеги в Нью-Йорке», чья поддержка проекта на всех его этапах сыграла решающую роль. «Посольская серия» посвящена памяти доктора Вартана Грегорьяна, нашего идейного вдохновителя, без которого это начинание не увенчалось бы успехом.

Перевод текстов интервью на русский язык выполнен Дмитрием Бузаджи, Владимиром Демидовым и Александром Шеиным (под общей редакцией Д. Бузаджи).

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	II
СОДЕРЖАНИЕ	III
ПОСОЛ ДЖЕК Ф. МЭТЛОК (1987–1991)	1
ПОСОЛ ТОМАС Р. ПИКЕРИНГ (1993–1996).....	10
ПОСОЛ ДЖЕЙМС Ф. КОЛЛИНЗ (1997–2001)	25
ПОСОЛ АЛЕКСАНДР ВЕРШБОУ (2001–2005)	43
ПОСОЛ ДЖОН БАЙЕРЛИ (2008–2012)	57
ПОСОЛ МАЙКЛ МАКФОЛ (2012–2014).....	71
ПОСОЛ ДЖОН Ф. ТЕФФТ (2014–2017)	88
ПОСОЛ ДЖОН ХАНТСМАН-МЛ. (2017–2019).....	102

Настоящий проект был частично профинансирован при помощи гранта «Корпорации Карнеги в Нью-Йорке». Ответственность за сделанные здесь заявления и высказанные мнения лежит исключительно на их авторах.

© 2021 Президент и члены управляющего совета Миддлберийского колледжа

Посол Джек Ф. Мэтлок (1987–1991)

Первое сообщение о возможности распада Советского Союза я направил в июле 1990 г., за полтора года до самих событий. Ничего конкретного, я просто написал, что такая возможность существует, что для Вашингтона, насколько я понял, стало огромной неожиданностью.

ИНТЕРВЬЮ

Джилл Догерти

Господин Мэтлок, спасибо, что согласились дать интервью. Мне очень приятно и лестно, ведь мы знаем друг друга столько лет. Кажется, в первый раз мы пересеклись еще в 70-е, ну уж точно в 80-е. Уверена, вам есть что рассказать.

Джек Мэтлок

Спасибо за приглашение.

Джилл Догерти

Спасибо. Вы работали послом в СССР с 1987-го по 1991-й. До этого вы были послом в Чехословакии. Но Россией вы начали интересоваться задолго до этого. Я хотела бы вспомнить период с 1981-го по 1991-й и поговорить обо всех судьбоносных событиях того времени. Вы смогли поучаствовать в этом процессе на разных постах – в Госдепе, в Белом доме и, наконец, в ранге посла. Есть ли какое-то одно конкретное событие, которое вы считаете чрезвычайно важным и которое произвело на вас очень большое впечатление?

Джек Мэтлок

Главное, что бы я вынес из того периода, это то, что в конце 80-х, вплоть до конца 1991 г., мир пережил три, можно сказать, «тектонических» сдвига в геополитике. Почему «тектонических»? По эффекту эти катаклизмы вполне сравнимы со столкновением тектонических плит. Первым в ряду таких событий стало окончание холодной войны. Это повлекло за собой радикальную перестройку международных отношений не только в Европе, но и во всем мире.

Затем потеря Коммунистической партией контроля над Советским Союзом. И третье – распад Советского Союза. И вот что их объединяет: почти никто не ожидал, что они произойдут именно в тот период. Для большинства это стало неожиданностью, и сейчас у многих людей в памяти эти три события слились в одно большое событие. В некоторых сериалах даже показывают, будто холодная война закончилась распадом Советского Союза. Это неверно. Да, взаимосвязь между ними была, но все три события имели разные причины.

Холодная война закончилась после переговоров между США, их союзниками и Советским Союзом, причем на условиях, которые устраивали всех. То есть если кто-то и победил, то все участники процесса. Смена руководства в Советском Союзе, то есть потеря контроля над страной со стороны Коммунистической партии, – это процесс сугубо внутренний и происходил он под руководством лидера Коммунистической партии Михаила Горбачева, и вот этого уж точно никто не мог предсказать. Это не было навязано Западом. На самом деле, если бы холодная война продолжалась, этого бы не произошло.

Третье событие – распад Советского Союза – произошло против воли США. Холодная война тут ни при чем, и победой США это называть не стоит. Все дело в центробежных силах. Это как в скороварке. Представьте, что холодная война и гонка вооружений – это стенки, они выдерживают давление изнутри и не дают этим силам вырваться наружу. Если бы соперничество продолжалось, эти силы по-прежнему оставались бы внутри. Так что эти три события и тот факт, что их до сих пор нередко неверно истолковывают, и есть главный вывод, который я бы вынес из своего опыта тех лет.

Джилл Догерти

Господин Мэтлок, вы сказали, что распад Советского Союза произошел против воли США, если я правильно вас поняла.

Джек Мэтлок

Верно.

Джилл Догерти

Дело в том, что сегодня мы часто слышим утверждения: «Мы хотели распада Союза. Мы подтолкнули их к распаду». Вы с такой постановкой вопроса категорически не согласны?

Джек Мэтлок

Естественно, что в нашей стране были люди, которые хотели развала СССР. Я не говорю, что все в США стремились сохранить Советский Союз, но, безусловно, президент Буш-старший и госсекретарь Бейкер, то есть руководство страны, пытались оказать Горбачеву посильную помощь в удержании 12 республик Советского Союза – всех кроме трех прибалтийских стран – в рамках добровольной федерации. Кстати, Буш сам выступил с речью в Киеве 1 августа 1991 г. и фактически рекомендовал украинцам и – косвенно – другим республикам, помимо РСФСР, оставаться в составе демократической федеративной системы, которую предлагал Горбачев. Именно такой вариант был для нас предпочтительным. Очевидно, на эти процессы как-то сильно повлиять мы не могли.

Но дело в том, что для Запада это не стало победой. В таком ключе мы это событие тогда не воспринимали. И уж точно это не наших рук дело. На самом деле все было по-другому: холодная война, как и гонка вооружений, закончилась, мы фактически преследовали одни и те же цели на международном уровне, поэтому мы предпочли бы иметь дело с единой страной – после выхода трех прибалтийских стран, мы ведь никогда не признавали юрисдикцию Советского Союза над ними. Так что мы бы с большей радостью имели бы

дело с союзом 12 республик, в котором все больше укреплялась бы демократия.

Джилл Догерти

Прекрасный, кстати, комментарий про распад СССР. Насколько я помню, в США тогда были серьезно обеспокоены тем, что Россия может просто развалиться на части, опасались потери контроля над ядерным оружием, гражданской войны и тотального обнищания населения. Очень нервное время. Хотя сегодня его действительно вспоминают в некоем торжествующем тоне, но тогда было страшновато.

Джек Мэтлок

Совершенно верно: многие сделали именно такой вывод и настаивают на том, что к России нужно относиться как к побежденной стране, при этом преувеличивая масштаб нашей силы. Да, США – сверхдержава с точки зрения способности уничтожить. Мы можем уничтожить мир, если захотим; правда, не знаю, зачем это делать. Но наличие ядерного оружия и возможность нанести сокрушительный удар не дают вам права менять другие общества, гарантировать или помогать другим устанавливать определенную форму правления. К слову, даже во время холодной войны ни США, ни Советский Союз не добились в этом особых успехов. Так что, когда говорят, что мы оказались сильнее всех, что в принципе и произошло, часто преувеличивают потенциал этой силы.

Джилл Догерти

Теперь я хотела бы поговорить о Михаиле Горбачеве, роль которого на родине порой воспринимают неверно. Ведь в истории России он оказался очень важной личностью. Вы работали послом в Москве почти все то время, что он находился у власти. Как вы оцениваете его как лидера и человека?

Джек Мэтлок

Он оказался настоящим реформатором: искренне стремился подтолкнуть страну к более демократическому курсу. Как только Горбачев стал генеральным секретарем, он подумал, что сможет положиться на поддержку Коммунистической партии. Но по мере введения реформ выяснилось, что весь партийный аппарат оказывал ему сопротивление. И тогда он решил – шаг за шагом – вытеснить их из власти, и этого никто не мог предвидеть заранее. Этакий парадокс: «Зачем генсеку Компартии эту партию разрушать?»

По сути, он стремился не уничтожить Компартию, а лишить ее – и у него это через некоторое время получилось – монополии на власть. Это проявление идеализма. Конечной цели ему добиться так и не удалось – не удалось создать демократическую добровольную федерацию советских республик. Но в этом не совсем его вина. Дело во вражде с Ельциным и сговоре Ельцина – после избрания президентом РСФСР – с другими руководителями с целью уничтожить СССР. Так что ирония судьбы в том, что избранный лидер России стал ключевой фигурой в развале Советского Союза. И этого многие до сих пор не понимают.

Джилл Догерти

А как человек? Вы же наверняка не раз встречались, наблюдали за ним. Каким он был с человеческой точки зрения? Он жив и сейчас, но я имею в виду в период вашей работы.

Джек Мэтлок

Очевидно, как и у любого человека, у него были разные черты. Некоторые из них можно назвать противоречивыми. Объективно говоря, в характере каждого из нас можно найти противоречия. Он действительно поверил, что в его силах помочь стране освободиться от тоталитарного контроля Компартии. Но при этом он хотел улучшить и экономическое положение. Мне кажется, он не очень хорошо разбирался в рыночной экономике и часто медлил с принятием серьезных решений в этой сфере.

Кроме того, некоторым соратникам, которые позже порвали с ним, он доверял больше, чем следовало бы. Ведь именно его ставленник и прежний союзник, руководитель КГБ, возглавил заговор против него. А Горбачев, казалось, вроде бы ничего и не замечал. Но в целом, я бы сказал, он был идеалистом и искренне верил в социал-демократические принципы, скажем так, скандинавского типа. На многие вещи, кстати, под давлением событий он поменял свой взгляд. Он очень многим рисковал и, пожалуй, добился успеха не во всем.

Безусловным достижением стало освобождение страны от диктата Компартии. Кстати, я беседовал с ним уже после событий, собирая материал для своих будущих книг, и, по его словам, он больше всего гордится тем, что ему удалось разрушить тоталитарную систему. Ну, а то, что русские с тех пор не смогли создать идеальную демократию, это не его вина. Ни внешние силы, ни даже Горбачев не могут сделать это за них.

Лично я считаю его освободителем. Да, большинство россиян со мной не согласятся: они тяжело пережили события после его ухода – страна на грани анархии и так далее. Тем не менее он не заслуживает репутации неудачника. Я надеюсь, со временем российские историки тоже будут видеть в нем в большей степени освободителя. В конце концов, Моисей ведь вывел свой народ из рабства, при этом его не обвиняют в том, что он не достиг Земли обетованной. У меня примерно такое же отношение к Горбачеву.

Джилл Догерти

Вот вы говорили про Горбачева, а я подумала про Путина. Вы ведь за ним наблюдали, причем вблизи. И если Горбачев, как вы говорите – и я полностью согласна, – казался человеком будущего, который смог преодолеть обстоятельства и реализовать задуманное, то Путин, как считают многие, по-прежнему в плену советского мышления. Конечно, вначале Путин проводил некоторые экономические реформы, все ждали какого-то другого подхода, но в последние лет десять все будто скатились к старым шаблонам. Верно? Согласны? Не могли бы вы сравнить двух лидеров?

Джек Мэтлок

Вопрос сложный. Надо отдать Путину должное: вначале он был – или надеялся стать – союзником США. Он первым из лидеров позвонил президенту Бушу-младшему после теракта 11 сентября, предложил максимальное сотрудничество во время вторжения США

в Афганистан, включая транзитные полеты, обмен разведанными и так далее.

Что мы сделали в ответ? Мы вышли из некоторых основополагающих соглашений с Россией. Мы продолжали расширять НАТО, а ведь еще Буш-старший обещал Горбачеву не делать этого, если тот согласится на объединение Германии и сохранение ее членства в НАТО. Шаг за шагом мы вышли даже из самых базовых соглашений, все больше окружаем Россию со всех сторон, подошли вплотную к ее границам – прямо к границам бывшего СССР, в рамках военного альянса, куда они не входят.

Конечно, в таких условиях ни один российский лидер, ни один лидер любой другой страны не смог бы поддерживать отношения в духе сотрудничества и обеспечивать все аспекты демократии внутри страны. Проблема в том, что без сильной – в определенной степени – власти в России может начаться анархия, как это было в 90-е. И это очень серьезный вопрос. Путин вытащил их из этой трясины. Россия была банкротом, а Путин создал фонд с валютными резервами, благодаря чему они относительно спокойно пережили мировую рецессию. При этом каждый раз их политика все больше отличалась от нашей, мы же пытались вмешиваться и давить за счет своей силы. В конечном счете все скатилось к тому, что из него сделали дьявола во плоти.

Я его не защищаю, просто хотел бы об этом напомнить. При этом, да, многие его поступки нанесли России вред. Но ведь россияне сами выбирают себе руководителей и пусть его рейтинги уже не такие высокие, как раньше, популярность Путина все равно выше, чем у американских президентов за последнее время. Прежде чем его слишком уж ругать, подумайте и об этом.

[Джилл Догерти](#)

Хороший аргумент. Можем ли мы вернуться к распаду СССР? Если я не ошибаюсь, вы уехали из страны за несколько месяцев до этого события. Тут напрашивается универсальный вопрос: вы ждали такого сценария? У вас было какое-то предчувствие?

[Джек Мэтлок](#)

Первое сообщение о возможности распада СССР я направил в июле 1990 г., за полтора года до самих событий. Ничего конкретного, я просто написал, что такая возможность существует, что для Вашингтона, насколько я понял, стало огромной неожиданностью. Кстати, после снятия грифа «секретно» стало известно, что Буш-старший тогда запросил оценку Совета национальной безопасности. А тот сделал вывод, что в посольстве сидят паникеры. Я же в 1990 г. заметил, что в РСФСР сформировалось мнение, что без других республик им будет лучше. Вместо СССР они хотели создать формат вроде ЕС. Кстати, эту идею они реализовали позже.

Поэтому тогда я написал: если самые прогрессивные русские не хотят сохранять Союз, он не продержится. Во многих республиках большинство хотело выйти из СССР, выйти из системы. И мы за всем этим наблюдали. Задача США, как я ее видел, заключалась в том, чтобы ускорить переговоры по сокращению вооружений и обеспечить максимальную безопасность в мире, пока Горбачев еще мог выполнять эти важные соглашения.

Джилл Догерти

То есть тогда вы были «паникерами», но, когда это произошло на самом деле, поняла ли администрация Буша, что случилось? Тогда ведь был полный хаос.

Джек Мэтлок

Разумеется, они понимали, что на Горбачева давят со всех сторон, опасались, что его отстранят от власти. Считалось, что любая попытка переворота будет успешной. К тому времени я уже уехал из Москвы и ушел из Госдепа. Но в тот роковой день в интервью на телевидении я сразу сказал, что у них ничего не получится. Я знал участников ГКЧП и сказал, что они не готовы к гражданской войне, поэтому их ждет провал. Спустя два дня стало понятно, что успехом эта затея не увенчается.

Но из-за этого авторитет Горбачева и СССР пошатнулся настолько, что Ельцин с лидерами Беларуси и Украины смогли в ходе одной встречи его фактически распустить. Меня, между прочим, предупреждали о готовящемся перевороте с целью сместить Горбачева. Меня попросили передать это Ельцину, который был в то время в Вашингтоне. А затем попросили предупредить и самого Горбачева. Я пытался сделать это аккуратно, не называя имен. Он лишь отмахнулся. А потом выяснилось, что за переворотом стояли как раз те люди, о которых мы предупреждали за месяц до события.

Забавно, кстати, что Буш передал эту информацию Горбачеву по телефонной линии, за которую отвечал КГБ, и при этом обронил фамилию моего источника – мэра Москвы. И уже позже мэр Москвы рассказывал мне, что утечка, по его мнению, стала одним из факторов, которые предопределили провал путча. Глава КГБ Крючков, он же руководитель заговора, внезапно понял: о его планах знает кто-то еще. И ему пришлось свернуть подготовительную работу. Как известно, все было подготовлено из рук вон плохо: во время переворота многие просто отказались выполнять свою задачу, например арестовать Ельцина. И позже мэр Москвы сказал мне: а может, и хорошо, что была утечка, может, именно благодаря этому путч и провалился. Так что мы были в курсе и все понимали. С одним только отличием: большинство сотрудников в администрации Буша полагали – и у них были на то основания, – что в случае переворота Горбачева сместят и многие реформы сойдут на нет.

Лично я тогда считал, что попытка путча обречена: страна к тому моменту очень сильно поменялась, люди просто восстанут против путчистов, а те не были готовы к гражданской войне. Это было уже не то поколение большевиков, которые вместе с Лениным и Сталиным захватывали власть в России.

Джилл Догерти

Господин Мэтлок, позвольте задать вам вопрос, который не дает мне покоя. Сейчас отношения с Россией плачевные, тут сомнений нет. Но возможны ли вообще нормальные отношения между США и Россией? Всегда находятся какие-то противоречия. Это, скажем, не Бельгия. Это совсем другая страна. Некоторые все же питают надежду, что однажды США и Россия смогут общаться, как две обычные страны, и это сотрудничество не будут омрачать ни прежние проблемы, ни даже вражда. Что вы скажете? Можем ли мы

в принципе наладить стабильные, нормальные отношения?

Джек Мэтлок

Я в этом уверен. Многие проблемы преувеличивают, а по некоторым вопросам позиции искажаются. По сути, у США и России гораздо больше общих интересов, чем разногласий. Возьмем реальные угрозы, в первую очередь пандемию. Это же общая беда. Либо человечество с ней справится, либо за COVID-19 последуют новые проблемы. Поэтому совместная работа в этой области – в наших общих интересах. Пока мы не победим вирус везде, мы не можем называть себя победителями.

Вторая общая тема – это ядерное оружие. Если его когда-нибудь применят, пусть даже частично, человечеству будет очень сложно выжить. Поэтому в наших общих интересах – сделать так, чтобы оно никогда не применялось. Затем глобальное потепление, или изменение климата. Эти проблемы касаются нас всех. И это проблемы посерьезнее того, где будет проходить граница между Россией и Украиной. Этот вопрос никогда не имел никакого отношения к безопасности Америки и не должен иметь сейчас. А еще мы должны осознать, что нет универсальных политических формул. Мы распространяем демократию, да, мне демократия тоже по душе. Да, она должна быть, но я знаю, что ее могут установить только сами жители страны, за них внешние силы этого сделать не смогут.

Кроме того, невозможно понять на 100%, как устроено то или иное общество. Если нам не нравятся действия России, мы сразу же вводим санкции. Россия принимает важные, на ее взгляд, шаги для защиты своих национальных интересов, а мы хотим ее за это наказать. Такой подход не принесет нужного результата – ни в отношениях с Россией, ни с Китаем, ни с любой другой страной. Меня вот что беспокоит: мы опять пытаемся соперничать за то, кто контролирует какую часть мира, а это привело в XX в. к двум мировым войнам. Мы знаем их итог. Если возобладает такой подход, мы все проиграем.

То есть надо решать масштабные проблемы – некоторые я уже назвал, к ним же можно отнести развал государств, миграцию, которая будет продолжаться из-за глобального потепления и прочих изменений в экологии, несостоятельность некоторых государств. Это общие проблемы. А пытаться, по сути, диктовать народам, какое у них должно быть правительство, это путь в никуда. Я ни в коей мере не пытаюсь оправдать все действия России. Но, на мой взгляд, враждебность, которую мы сегодня видим, – это реакция на политику США: они считают, что Вашингтон воспринимает их неудачниками, унижает, и, по сути, демонизирует руководство страны. Мы ругаем коррупцию в России, которая там, конечно же, есть, но при этом игнорируем эту же проблему в США. В ходе последних выборов мы увидели, насколько глубоко американское общество расколото, насколько хрупка наша демократия.

Поэтому нам нужно стать чуть более объективными насчет собственного поведения. В наших интересах сотрудничать не только с Россией, но и с Китаем. Да, будет определенное соперничество, но его аспекты есть в любых отношениях. Нам не следует так активно выступать в качестве «полицейских планеты» и пытаться менять ее по образу и подобию своей страны, о которой у нас самих не совсем точное представление.

Джилл Догерти

У меня осталось не так много вопросов. Что бы вы посоветовали будущим послам в России?

Джек Мэтлок

У посла не так много ресурсов для улучшения отношений, если политика страны не поддерживает это устремление. Послы представляют свое правительство, президента, госсекретаря. Разумеется, они могут предлагать свои рекомендации. Мне очень повезло: президент и госсекретарь консультировались со мной, прислушивались к моему мнению. У нас были замечательные отношения. Но, если ваша страна стремится доминировать или отказывает другой стране в важных для нее вещах, вряд ли посол может что-то сильно улучшить. Но, если послу повезло и президент с госсекретарем хотят поддерживать хорошие отношения и решать проблемы, тогда, конечно, посол способен внести серьезный вклад.

Это не обязательно, но очень помогает знание языка, истории, психологии местных людей, хотя бы просто хорошие навыки общения – тогда можно близко сойтись с руководителями. Они могут делиться конфиденциальной информацией, и это требует деликатности. Некоторые вещи, которые мне говорили советские лидеры, я не мог написать в депеше из-за потенциальной утечки. Тогда я передавал написанное от руки письмо госсекретарю и просил рассказать о его содержании только президенту и советнику по национальной безопасности.

Посол может гораздо точнее разъяснить своему правительству смысл событий в другой стране, если будет знаком с местными жителями. Если вы с ними на короткой ноге и можете спокойно общаться, тем более на их родном языке, вы сможете узнать гораздо больше. Для успешной работы дипломату, помимо общепрофессиональной подготовки, нужно глубокое знание страны и возможность посещать страну достаточно часто, чтобы завязать с людьми дружбу. Это будет хорошим подспорьем при реализации политики любого правительства.

Джилл Догерти

Хорошо. Последний вопрос. Кстати, спасибо, что уделили нам столько времени. Я как раз хотела сказать: кто может знать больше о России или серьезнее к ней относиться, чем вы. Ведь вы начали изучать эту страну еще студентом, а может, и раньше. Но в университете вы точно специализировались на России, потом преподавали русский язык. На протяжении всей карьеры вы очень тесно соприкасались с этой страной. Уверена, ее судьба вам небезразлична.

Какое представление у вас сформировалось о России на основании многолетнего опыта, есть ли какая-то идея или концепция, которая бы отражала ваше отношение и которая бы помогла нам понять Россию в эти трудные времена? Какова она, настоящая Россия?

Джек Мэтлок

Важно иметь определенное представление о культуре России и ее историческом опыте, а также такое качество, как эмпатия, – умение смотреть на вещи глазами других людей. Россия регулярно подвергалась нашествиям извне. Мы с этим не сталкивались. Да, мы вели войны, но даже в войне 1812 г. речь не шла об оккупации со стороны Великобритании. Россия пережила вторжения соседей, ее территории долгое время удерживались другими государствами. У нас же такого опыта нет.

Естественно, что в результате и менталитет у них другой, и это проявляется в целом ряде аспектов. Это лишь одно важное обстоятельство. Кроме того, Россия, как и любая другая страна, полна противоречий. Джордж Кеннан однажды точно подметил: если вы услышите о России два прямо противоположных мнения, скорее всего, верны оба. Смешно? Но ведь это относится и к нам, если уж быть по-настоящему объективными. Поэтому главное при общении с русскими или любым другим народом – это не забывать, что все мы – люди. В международной политике страны взаимодействуют не как бильярдные шары, взаимодействие происходит на уровне людей. Поэтому обычные нормы цивилизованного общения, или так называемое «золотое правило», часто приводят к оптимальным результатам и служат залогом успешной дипломатии.

[Джилл Догерти](#)

Ну что ж, господин Мэтлок, большое вам спасибо.

[Джек Мэтлок](#)

Еще раз спасибо за приглашение.

Посол Томас Р. Пикеринг (1993–1996)

Во второй половине дня я внезапно увидел, что в сторону американского посольства и Белого дома движется целое море алюминиевых щитов. Посольство и Белый дом стоят прямо напротив друг друга. За щитами со стороны площади перед зданием МИД двигалась толпа людей. Я позвонил морским пехотинцам, которые охраняли посольство, и велел им срочно найти начальника службы безопасности и спрятать людей, живших в таунхаусах на территории посольства, в подземном убежище в центральной части посольского комплекса. Я думал, что в любую минуту может начаться стрельба или еще что-то.

ИНТЕРВЬЮ

Джилл Догерти

Господин Пикеринг, какой-то журнал – кажется, «Тайм» – назвал вас «пятизвездным генералом дипломатического корпуса». Учитывая вашу выдающуюся карьеру, мне кажется, они правы. Сегодня мы будем говорить о России, но всего вы провели на дипломатической службе 40 лет, и мне очень интересно, что вы скажете о России и США с позиции своего многолетнего опыта. Большое спасибо, что согласились побеседовать с нами.

Томас Пикеринг

Большое спасибо, Джилл, за столь лестное представление. Даже мы, дипломаты, очень падки на лесть. С нетерпением жду ваших вопросов и постараюсь на них ответить.

Джилл Догерти

Хорошо. Давайте вернемся в 1993 г., когда вы приехали в Россию в качестве посла. Я помню это время. Я тогда еще не работала в московском бюро, но часто приезжала в Россию. В стране тогда был голод, очереди. В политическом плане время было очень беспокойное – конфликт Ельцина с парламентом, штурм Белого дома. Приближались парламентские выборы, и администрация Клинтона, выступавшая в поддержку «шоковой терапии», явно переживала за их исход. Если вспомнить сейчас это время, о чем вы думали, когда у вас на глазах разворачивались все эти события?

Томас Пикеринг

Я прилетел в Россию 22 мая 1993 г. Главной сенсацией для меня стало то, что в России еще шел снег. На самом деле, конечно, главная новость была в том, что уже началось противостояние между парламентом и Ельциным. В парламенте были люди, которые хотели либо сместить Ельцина, либо каким-то образом подчинить его себе. Это были представители непримиримой оппозиции, как тогда говорили. Люди коммунистических

взглядов, которым не нравились реформы и которые отказывались мириться с крахом коммунистической системы.

Многие из них работали в Белом доме, где в те годы располагался офис премьер-министра [Верховный Совет]. Некоторые из них занимали весьма высокие посты. Сразу по прибытии в Россию я узнал – а потом уже и своими глазами наблюдал вплоть до событий 3 октября и осады Белого дома, – что парламент постоянно пытается помешать Ельцину. Эти депутаты были избраны еще при коммунистическом режиме. Причем на каждое место претендовали два кандидата – довольно необычное дело для коммунистов. Но каждый из кандидатов был так или иначе связан с Коммунистической партией. Многие из них сохранили связи с коммунистами.

По некоторым оценкам, они внесли в конституцию порядка 300 поправок в попытке усилить собственную власть и ограничить полномочия Ельцина. Из-за этого и началось противостояние – сначала словесное, а потом и политическое. Эта ситуация тянулась довольно долго. Я помню, как в начале сентября – хотя, может быть, и в конце – министр иностранных дел Андрей Козырев пригласил к себе меня, а также моих коллег из Великобритании, Франции и Германии. Он сообщил, что Ельцин принял решение приостановить работу парламента – вернее, даже распустить его – и назначить на январь 1994 г. новые парламентские выборы. Он также сказал, что Ельцин собирается подготовить новый вариант конституции. Ельцин уже не мог больше работать в условиях такого острого конфликта между ветвями власти, таких трудностей в управлении страной, таких кардинальных разногласий.

Естественно, мы сказали ему, что такие действия в отношении парламента чреваты опасными последствиями. Мы сказали, что понимаем, с какими трудностями ему приходится сталкиваться, что мы обо всем доложим своему руководству и что, на наш взгляд, если он действительно решит распустить парламент, важно будет незамедлительно провести свободные и честные выборы. Так что это действительно был очень интересный период, и с этого момента началась череда ярких событий. Отряды НКВД (действующие в России военизированные формирования) [ОМОН и внутренние войска] окружили Белый дом, в котором в то время располагался российский парламент, и эта осада продолжалась примерно до 3 октября.

Что было дальше – хорошо известно. Если хотите, можем поговорить об этих событиях. На протяжении всего этого времени я думал: какие у нас варианты? Если в России восстановится коммунистический режим и, вероятно, будет предпринята попытка воссоздать Советский Союз – и это после того, как в декабре 1991 г. бывшие республики вышли из состава СССР, провозгласили независимость, получили признание, стали членами ООН, – это будет откат назад и возврат к тому кризису, который случился в августе 1991 г., когда президент Горбачев оказался изолирован в Крыму и реакционные силы предприняли попытку переворота, которая быстро провалилась.

Второй вариант был: поддержать Ельцина. Ельцин, по крайней мере, во многом ассоциировался с реформами. Понятно, конечно, что его деятельность на посту президента нельзя было назвать стабильной и предсказуемой, и он не всегда вел Россию в том направлении, куда нам хотелось бы. Мы считали, что России нужно двигаться в

сторону демократии, в сторону экономической самостоятельности, развивать отношения с мировым сообществом, уходить от конфронтации времен холодной войны. Вот о чем мы думали в то время. При этом, конечно, нужно сказать, что некоторые специалисты, в том числе и некоторые сотрудники нашего посольства, высказывали обоснованные опасения по поводу того, что действия президента по роспуску парламента – это фактически попытка государственного переворота и что тем самым он попирает конституцию и базовые принципы демократии.

Если бы это было действительно так, если бы не было всех этих бесчисленных поправок к конституции, которые были приняты фактически остатками Коммунистической партии, я мог бы в чем-то с ними и согласиться. Они настояли на том, чтобы изложить свою позицию в письменном виде и отправить ее по специальному каналу в Госдепартамент. У наших дипломатов существует так называемый «канал несогласия», по которому можно объявить о своем несогласии с позицией руководства. Хотя я предлагал им подготовить совместное письмо, в котором они изложили бы свою позицию, а я – свою, и затем мы вместе вынесли бы этот вопрос на обсуждение более широкого круга лиц в Госдепартаменте. Насколько мне известно, ответ из Госдепартамента им пришел уже после того, как произошел штурм Белого дома, который положил конец физическому противостоянию Ельцина и парламента.

Джилл Догерти

А где вы находились физически в это время? Наверное, в посольстве?

Томас Пикеринг

Да. С событиями 3 октября получилось интересно, потому что у меня в это время должен был родиться внук, и жена улетела в США. Это было то ли в четверг, то ли в пятницу. Я остался один. Наступило воскресенье. Я сидел у себя в кабинете на втором этаже Спасохауса. Из окна мне было видно Садовое кольцо. Садовое кольцо – это улица в Москве. В центре Москвы находится Кремль, а вокруг Кремля несколько колец. Так вот, Садовое кольцо – это второе из этих колец, и именно на этой улице стоит американское посольство. Справа от меня было посольство, а слева – здание МИД. У здания МИД уже неделю-другую продолжались митинги противников Ельцина в поддержку Белого дома.

Во второй половине дня я внезапно увидел, что в сторону американского посольства и Белого дома движется целое море алюминиевых щитов. Посольство и Белый дом стоят прямо напротив друг друга. За щитами со стороны площади перед зданием МИД двигалась толпа людей. Я позвонил морским пехотинцам, которые охраняли посольство, и велел им срочно найти начальника службы безопасности и спрятать людей, живших в таунхаусах на территории посольства, в подземном убежище в центральной части посольского комплекса. Я думал, что в любую минуту может начаться стрельба или еще что-то. Толпа, которая двигалась в сторону Белого дома, как раз в это время подошла к бойцам НКВД (так в то время назывались военизированные формирования КГБ), стоявшим в оцеплении вокруг Белого дома.

И действительно, началась стрельба. Позже мы обнаружили на наших зданиях следы от пуль. Это люди, стоявшие в оцеплении вокруг Белого дома через дорогу от нас, стреляли в надвигающуюся толпу. Демонстрантам удалось прорвать оцепление. У людей, которые находились внутри Белого дома, было оружие. Они захватили стоявшее по соседству здание московской мэрии. Один из стоявших около посольства российских охранников в форме был ранен. Сотрудники посольства позаботились, чтобы ему была оказана медицинская помощь.

Когда ситуация немного успокоилась, люди, захватившие эти два здания, погрузились в военные грузовики, которые они отбили у военизированных формирований КГБ, и поехали в Останкино, на север Москвы. Там находились телевизионная башня и телецентр, из которого вещали федеральные каналы. Когда они уехали, какое-то время я держал связь по телефону и следил за событиями по «Си-эн-эн». Потом я решил перебраться в посольство. Я шел дворами и переулками, перешел по подземному переходу Садовое кольцо и оказался в посольстве. Там я до самого конца оставался в кабинете на подземном этаже. Разговаривал с людьми, успокаивал сотрудников посольства, думал, как обеспечить их безопасность. Это была моя главная обязанность на тот момент.

Мы были на связи с Вашингтоном. В Вашингтоне, естественно, тоже следили за ситуацией по телевизору. Причем интересно: я тогда этого не знал, но в то же время в Сомали разворачивалось сражение в Могадишо (об этом потом сняли фильм «Черный ястреб»). В общем, Вашингтону в тот момент пришлось разбираться не только с нашим кризисом.

Джилл Догерти

Удивительно драматичные и непредсказуемые события! А как вы в такой ситуации анализировали происходящее? Вы уже сказали, что смотрели трансляцию «Си-эн-эн». А как вы давали рекомендации Вашингтону? Что говорили?

Томас Пикеринг

Прежде всего, я отчетливо понимал, что мы оказались в каком-то смысле заперты в посольстве. Но некоторые сотрудники из политического и экономического отделов жили за пределами посольства, и мы обменивались с ними информацией по телефону. Кроме того, к нам поступала информация от посольств других стран, которые, в отличие от нас, не оказались на осадном положении. Толпа к этому времени покинула Белый дом, а оборонявшиеся разбежались. Путь был открыт, но обстановка по-прежнему была опасной. У нас была информация о том, что с крыш высотных зданий на Арбате, к востоку и отчасти к югу от посольства, откуда просматривалась моя резиденция, работают снайперы. Я не хотел, чтобы сотрудники посольства перемещались по этому району в надежде собрать какие-то сведения.

Таким образом, нам приходилось рассчитывать только на наблюдательность и усердие тех, кто жил за пределами посольства. Они начали передавать нам дополнительную информацию. В какой-то момент у меня появилась возможность очень коротко поговорить по защищенному каналу связи со Струбом Тэлботтом. Струба с самого

начала больше всего интересовал один вопрос: «Какой должна быть наша позиция?» Я сказал: «Других вариантов нет. Любая альтернатива президенту Ельцину будет настолько хуже, что, мне кажется, мы не можем не поддержать его. Так что вы у себя в Вашингтоне решайте, что будете делать со своей стороны, а мы со своей стороны будем держать вас в курсе всего, что происходит у нас». Вот так складывалась ситуация к вечеру.

Прибыв к телецентру, толпа попыталась протаранить вход военными грузовиками, чтобы пробиться внутрь, к студиям, откуда шло вещание. Здание телецентра охраняли полиция и военные. Американский фотограф из «Нью-Йорк Таймс» находился в толпе перед зданием телецентра и был ранен. Его каким-то образом закрыли находившиеся вокруг люди. Они оказались под огнем и метались в поисках укрытия. Эти люди помогли доставить его в кремлевскую больницу, где ему оказали помощь. Врачи показали себя настоящими профессионалами. Это был первый американец, пострадавший при перестрелке. Потом появились еще раненые. Мы задумались, не пора ли начинать эвакуировать наших граждан.

Когда стало ясно, что в районе Останкино идет активная перестрелка, мы поняли, что дорога к основному аэропорту к северу от Москвы отрезана. Я не собирался искать где-то автобусы и сажать несколько сотен человек, в том числе детей, в автобусы и везти их неизвестно куда. Я объявил сотрудникам, что все остаются в подвале и что ночевать мы будем в спортзале. Я сказал, что мы сделаем все возможное, чтобы защитить посольство и всех, кто в нем находится, и обеспечить их безопасность. Не было никаких попыток захвата посольства; никто не пытался проникнуть внутрь.

Но стрельба продолжалась, и еще несколько раз, в том числе на следующий день, мы оказывались на линии огня. Ночью к нам обратились повстанцы из Белого дома. Они просили, чтобы мы помогли им организовать переговоры с правительством. Мы постарались сделать то, что было в наших силах, – естественно, так, чтобы не принимать при этом ничью сторону. Мы пытались вести диалог с правительством, но власти, скажем так, были очень заняты подготовкой своих следующих действий и по понятным причинам не горели желанием раскрывать свои планы. Так что до самого утра мы плохо себе представляли, каков будет их ответ. Теперь, если хотите, я могу рассказать, что было на следующий день.

Джилл Догерти

Да, пожалуйста.

Томас Пикеринг

В ту ночь я спал на полу какого-то кабинета в подвале нашего нового здания. Наутро проснулся от рева бронетранспортеров. Они ехали по переулку, в котором располагался главный вход в новое здание. Я стал наблюдать по телевизору за тем, как они занимают позиции на площади перед Белым домом. Мы видели, как какие-то военные выскакивают из бронетранспортеров и вбегают в Белый дом.

Одновременно – или, может быть, спустя час-другой – по российским каналам и по «Си-эн-эн» стали показывать, как с запада по Кутузовскому проспекту подходят танки. У «Си-

эн-эн» камера стояла на четвертом этаже здания, из которого просматривалась как раз эта улица. Мы видели, как в два танка переложили что-то с грузовиков – видимо, снаряды, – и после этого они вползли на мост, откуда могли бить прямой наводкой по Белому дому.

Они повернули башни в сторону Белого дома и выстрелили. Земля задрожала у нас под ногами. Видимо, стреляли учебными зарядами, потому что на здании не было видно разрывов. Снаряды попали внутрь здания, и внутри вроде бы даже начался пожар, но внешне здание почти не пострадало, как можно было бы ожидать при стрельбе боевыми снарядами. Какое-то время танки продолжали вести огонь по Белому дому. Цель явно была в том, чтобы вынудить защитников Белого дома покинуть его. Очевидно, штурмовавшим здание военным не удавалось сделать это самостоятельно. Позже мы узнали из газет, что в Белом доме было 200–300 вооруженных людей. Многие из них укрылись в подвале, который был соединен с разветвленной системой туннелей. В Москве есть подземные туннели, по которым можно перемещаться по городу. Некоторые из оборонявшихся были убиты, некоторые ранены. Насколько я помню, точное число жертв так и не было установлено.

К середине дня Белый дом был освобожден. Пожар потух, но выглядело здание ужасно. Мы, естественно, были через дорогу. В какой-то момент утром в понедельник я понял, что нужны еще люди, которые следили бы за ситуацией вокруг посольства и передавали нам информацию. Я взял двух-трех сотрудников, в том числе Машу Йованович. Мы сели в мой бронированный «кадиллак» и поехали к моей резиденции. Там был портик, под которым можно было спрятаться от снайперов. Они остались в моей резиденции и использовали ее как штаб для организации сбора сведений.

Мы видели по телевизору, что, пока танки стреляли по Белому дому, на улицы вышло много народу. Тысячи россиян стояли на улице и даже на самом мосту и наблюдали за происходящим – прямо пока танки стреляли по зданию. У меня появилось ощущение, что Ельцин решил любой ценой взять Белый дом, чтобы сосредоточить всю власть в своих руках. К вечеру стало понятно, что именно это и произошло. В течение всего дня ко мне периодически обращались журналисты, и я давал комментарии. В каких-то случаях была возможность перемещаться по городу, а в других я давал интервью по телефону. В течение всего времени мы поддерживали связь с Вашингтоном. К понедельнику Вашингтон опубликовал заявление в поддержку Ельцина и всего, что произошло у Белого дома. К утру вторника стало ясно, что все закончилось: Ельцин уже уверенно контролировал ситуацию в Москве.

Джилл Догерти

Потрясающая история. Знаете, Ельцин остается для меня загадкой. С одной стороны, многие – особенно на Западе – привыкли считать его демократом, который боролся с коммунистами. Но в данном случае Ельцину пришлось делать непростой выбор. В каких-то ситуациях он действовал очень недемократично, и даже некоторые из ваших сотрудников говорили об этом. Сейчас, когда уже прошло немало времени, как бы вы охарактеризовали Ельцина? Что это был за человек? Может, он был как бы мостиком от одной эпохи к другой?

Томас Пикеринг

С исторической точки зрения, мне кажется, он, несомненно, был переходной фигурой. В то время мы воспринимали его как человека, у которого было достаточно сил и лидерских качеств, чтобы справиться с ситуацией. Он унаследовал систему, которая представляла собой нечто промежуточное. Коммунистический режим еще не до конца развалился, новая система еще не сформировалась, и Ельцину приходилось бороться с пережитками прошлого, с попытками коммунистов вернуть себе власть с помощью конституционных поправок. Получалось, что в одной части города идет конституционный переворот, а в это время в другой части города Ельцин пытается ему сопротивляться.

К 3 октября в городе начались беспорядки, и Ельцин принял ответные меры. Конечно, можно сказать, что беспорядки отчасти были спровоцированы его решением распустить парламент. Но все же, на мой взгляд, если проследить последовательность событий, то факты скорее говорят в пользу Ельцина. Хотя он и распустил парламент, все же его слова и поступки говорили о том, что он пытается сохранить новый строй и не отдать власть людям, которые хотели возродить Советский Союз и коммунистический режим.

С этой точки зрения, мне кажется, общество было на его стороне. Но, конечно, ситуация была очень запутанная. Ведь так не бывает, чтобы в декабре 1991 г. все люди были еще коммунистами, а на следующий день вдруг стали полноценными демократами.

Джилл Догерти

В последний год вашей работы в Москве, в 1996 г., началась подготовка к расширению НАТО. Раз уж мы заговорили о спорных моментах, расширение НАТО, безусловно, тоже относится к их числу. В России до сих пор крайне недовольны этим. У нас в Соединенных Штатах специалисты по России – да и другие люди – до сих пор спорят, правильное это было решение или нет. Что вы лично думаете по поводу расширения НАТО?

Томас Пикеринг

Я сейчас отвечаю на ваш вопрос, но сначала я хотел бы добавить еще несколько слов по поводу Ельцина. После событий у Белого дома 3 и 4 октября мы внимательно следили за Ельциным, и в принципе можно сказать, что – за одним исключением – каждый раз, когда нужно было принять важное решение для защиты демократии, Ельцин делал правильный выбор. Единственным исключением стала война в Чечне. Похоже, что к началу боевых действий его подтолкнул не только тот факт, что чеченцы начали партизанскую войну против Российской Федерации, но и его упавший рейтинг. По крайней мере, выглядело все так, что Ельцину, чтобы победить на выборах 1996 г., нужно было силой вернуть Чечню.

Так начался еще один конфликт, в котором все было уже далеко не так однозначно. В самом начале чеченского конфликта в Россию прилетел вице-президент Альберт Гор. Я помню, как по дороге из аэропорта сказал ему, что некоторые уже сравнивают войну с Чечней с действиями Авраама Линкольна после того, как южане напали на форт Самтер. Я сказал Гору, что это некорректное сравнение и что в своих публичных комментариях в

России ему стоит воздержаться от подобных параллелей. Само собой, это было всего лишь мое мнение, и Гор имел полное право к нему не прислушиваться – что он и сделал.

Джилл Догерти

Интересно.

Томас Пикеринг

Теперь давайте поговорим о НАТО.

Джилл Догерти

Да, пожалуйста.

Томас Пикеринг

Когда эта тема впервые возникла, я уже достаточно долго находился в России, чтобы понимать, насколько острой будет российская реакция. Люди, которые отвечали в Вашингтоне за отношения с Россией, хотели постоянно поддерживать в русских мысль о том, что безотносительно расширения НАТО в какой-то момент Россия в своем демократическом развитии придет к тому, что интегрируется в мировое сообщество и тоже захочет вступить в НАТО.

Во многом эти надежды не имели под собой никакого основания. Для советского человека НАТО было такой же страшилкой, как и Соединенные Штаты. Альянс воспринимался как воплощение империализма, как враждебная сила, окружившая главное коммунистическое государство – СССР. Практически никому из россиян не приходило в голову, что НАТО на самом деле возникло как реакция на долговременное присутствие Красной армии в Восточной Европе. Разгромив Германию, Советский Союз воспользовался присутствием своих войск на территории стран Восточной Европы, чтобы установить в них коммунистический режим – в некоторых случаях силой. Советским людям внушили, что НАТО – это агрессивный военный блок.

Как бы мы ни пытались посмотреть на этот вопрос под другим углом и попытаться представить его русским по-другому, у нас ничего не получалось. Так что общественное мнение по этому вопросу в России во многом совпадало с официальной позицией – хотя к Западу и к Соединенным Штатам отношение в то время было очень хорошее. Россияне радовались, что перед ними открываются новые перспективы: свобода, экономическое процветание, перемены, возможность путешествовать по миру – словом, все то, что раньше было под запретом.

Но к НАТО отношение почему-то оставалось отрицательным. Поэтому, как только мы поняли, что в Вашингтоне всерьез рассматривают возможность расширения НАТО, нам сразу же стало ясно, что никакие заверения по поводу того, что Россия и сама со временем может стать членом НАТО, тут не помогут, и мы начали отправлять в Вашингтон весьма недвусмысленные депеши по поводу того, что необходимо сначала тщательно взвесить, каким образом расширение НАТО отразится на позиции России. Но практически все наши

послания оставались без ответа. Интересная деталь: в прошлом году у Билла Бернса вышла замечательная книга, в которой он цитирует одну из этих депеш. Ему удалось раскопать в архивах одно из наших сообщений и договориться, чтобы с него сняли гриф секретности. Теперь это письмо опубликовано, и у всех желающих есть возможность ознакомиться с позицией посольства и аргументами, которые мы приводили. Можно ли было сделать что-то по-другому? Я считаю, скорее всего, да.

Потом, по мере того как идея с расширением НАТО набирала обороты, особенно применительно к Польше и некоторым другим странам, из которых в США было много эмигрантов и, соответственно, ситуация с этими странами влияла на настроения избирателей, внезапно родилась новая идея. Ее приписывали генералу Шаликашвили, который был председателем Объединенного комитета начальников штабов. Правда, сделали это не до того, как расширять НАТО, а уже после. Речь шла о том, чтобы создать программу «Партнерство во имя мира» и приглашать в нее, в том числе, и те страны, которые со временем могут вступить в НАТО. Предполагалось, что это будет значительно более мягкий подход, чем непосредственно расширение, хотя вариант с вступлением в НАТО в конечном счете не исключался.

Мне казалось, что расширению НАТО должно было предшествовать нечто подобное. Это был бы своего рода промежуточный этап. При этом не все участники программы в обязательном порядке претендовали бы на членство в НАТО. Но такой вариант не исключался, особенно учитывая присутствие России.

Поскольку расширение НАТО воспринималось русскими резко отрицательно, мы начали, чтобы немного подсластить им пилюлю, проводить совместные миротворческие учения с участием российских военных – иногда в России, иногда в какой-то другой стране. Но ничего не помогало. Русские упорно продолжали верить в какие-то свои теории и идеи. Они утверждали, что при объединении Германии им пообещали, что НАТО расширяться не будет, а теперь их обманули.

Русские настаивали на том, что западные страны – в первую очередь, США – обещали им не размещать ядерное оружие к востоку от бывшей границы между ФРГ и ГДР. Параллельно развивался еще один процесс. Одно не увязывалось с другим – это просто происходило одновременно. Мы проделали очень большую работу для того, чтобы все ядерное оружие, которое оставалось на территории Беларуси, Украины и Казахстана, было вывезено в Россию. Российская сторона в этой работе с нами охотно сотрудничала. При этом мы приняли на себя совместные обязательства в отношении Украины, предоставив ей гарантии безопасности в обмен на отказ от ядерного оружия. Потом, как известно, это соглашение снова оказалось в центре внимания в связи с действиями Путина на востоке Украины.

Джилл Догерти

Вы упомянули Путина. Конечно, вы уже не были послом, когда Путин стал президентом, но я все равно не могу не спросить вас о нем. Конечно, Ельцин и Путин очень непохожи друг на друга. Я бы попросила вас сравнить их как политиков и, может, даже просто как людей. Я уверена, что вы продолжаете следить за новостями и вы в курсе того, что делает

Путин. И заодно я хотела бы спросить вас про американо-российские отношения и про роль личности в истории. Есть так называемая «теория великих людей», согласно которой один человек, оказавшись на посту президента, может повернуть ход истории. Или же все решают более системные факторы? Получается, я задала вам сразу два вопроса. Давайте сначала сравним Ельцина и Путина как политических лидеров.

Томас Пикеринг

Сначала я хочу сказать, что у меня была возможность лично познакомиться с Путиным, поскольку я часто ездил в Санкт-Петербург. Правда, по-моему, мы виделись всего один раз. У мэра Петербурга Анатолия Собчака была репутация крупного специалиста по конституционному праву. Он был поклонником Томаса Джефферсона и создал в Петербурге более демократическую систему управления. Владимир Путин был заместителем мэра, и, когда Собчака не было на месте, меня вместо него принимал Путин. Так было как минимум один раз. При встрече он был очень немногословен и скорее слушал, чем говорил. Держался он не слишком приветливо, но при этом и не враждебно. Когда я что-то говорил, он не бросался мне возражать.

У сотрудников консульства о Путине сложилось двоякое впечатление. Одни говорили, что он толковый и трудолюбивый, что с ним легко общаться, что он, как правило, идет навстречу, особенно бизнесменам. Другие (меньшинство), наоборот, утверждали, что он чересчур вовлечен в бизнес-проекты, что он, вероятно, покровительствует неким бизнес-структурам и взамен что-то от них получает, что именно он создает определенные проблемы для американских и других иностранных бизнесменов в Санкт-Петербурге. Я так и не понял, кто из них был прав. Но я понимал, что в отношении Путина есть эти две противоположные точки зрения, и сам тоже пытался понять, что он за человек.

Потом были еще другие встречи, когда Путин уже стал набирать вес. Мне он показался человеком, который уверен в себе, не боится принимать решения и явно болеет за судьбы России. Какое-то время назад у меня сложилось впечатление, что для Путина вопрос восстановления статуса России как великой державы и вопрос его собственного выживания в российской политической системе неразрывно связаны. В каком-то смысле выживание Путина зависит от того, сможет ли он сформулировать и реализовать националистическую повестку, которая так или иначе вращается вокруг идеи о том, что Россия всегда была великой державой и вот теперь она снова возвращает себе свое ведущее положение на международной арене – причем именно под его руководством и во многом благодаря его личным усилиям.

Вы, наверное, помните, что в самом начале Путин хотел консолидировать власть в своих руках и для этого разделил страну на семь федеральных округов и назначил в каждый округ своего представителя. Это было сделано для того, чтобы ограничить независимость губернаторов. Каждый губернатор – а должность губернатора на тот момент была выборной – знал, что над ним есть представитель президента. Путин отменил выборы в ряде регионов и кое-кого из губернаторов поприжал, потому что каждый губернатор пытался строить в своем регионе отдельную мини-экономику. Губернаторы явно получали от этого какую-то выгоду, а национальная экономика при этом страдала. Вот такие у меня мысли по поводу Путина.

Что же касается Ельцина, то его состояние после 1996 г. стало ухудшаться. Я застал тот момент, когда Ельцину делали операцию на открытом сердце. Майкл Дебейки помогал врачам, хотя саму операцию проводил другой хирург. Но здоровье Ельцина было уже подорвано. К сожалению, Ельцин все чаще выходил за рамки протокола и демонстрировал чрезмерную тягу к спиртному. Его состояние в тот период ухудшалось. Действия Путина во многом были реакцией на ту ситуацию, которую создал в стране Ельцин – не всегда по своей вине. Иногда это было связано с общей слабостью системы. Так или иначе, Ельцин породил могущественных олигархов, которые воспользовались возможностью и подмяли под себя российскую экономику. Некоторые из них – например, Березовский – получили контроль над телевидением и, соответственно, имели возможность активно влиять на внутривнутриполитическую ситуацию. Телевидение в то время было самым важным информационным каналом. Путин потом понял, насколько это опасно, когда телеканалы контролируют какие-то внешние силы, и принял решение, что при нем такого не будет. Путин начал наводить порядок – по крайней мере, так он это себе представлял. Какое-то время в российском руководстве происходили перестановки. Конституция запрещала Путину баллотироваться на третий срок, и несколько лет президентом вместо него был Медведев. Но, как мне кажется, Путину это не очень понравилось, и он решил больше не устраивать подобных экспериментов. Недавно у нас как раз была возможность в этом убедиться. Несмотря на все взлеты и падения рейтинга, Путин уверенно держит власть в своих руках. Он внес в конституцию поправки, которые позволяют ему оставаться у власти до 2036 г. Что будет после этого и что может произойти до тех пор – сейчас сказать сложно.

Российская экономика, мне кажется, не поспевает за амбициями Путина. Но он, по-моему, не чувствует и не понимает, что происходит с экономикой. Поэтому, наверное, он с некоторым недоумением воспринимает все эти акции протеста и демонстрации, которые периодически вспыхивают в России. Он не понимает, почему они не заканчиваются и почему он не в состоянии их прекратить. Отчасти, мне кажется, причина в том, что Путин не слушает ничьих советов. А ведь вокруг него много толковых людей, которые могли бы дать ему много ценных рекомендаций. У России имеются огромные ресурсы, и можно было бы создать в ней нечто большее, чем просто примитивную экономику, где все держится исключительно на нефти и газе.

Джилл Догерти

Я хотела бы поговорить об американо-российских отношениях. Многие люди говорят, что эти отношения никогда не бывают нормальными. То ли в силу истории, то ли в силу культуры, но почему-то у нас никогда не бывает с Россией нормальных отношений. С любой другой европейской страной – пожалуйста, а с Россией – нет. Как вам кажется, господин Пикеринг, почему так получается? Возможно ли выстроить с Россией конструктивные отношения? Или мы обречены все время враждовать?

Томас Пикеринг

Это отличный вопрос. Знаете, у русских есть слово «нормально». О чем бы ни зашла речь – о проблемах со здоровьем, об экономических трудностях, о проблемах в личных отношениях, – русские любую ситуацию описывают словом «нормально». Но не в этом

суть. Дело в том, что в истории наших отношений было много напряженных периодов, много всяких международных событий, много серьезнейших идеологических разногласий, и все это так или иначе продолжает омрачать наши отношения. Давайте вернемся в прошлое и спросим себя: когда у нас были нормальные отношения? Может быть, на самом раннем этапе – в начале 1930-х гг.? Или во время Второй мировой войны?

Я бы сказал, что из-за экономического кризиса, из-за международной напряженности и последующей фашистской агрессии наши отношения до 1945 г. нельзя назвать нормальными. Потом буквально через несколько лет началась холодная война – и это тоже были ненормальные отношения. Между нашими странами были существенные разногласия, и отношения оставались весьма напряженными. Причем периодически на эту внешнеполитическую напряженность накладывались внутривнутриполитические факторы.

Я прекрасно помню, как в 1954 г. – я тогда только поступил в аспирантуру – в Вест-Пойнте проходила студенческая конференция. На нее съехались участники со всей страны. Мы сидели вперемешку с кадетами Военной академии. И практически в каждой лекции и в каждой презентации нас пугали ужасами коммунистической экспансии. Примерно то же самое происходит сегодня с Китаем. Часть наших политиков сегодня только и говорят о Китае и что с ним делать. Когда развалилась коммунистическая система, обстановка тоже была совершенно ненормальной. Возникла такая ситуация, в которой даже лучшие экономисты, даже лучшие специалисты по развитию не могли придумать простого, гибкого и реалистичного решения.

Польский экономист Адам Михник однажды сказал: «Сделать из капиталистической страны коммунистическую примерно как взять аквариум с рыбками и сварить из них кастрюлю ухи. Это легко. А вот как из кастрюли ухи сделать обратно аквариум с рыбками, уже никто не знает». Это действительно так. Сопротивление в России было очень серьезным. Все-таки люди 70 лет прожили в этой системе, и внезапно их жизнь и их положение в мире резко изменились.

Многие люди в России вспоминают в первую очередь то, что во времена Ельцина Запад пытался указывать России, что ей делать, и зачастую эти советы не приводили ни к чему хорошему. Русским казалось, что политические и внешнеполитические установки США и Запада перечеркивают их собственное мнение. И только когда к власти пришел Путин, Россия начала возвращать самостоятельность. Путин начал реформировать армию, которая находилась в плачевном состоянии, и политическую систему. Под руководством Путина Россия вернула себе достойное место в мире. Людям казалось, что Путин вернул им те надежды, ради которых они в свое время и отказались от коммунизма.

В мире постоянно что-то меняется. Поэтому, мне кажется, не стоит рассчитывать, что когда-нибудь в будущем у нас восстановится абсолютно «нормальная» обстановка. Это самообман. Нужно просто трезво оценивать текущую ситуацию, отдавать себе отчет в том, что у нас никогда не будет полной гармонии в отношениях, и делать все возможное, чтобы держать под контролем те риски, которые создают угрозу существованию наших двух стран, – так, как мы это делали во время холодной войны. Во времена противостояния США и СССР одна ошибка могла спровоцировать ядерный конфликт, и

это без преувеличения означало бы гибель всей планеты. Сегодня многие специалисты считают, что эта опасность снова возвращается.

В отношениях с Россией сегодня нам нужно создать новую систему контроля над вооружениями и обеспечить стабильность – примерно как мы это делали во время холодной войны. В данный момент эта система оказалась разрушена. В основном это произошло за время президентства Трампа, хотя, строго говоря, все началось еще при Буше, который вышел из договора по ПРО. Это делалось в угоду внутривластным интересам и не отвечало стратегическим интересам Соединенных Штатов. В рамках нашего интервью нет возможности углубляться в эту тему, но я хочу сказать, что сегодня у нас такая ситуация складывается не только с Россией, но и с Китаем.

Что в данной ситуации можно сделать? Например, можно сообща бороться с коронавирусом вместо того, чтобы заниматься им по отдельности и плевать друг в друга. Или можно, как предложил недавно Джон Керри, вместе бороться с изменением климата. Это еще более важный вопрос. Так что вот, например, возможность для того, чтобы оценить ситуацию и перейти, так сказать, к «новой нормальности». При этом нужно понимать, что эта «новая нормальность» не означает, что мы будем замалчивать имеющиеся у нас разногласия или делать вид, что их не существует. Важную роль здесь будет играть активная дипломатия.

Военным противостоянием эту проблему по-настоящему не решить – тем более что есть риск случайной эскалации. Хотя, конечно, нужно признать, что наличие военной мощи заставляет стороны уважать друг друга и учитывать чужие интересы. Так что в данном случае нет места мечтам о каких-то идеальных отношениях. Здесь нужна тяжелая, кропотливая работа. Как говорил Джордж Шульц, работа дипломата состоит в том, чтобы каждый день ухаживать за своим «дипломатическим садом». Нужно признать, что пока ни та, ни другая сторона этим не занимаются. Мы опять скатились к попыткам демонизировать друг друга, а ведь демонизация оппонента – это всего лишь предлог для того, чтобы не заниматься реальной работой. И это при том, что у нас есть очень много вопросов, по которым мы могли бы успешно сотрудничать!

[Джилл Догерти](#)

Раз уж мы заговорили о дипломатах, может быть, у вас есть какой-нибудь совет, который вы хотели бы дать будущим послам в России?

[Томас Пикеринг](#)

Да, есть. На самом деле у меня даже несколько советов. Во-первых, постарайтесь заводить как можно больше знакомств. При этом совершенно не важно, как человек настроен – положительно или критически. Вам нужно знать мнение широкого круга россиян по самым разным вопросам. Во-вторых, следите за тем, чтобы в Вашингтоне всегда четко знали и понимали вашу оценку текущей ситуации. В-третьих, используйте каждую возможность. Вы как посол играете важную роль в формировании внешней политики государства. Я всегда считал, что, если что-то пошло не так, мой долг как посла сообщить об этом в Вашингтон. Но при этом, если я сообщал в Вашингтон, что у нас что-то идет не

так, я всегда обязательно добавлял свои рекомендации: что можно исправить, изменить, сделать по-другому. Для посла это обязательное требование.

Кроме того, в тяжелые времена послы обязаны думать о том, каким образом улучшить отношения между странами. В случае с Россией ситуация во многом зависит от лидеров двух стран. Понимают ли они потребность в нормализации отношений? Готовы ли что-то для этого сделать? С этим всегда возникают проблемы. Если личные отношения между лидерами испорчены, восстановить их без активного участия послов не удастся.

Мне кажется, когда мы во время второго срока Обамы решили, что Медведев, который на тот момент был законным президентом России, заслуживает большего внимания, чем Путин, это был серьезный просчет. Путин тогда был премьер-министром. Официально он занимал второй по важности пост, но все ключевые решения принимал все равно он. Соединенные Штаты подошли к этому вопросу сугубо формально, и это было интерпретировано таким образом, что нам очень хочется, чтобы место Путина занял Медведев, и что мы на это рассчитываем. Естественно, по отношению к Путину, который потом снова стал президентом, это был не самый удачный подход.

Джилл Догерти

У меня остался последний вопрос. Я сейчас думаю о людях, которые будут смотреть или слушать это интервью и почерпнут из него много полезного. Я думаю о студентах и даже старшеклассниках, которые хотели бы поступить на дипломатическую службу или посвятить себя изучению России – страны, за которой вы сами уже очень давно наблюдаете. Что бы вы сказали этим молодым людям? Что вы им посоветуете? Почему стоит идти в дипломаты? Зачем заниматься Россией?

Томас Пикеринг

Мне кажется, дипломатическая служба открывает перед человеком обширные возможности. Во-первых, это работа, в которой карьерный рост до сих пор зависит только от вас самих, от вашего профессионализма. Вас не всегда будут отправлять туда, куда вам хочется, но каждое новое назначение будет для вас новым вызовом. В этой сфере от человека требуется безусловная готовность служить своей стране. Вы будете сталкиваться с опасными ситуациями, ваши семьи не всегда будут с вами, от вас потребуются определенные жертвы – иногда весьма существенные. С другой стороны, очень приятно сознавать, что своей работой ты помогаешь формировать внешнюю политику Соединенных Штатов, которые, по моему скромному мнению, все-таки остаются ведущей страной мира, несмотря на все неудачи последних лет, которые, я уверен, являются временными и которые следующая администрация обязательно исправит.

Я всегда считал, что в мои обязанности входит помогать американским гражданам, которые оказались в непростой ситуации, и могу сказать, что я всегда испытывал большое удовлетворение, когда удавалось помочь в этих частных случаях. Иногда, скажем, бывало так, что родители развелись и один из них забрал ребенка и увез его из страны, и нам удавалось помочь семье воссоединиться с ребенком. Иногда, наоборот, приходится заниматься глобальными вопросами. Предположим, вам удалось сделать удачное

предложение по поводу того, как выстраивать отношения с какой-то страной: с Россией, или с Индией, или, может быть, с ООН. Все это очень ценно. Это невозможно измерить деньгами, но по-человечески это очень приятно.

Так что, если вас привлекает дипломатическая служба, не идите в дипломаты только потому, что для вас это просто ступенька в карьерной лестнице. Вполне возможно, вы потом действительно получите более привлекательное предложение. Но подумайте о том, что вы заняли место, которое могло бы достаться другому. У этого другого человека была бы возможность поработать рядовым сотрудником и набраться как следует опыта. Мы же не можем потом назначать на более ответственные должности людей, у которых нет никакого опыта практической работы. С другой стороны, конечно, нужно давать нашим дипломатам возможность получать дополнительное образование, повышать квалификацию. Сейчас они настолько загружены работой, что у них далеко не всегда есть возможность найти время для занятий. Мы с коллегами сейчас как раз прикидываем, как это организовать. В общем, вот что следует иметь в виду, если вы подумываете о карьере дипломата.

Нам очень нужны люди, особенно из тех категорий, которые у нас недостаточно представлены. По женщинам сейчас неплохая статистика, но вот чернокожих дипломатов у нас очень мало. Людей азиатского происхождения довольно много, но латиноамериканцев уже поменьше. Короче, нам нужны представители самых разных групп – и не просто для того, чтобы у нас была представлена вся страна во всей ее многоликости. Индивидуальность – неотъемлемая часть дипломатической работы. Мы хотим, чтобы международными отношениями у нас занимались люди с самыми разными представлениями, самыми разными подходами. Конечно, при этом важно, чтобы ваша индивидуальность не мешала объективно смотреть на вещи.

Джилл Догерти

Что ж, в этом смысле вы для них отличный пример. Господин Пикеринг, большое спасибо, что нашли время поделиться своими ценными мыслями по поводу России и американо-российских отношений.

Томас Пикеринг

Спасибо, Джилл. Как всегда, было очень приятно пообщаться с вами. Спасибо за интересные вопросы.

Посол Джеймс Ф. Коллинз (1997–2001)

Часа в два дня меня попросили приехать для получения сообщения от Ельцина. Довольно напряженный был момент: вокруг толпы народа, мы проезжаем за баррикады на посольской машине с флагом, едем к Белому дому, и я не понимаю, они сейчас будут нас приветствовать или бросать камни. Но начали приветствовать. Что касается сообщения, то оно сводилось к тому, чтобы попросить Вашингтон не признавать самопровозглашенную власть и поддержать конституционный порядок, законность и президента Горбачева. На этом мы и закончили.

ИНТЕРВЬЮ

Джилл Догерти

Господин Коллинз, большое спасибо, что согласились дать интервью. Мы с вами много раз говорили и в Вашингтоне, и в Москве, и в других местах, так что замечательно, что удалось снова пообщаться.

Джеймс Коллинз

Спасибо, Джилл. Мне очень приятно, что вы меня пригласили поговорить. Мы давно друга друга знаем, и каждая встреча с вами – интересный и ценный опыт.

Джилл Догерти

Спасибо. И у меня от наших разговоров такие же впечатления. Я думала о вашей работе, ваших достижениях и поняла, что вы всегда, до самого сегодняшнего момента, были активно вовлечены во все происходящее. У вас был особый взгляд на Россию, на бывший Советский Союз, особенно в те годы, постсоветские, когда рождалась новая Россия. В середине 90-х вы были послом по особым поручениям и специальным советником при государственном секретаре по вопросам новых независимых государств, как их тогда называли. До этого, с 1990-го по 1993-й, вы были заместителем главы дипломатической миссии в Москве и исполняли обязанности временного поверенного в делах. А потом, в 1997-м, вы вернулись уже в качестве посла, и проработали на этом посту до 2001 г., и в этот период как раз мы с вами пересеклись в Москве. Так что у вас в Москве было три назначения.

Давайте начнем с первого. Вы работали заместителем дипмиссии в то судьбоносное время в 1991 г., когда распался Советский Союз. Помню, и я сама, и многие другие были потрясены, что вот он наконец разваливается. А для вас это стало потрясением? К тому времени вы уже замечали, что он начал осыпаться? И остались ли у вас от тех дней особенно яркие воспоминания?

Джеймс Коллинз

Вряд ли от тех времен у кого-то могло не остаться ярких воспоминаний. Но, во-первых, я бы сказал, что никто из известных мне людей не предвидел, что СССР развалится на части. Когда в конце лета 1990-го – или в начале осени – меня направляли заместителем посла, консенсус нашей разведки, как меня проинструктировали, состоял в том, что в течение пяти лет одна из прибалтийских республик получит существенную автономию. Прошел год – и нет никакого СССР. Хотя сейчас мне кажется, что все было закономерно.

На самом деле задним числом даже удивительно, что распада Союза никто не ожидал. При том что он действительно сильно изменился при Горбачеве и стал совсем не похож на страну, которую я застал в середине 60-х и начале 70-х. СССР стал другим, он стремительно менялся на глазах. Было очевидно, что идут перемены, но, когда я приехал в 1990-м, конца никто не ждал.

Честно говоря, когда в августе 1991 г. случился путч, он стал сюрпризом для всех. Не то чтобы не было слухов – несколько месяцев ходили разговоры, что что-то такое затевается, но никто в это всерьез не верил. Казалось, ложная тревога. А когда все произошло на самом деле, это был шок. Правда, и это был еще не конец СССР. Союз распался только через несколько месяцев. Но путч стал неожиданностью и потрясением.

После провала путча и возвращения Горбачева одно за другим произошли изменения, которые и положили конец Советскому Союзу, каким мы тогда его знали. Пожалуй, самым ярким из них был конец КПСС как правящей партии и вообще как привилегированной партии во всей стране. Честно говоря, без Коммунистической партии СССР уже не был СССР. В общем, путч – это был шок, и его последствия понять и оценить в тот момент мало кто мог.

Моя жена написала книгу о наших московских годах, и там она говорит: «Когда живешь в исторический момент, не знаешь, что случится потом, чем все обернется. А историк, который изучает источники, уже знает, что было в конце, так что у него совсем другая картина событий». В те три августовских дня была полная неопределенность насчет будущего. Что дальше – возврат к холодной войне и жесткой коммунистической линии в Кремле или что-то другое? В итоге, разумеется, получилось что-то другое. То есть, по сути, пришел конец советской власти. Стало ли это потрясением? Да, стало, и никто такого не ждал, и никто не понимал, чего теперь ждать от дальнейших событий, но обстоятельства сложились так.

Еще бы хотел отметить, что США при президенте Буше и госсекретаре Бейкере в этот переходный период правильно себя повели: не создали дополнительных проблем, не прибавили лишней неопределенности, не говоря уж о том, что обошлось без кровопролития, которое могло бы случиться. Я думаю, история еще покажет, что это был пример на редкость профессиональной дипломатии в период огромной неопределенности и опасности, когда распадалась ядерная держава и никто не понимал, чем все закончится.

Джилл Догерти

Да, я хорошо это помню. Был дикий страх, что страна развалится и ядерные боеголовки без присмотра расползутся по всему бывшему СССР. Что будет гражданская война, кровопролитие, ядерные инциденты и так далее. Пугающее время. Какие рекомендации вы направляли в Вашингтон? Что вы тогда советовали?

Джеймс Коллинз

Если говорить о самом путче, то тут есть любопытный нюанс. Как известно, он случился рано утром по Москве, то есть в Вашингтоне все спали, а значит, несколько часов я и все посольство были предоставлены самим себе. Мы связались с дежурными в Вашингтоне и доложили обстановку, но никаких инструкций не получили.

В общем, это был один из тех очень редких случаев, когда я как дипломатический сотрудник – да, положим, я в тот момент отвечал за работу посольства, но все равно, – когда я был вынужден принимать решение без каких-либо руководящих указаний. Мы рассудили, что официальному представительству США не подобает иметь дело с людьми, которые просто объявили себя новыми правителями. К нам не поступала информация от президента Горбачева. Мы не получили никаких свидетельств того, что то, что проводилось якобы в интересах конституционного порядка в СССР, имело под собой хоть какие-то правовые основания.

В общем мы с коллегами в посольстве (которых я очень уважаю за то, как они помогли мне с выработкой решений) сказали: «Если только это не повредит безопасности американских граждан и их имущества, мы не будем иметь дело с людьми, которые объявили себя хозяевами в Кремле». И это, по сути, была наша официальная политика, по крайней мере как я ее сформулировал, на протяжении нескольких часов, пока в Вашингтоне не решили занять какую-то позицию.

В конечном счете, по-моему, наше решение просто приняли за основу для дальнейших действий. В таких вопросах надо быть очень осторожным, нельзя признавать новое правительство, пока не выяснится, как на самом деле обстоят дела, у кого есть реальная власть, у кого нет, что законно, что правильно и так далее.

В то же самое время, в те же часы Ельцин заявил, что он на стороне конституционного порядка и президента Горбачева, что он не признает этих товарищей в Кремле и не подчиняется их распоряжениям и что он совсем рядом, в так называемом Белом доме, организует свое, альтернативное правительство.

Наверное, он занял ту же позицию, что и я, решил, что не станет сотрудничать с самопровозглашенными правителями. Так мы с ним оказались как бы в тандеме, на стороне того, что мы оба считали конституционным порядком, и оба отказались согласиться с тем, что власть узурпировали люди, которые просто назвали себя хозяевами Кремля. И это, само собой, тоже повлекло определенные последствия.

Часа в два дня меня попросили приехать для получения сообщения от Ельцина. Довольно напряженный был момент: вокруг толпы народа, мы проезжаем за баррикады на посольской машине с флагом, едем к Белому дому, и я не понимаю, они сейчас будут нас приветствовать или бросать камни. Но начали приветствовать. Что касается сообщения, то

оно сводилось к тому, чтобы попросить Вашингтон не признавать самопровозглашенную власть и поддержать конституционный порядок, законность и президента Горбачева. На этом мы и закончили.

Когда я вернулся, мне позвонил президент Буш, спросил, как у нас дела, все ли в порядке и что я обо всем этом думаю. Мне лучше всего запомнилось, как я ему сказал, что по многим причинам сейчас совершенно неясно, увенчается ли переворот успехом, и что нам надо действовать очень осторожно и не спешить делать выводы и кого-то признавать. Так мы и поступили, и, по-моему, история оказалась на нашей стороне, или мы оказались на стороне истории – в общем, мы оказались на правильной стороне.

Джилл Догерти

Да уж. Какой драматичный момент! Вы упомянули президента Буша, речь, конечно, о Буше-старшем, Джордже Герберте Уокере Буше. Позже про этот период начали рассуждать в том духе, что Советский Союз распался из-за США, мол, СССР не смог тягаться с Америкой в сфере военных расходов и так далее. Но если посмотреть на то, как вел себя президент Буш (получив, конечно, и ваши консультации), в действиях его администрации не видно ликования победителей, по крайней мере насколько я могу судить. Напротив, они из всех сил старались уважать чувства другой стороны и помогать. А вы как видите то время? Потому что до сих пор, когда говорят о роли США в том, что случилось с Советским Союзом, очень многое домысливают и интерпретируют неверно.

Джеймс Коллинз

Я думаю, если говорить в общем, нет сомнений, что... Во-первых, и администрация Буша, и США в целом, как во время второго срока Рейгана, так и потом при Буше, видели в реформируемом горбачевском СССР партнера. Партнера, сотрудничество с которым могло сыграть все более важную роль в первую очередь для окончания холодной войны. И, кстати говоря, эти страны путем переговоров во многом ее и окончили еще до распада Советского Союза. Далее, я полагаю, что США как раз очень рассчитывали привлечь на свою сторону нового партнера в Евразии, который помог бы с сокращением ядерных арсеналов и с переходом региона бывшего Варшавского договора на мирные рельсы. Еще, мне кажется, у американских лидеров было ощущение, что в социо-политическом и экономическом плане советский строй развивается в конструктивном ключе. По-моему, мы были заинтересованы... я думаю, в Вашингтоне действительно были заинтересованы в Горбачеве, в том, что он собой воплощал, и что пытался сделать.

Но у нас также понимали, что его реформы вызывают все больше недовольства. Еще до путча было понятно, что нарастает оппозиция горбачевским мерам, особенно когда они стали угрожать привычным схемам управления и контроля над ресурсами. Останется ли власть крайне централизованной или республики, такие как Украина и Казахстан, получат больше полномочий? Среди ортодоксов КПСС, большевиков старой закалки, зрело недовольство предложениями Горбачева. Ведь путч произошел, по сути, из-за того, что он вынес на рассмотрение проект нового союзного договора, фактически новой конституции

Союза, которая предусматривала передачу значительной части полномочий от центра республикам, региональным правительствам, а ортодоксальные коммунисты были против.

Мне кажется, в Вашингтоне исходили из той простой логики, что СССР движется в правильном направлении и что Горбачев продемонстрировал готовность довести до конца цивилизованное преобразование старой системы Варшавского договора, старой европейской архитектуры во что-то новое, в чем СССР мог бы играть конструктивную роль или, по крайней мере, быть надежным партнером, и с этой точки зрения Америка была заинтересована в выживании Советского Союза. Отсюда, на мой взгляд, растут корни знаменитой киевской речи июля 1991-го – или, точнее, начала августа 1991-го, – за которую президента Буша так много ругали. По сути, он сказал националистам, представителям движений, которые пытались расколоть страну или бросить вызов Москве: «Осторожнее. Не спешите». Националисты от этих слов были не в восторге, но, по-моему, Буш говорил искренне.

Джилл Догерти

Вы упомянули Бориса Ельцина, который, разумеется, в те годы был одной из ключевых фигур российской истории. Вы приехали в Москву послом в 1997 г., тогда же, когда меня назначили главой московского бюро «Си-эн-эн». И я помню, как меня то и дело срочно вызывали на работу, если я вдруг взяла короткий отпуск, потому что Ельцин либо умирал – он много раз умирал, – либо увольнял очередного премьер-министра. Бурный был период – 1997–1998 годы. Почему он был такой бурный? Просто такое время? Или дело в Ельцине? Можете поделиться впечатлениями? Вы ведь, конечно, с ним встречались и внимательно за ними следили. Что это был за человек? И что за лидер?

Джеймс Коллинз

Ну давайте начнем с Ельцина. Я как раз его очень уважаю и считаю, что он войдет в историю как один из по-настоящему выдающихся лидеров. Мне кажется, это и к Горбачеву относится, потому что оба они находились у руля в эпоху чрезвычайных волнений и перемен в обществе, которое до того подчинялось строгой дисциплине в рамках тоталитарного строя. Они смогли его перестроить, сделать гораздо более открытым, таким, которое уже не могло изолироваться от всего мира.

Влияние этого на общество, на его структуры, на все стороны жизни, которые советские люди даже еще в начале 80-х принимали как само собой разумеющиеся, было такого масштаба, который американцы просто не могут вообразить. И они пытались как-то организовать процесс этих перемен. Горбачев, честно говоря, старался сохранить Советский Союз и превратить его в страну более современную, с более открытой экономикой, с более совершенными структурами власти, чтобы можно было и эффективно ей управлять, и развивать экономику и так далее.

Ельцин был другим. На мой взгляд, он по тем или иным причинам решил, что терпеть не может КПСС. Он хотел отстранить ее от власти. А партия пыталась уничтожить его. И обе стороны не питали относительно намерений друг друга никаких иллюзий. По сути, на мой взгляд, он произвел в России три революционных изменения.

Первое, политическое, было колоссальным; мало кто признает здесь его заслугу, но это факт: он добился того, что легитимный лидер страны, то есть любой будущий российский лидер или какой-то человек, претендующий на политическую власть, должен обязательно избираться. Никакое происхождение, никакая партия – или идеология, если угодно, – не дают легитимности. Нет какого-то «священного ордена» с монополией на власть – ее дает только общественное признание.

Этот принцип жив до сих пор, хотя и ведутся многочисленные споры о том, свободные ли выборы в России, несвободные, и все в таком духе. Факт заключается в том, что Путин не может претендовать на легитимность, если его не изберут, и ему приходится с этим считаться. Конечно, мы можем рассуждать о том, так ли демократично он эти выборы проводит, но все равно – другого способа легитимизировать свою власть у него нет.

Второе: Ельцин стремился открыть страну для контактов с остальным миром. И не просто открыл – распахнул ее. Он покончил с попытками контроля, скажем так, над российским, или – до того – советским, информационным пространством. Да, в те годы его уже невозможно было контролировать, как раньше. Появились первые мобильные телефоны, зарождался Интернет и так далее, но он окончательно снял запреты. Помню, году в 1998-м Ельцин нас пригласил (был еще шведский посол) в одно небольшое помещение, размером с мою гостиную, и там какой-то человек переключил тумблер на небольшой коробочке в углу комнаты – и 64 000 телефонных линий открылись для международной связи, для прямого набора. До тех пор для простых людей таких линий было всего несколько сотен.

Это было только начало. Этот эпизод – символ того, что происходило. Люди со всего света хлынули в Россию, россияне впервые получили возможность свободно ездить за границу. Так что Ельцин открыл двери страны для внешнего мира. Более того, на тот момент он сделал Россию неотъемлемой частью глобальной экономической и, я бы даже сказал, информационной и политической систем. Страна уже не могла изолироваться от того, что происходит в остальном мире, или создать какую-то альтернативную реальность, в которой коммунисты продержали ее почти весь XX в.

Наконец, третье: он смирился с идеей того, о чем другие правители России на протяжении веков не могли даже подумать, – с идеей конца империи. Он понял, что напрямую управлять из Москвы всеми этими республиками просто не выйдет. Началось с того, что он и лидеры Украины и Беларуси пришли к соглашению, что Советский Союз больше не будет единой централизованной страной. Но Ельцин пошел дальше и за время своего президентства подписал договоры о границе и ряд других соглашений со всеми новыми странами, образовавшимися на месте СССР, и заявил, что они будут признаны независимыми государствами.

Это было полное преобразование всей Евразии, а не только России или Советского Союза. Там началась рыночная экономика. Они интегрировались в общемировую систему, стали открытой частью евроатлантического сообщества, вышли из имперского строя. Попытаться осуществить все эти реформы за одно десятилетие – довольно смелая попытка. Что, мне кажется, еще важнее с точки зрения Вашингтона, – это то, что, реализуя эти цели, он сделал две важные вещи.

Во-первых, удалось избежать серьезного кровопролития. Многие беспокоились, что Евразия превратится в одни большие Балканы, но этого не случилось, и во многом благодаря тому, что и сам Ельцин, и некоторые другие ключевые лидеры проявили решимость этого не допустить. А поводов к тому было предостаточно.

Во-вторых, и это, по-моему, было для нашей стороны принципиально важно, он сотрудничал с США в разрешении ядерной проблемы. То, что удалось собрать все ядерное оружие с территории бывшего СССР в Российской Федерации и потом сократить его запасы, пожалуй, позволяет, нам сказать, что мы смогли договориться с Москвой по важнейшему вопросу. Контроль за ядерным арсеналом и его сокращение – в первой половине 90-х это была наша главная цель, и, если честно, мы не были уверены, что удастся ее достичь.

В общем, по-моему, Ельцин заслуживает самой высокой похвалы за то, что он запустил этот процесс, дал россиянам возможность перевести дух и прийти в себя и притом оградил их от излишнего давления извне и не допустил насилия внутри страны. Потому что в противном случае это были бы совсем другие 90-е. Хотя, конечно, конец его второго срока производил впечатление далекое от того, как все на самом деле обстояло.

Джилл Догерти

Да уж. Кстати, о его последних годах. Примерно через два года после вашего назначения послом, в конце 1999-го, на политической сцене вдруг возникает Владимир Путин. Никто, по крайней мере за пределами узкого круга, не понимает толком, кто это такой. Сперва он становится премьером при Ельцине, а потом в конце 1999-го Ельцин раз – берет и уходит, назначая Путина преемником. Ну а в марте 2000-го уже выборы.

Я понимаю, что Путин – это обширная тема, но вы, безусловно, следите за событиями. Вы с ним много раз общались, видели его вблизи. Как он изменился? Каким был Путин в самом начале своего президентства, когда только пришел?

Джеймс Коллинз

Я бы сперва сказал пару слов о том, что Путину, как он сам думал, досталось в наследство. Последние два ельцинских года, 1998-й и 1999-й, были сложными. Были два конкретных события, которые задали тон обстановке, в которой Ельцин – совершенно, надо сказать, неожиданно – решил уйти в отставку на полгода раньше срока. В Москве этого никто не предвидел; почти все, с кем я говорил, рассуждали только о том, как он попытается удержаться за власть. Что придумает, чтобы пойти на новый срок? Почти никто не предполагал, что он уйдет. И когда он сам ушел в отставку на полгода раньше, все были потрясены. Но этот шаг, по-моему, свидетельствовал о том, что Ельцин сам понимал: положение у него почти безвыходное, популярность упала до минимума. Он почти утратил способность эффективно управлять страной.

И я бы добавил, что особенно против него работали два обстоятельства. Первое – последствия финансового кризиса, который разразился в конце лета 1998-го и стал чудовищным ударом для всех россиян. Все надежды на то, что вот-вот жизнь наладится и

страна вернется к какому-то новому порядку, который сложился в середине 90-х, разбились об этот кризис вдребезги.

А еще этот момент, на мой взгляд, был решающим в отношениях России с Вашингтоном и Европой. Вдруг оказалось, что экономические преобразования не дают эффекта, и сложилось впечатление, что Россия пытается сложить с себя ответственность. Хорошо помню, что американская пресса в августе 1998-го резко переменяла тон. До этого о России писали как о большом нашем успехе, а тут пошли заголовки: «Кто виноват?», «Чей недосмотр?», «Кто упустил Россию?».

Нет, на самом деле думать, что до этого мы каким-то образом держали Россию в руках, было довольно глупо. Но сложилось мнение, будто все шло хорошо, а потом из-за чьей-то либо серьезной ошибки, либо предосудительных действий Россия оказалась неспособной платить по долгам, объявила дефолт и так далее.

В те дни в Москве – я хорошо это помню, и вы, Джилл, может быть, тоже – все представители элит были в дикой панике по поводу того, что может произойти после обвала рубля и краха экономики. Помню, как встречался с руководителями двух профсоюзов шахтеров; один – частный, другой – официальный, как бы государственный. Оба они были вне себя, говорили, что шахтеры взорвутся, по сути, поднимут восстание. И определенные шаги действительно были. На одном из крупнейших угольных месторождений шахтеры перекрывали железные дороги и так далее. Возникли очень реальные опасения, что начнутся массовые волнения и наступит хаос. Все представители политического спектра в Москве, от крайне правых до крайне левых, думали только о том, чтобы удержать ситуацию в руках. Пахло чем-то серьезным.

Был еще один досадный момент. В то время, за несколько месяцев до кризиса, Ельцин назначил премьером Кириенко. Тот был человек очень умный, очень сообразительный – один из тех молодых специалистов, которых Ельцин периодически привлекал, надеясь, что они помогут с реформами. Кириенко стал жертвой этого кризиса, потому что все произошло при нем. Хотя он всего-то пробыл в премьерском кресле шесть-семь месяцев, но ответственным за крах стал он.

Таким образом, выход из кризиса, попытки удержать ситуацию под контролем сильно ослабили позиции Ельцина и создали значительные трудности. А еще это стало, я бы сказал, ударом по идее реформ, потому что возник извечный вопрос: «Кто виноват?». А дальше выбор за вами: американцы, Чубайс, Ельцин, – но почти никто не указывал пальцем на консерваторов, на националистов, на тех, кто ругал реформаторов. В общем, дефолт отбросил тень на реформаторов, а вместе с ними и на Ельцина.

Второе обстоятельство, которое, по моему мнению, оказалось крайне болезненным и сильно навредило ельцинской команде, – это конфликт вокруг Косово. Речь о ситуации в Югославии, когда сербы противостояли косовским албанцам, – началась война, в которую мы в итоге вмешались, нанеся авиаудары по Белграду.

Итогом всего этого стало серьезное поражение Ельцина. Он пытался остановить военное вмешательство США, но безуспешно. А в результате мы получили такую волну неприязни

по отношению к Ельцину и американцам, какую я в других случаях не могу и припомнить. Эти настроения были даже сильнее, чем возмущение по поводу экономического кризиса, и шли гораздо глубже. Они объединили всех тех, кто ругал Ельцина и реформы, всех, кто считал, что при Ельцине Россия утратила былое величие, потеряла все советские достижения и все в таком ключе. У оппозиции впервые появилась общая и близкая массам идея: смотрите – американцы бомбят сербов, наших младших братьев. Это вызвало у людей сильнейшие эмоции, задело за живое.

Помню, две-три недели обстановка была непростая. Ельцин ушел в оборону, прикидывал, какую линию теперь вести. Он выступил с критикой американцев и тех, кто допустил такое развитие событий. По сути, он заявил: «Это неприемлемо». В итоге Ельцин вышел из этой ситуации, назначив Черномырдина, бывшего премьера, специальным представителем по урегулированию ситуации в Сербии, а сам переключился на оппонентов: обвинил их в подстрекательстве, в попытках втянуть Россию в войну с США, которой он, по его словам, никогда не допустит. Что ж, тактика, надо признать, довольно действенная, и конфликт в итоге удалось остановить и так далее, но Ельцина эта история, похоже, ослабила еще больше.

В общем, к концу 1999-го у Ельцина рейтинг ниже некуда – 5% или что-то около того. В этой обстановке он решает отказаться от услуг своего кризисного премьера Примакова и назначает новым премьер-министром Путина.

Путина в то время знали в Кремле, но большинству людей он был мало известен. Я лично с ним общался, когда он занимал при Ельцине пост директора ФСБ. Потом он некоторое время был советником по национальной безопасности, а затем стал премьер-министром, то есть, по сути, занял должность, которая, согласно конституции, позволяла ему заменить президента, если тот вдруг серьезно заболеет, станет не в состоянии исполнять свои обязанности или уйдет в отставку. Но, как я уже сказал, принципиально важно то, что никто в конце 1999-го не ожидал, что Ельцин уйдет. Все думали, что он попытается уцепиться за третий срок, а Путин – ну просто еще один премьер. Поработает немного и уйдет, а вышло все совсем не так...

Когда 31 декабря 1999-го, в канун Нового года, Ельцин вдруг заявил, что уходит, это был шок. Никто такого не ожидал. Вы, наверное, хорошо помните: раз – и у нас и. о. президента Путин. Фактически для большинства людей он был темной лошадкой. Не так уж многие с ним раньше лично работали. Я бы не сказал, что хорошо его знал, но за два моих последних года в Москве несколько раз успел пообщаться по разным поводам.

На меня он произвел впечатление, во-первых, человека очень умного. Всегда великолепно подготовленного. В беседах со мной он никогда не подглядывал в свои записи. Еще с ним было интересно. В отличие от Ельцина, который на встречах, в общем-то, вещал, Путин действительно вел дискуссию. Звучали вопросы, ответы, обсуждения. Это был человек другого склада. Потом, само собой, он был молод, полон сил, представитель, так сказать, нового поколения. В этом смысле он подходил под ельцинские критерии: Ельцин не хотел передавать власть человеку своего поколения, он рассчитывал на молодых.

И вот в должности исполняющего обязанности президента оказывается этот новый, малоизвестный человек. Первые четыре-пять месяцев он был и. о., но требовалось еще победить на выборах, поэтому в первый период он не только работал в качестве президента, но и вел избирательную кампанию.

Есть несколько моментов, которые, мне кажется, интересно отметить о Путине тех месяцев. Первое – я хорошо это запомнил – встреча с госсекретарем Мадлен Олбрайт. Я не буду вдаваться в подробности переговоров, но одна вещь показалась мне любопытной. Дело было, кажется, в феврале. Он ей, по сути, сказал (не помню точно, как об этом зашла речь): «Знаете, я занимаюсь карате и мне нравится китайская еда, но не это отражает нашу сущность. Мы часть Европы. Мы европейцы. Это наша культура. Мы смотрим в этом направлении. Да, у меня могут быть договоренности с Китаем, Японией, другими азиатскими странами, но мы часть Европы».

Мне показалось это интересным потому, что в каком-то смысле эти слова подтверждали мысль о том, что Россия связывает свое будущее с Европой и евроатлантическим миром. Так он сказал. То есть он в общем-то не отрицал того, что Россия – часть этой большой семьи, я бы назвал ее евроатлантической. Мне врезался в память этот момент, и в каком-то смысле он вселял надежду.

Но был и другой случай, иного рода, и сейчас, оглядываясь назад, я полагаю, нам стоило обратить на него больше внимания и призадуматься. По случаю так называемого старого Нового года в Кремле был торжественный вечер – во Дворце съездов, таком огромном амфитеатре, где раньше проходили съезды КПСС. Вечернее мероприятие, типично российское, – я их всегда называл смесью проповеди с варьете.

Но что было важно – это общая тема. Потому что организовали вечер под эгидой патриарха, а среди участников значились бывший премьер и министр иностранных дел Примаков; глава новой националистической популистской партии, которая почему-то называлась «Либерально-демократической», Жириновский; и руководитель Коммунистической партии Зюганов. А посвящено мероприятие было всему тому, что делает Россию великой. Цитировали Хомякова, одного из ранних славянофилов, а говорили о том, что ведет Россию к величию, а нас, соответственно, к упадку.

Было четыре или пять отделений – четыре, кажется, – и в каждом из них выступали эти четыре человека, превознося все те качества, которые, по Хомякову, делают Россию великой. Одно из них – духовность, другое – красота и так далее. А еще одно – вера, православная вера.

Все это сводилось к тому, что, когда мы вместе, мы сильны, а когда грыземся между собой – слабы. То есть к концу вечера – а все это было как бы во имя Путина, во имя нового порядка – сложилась примерно такая картина: у нас большой шатер, мы рады пустить в него всех, и мы вернем России былое величие (перефразируя известный лозунг). В основу ляжет единство. Если ты с нами, если ты вместе со мной стремишься к этой цели, мы тебе рады и придумаем, как использовать твой вклад в общее дело. Но если ты против нас, то тебе нет места под крышей шатра и тебя, соответственно, как человека, стремящегося ослабить Россию, ждет довольно неприятное будущее.

Мне кажется, мы не вполне отдавали себе отчет, к чему это все ведет. Но вскоре появилась новая партия – «Единая Россия». И мы начали замечать первые шаги Путина в этом направлении. Может быть, помните, у России был гимн, но к нему не было официально принятых слов. Тогда нашли другое решение – взяли старый советский гимн, но сочинили новые слова. Это устроило оба лагеря, расколотых при Ельцине.

Была проблема с флагом, потому что военные хотели сохранить советское красное знамя времен Второй мировой войны, а ельцинские реформаторы сделали флагом петровский триколор. Путин же сказал: хорошо, пускай триколор будет государственным флагом, но военные могут оставить Знамя Победы. И было еще много таких эпизодов, когда он пытался примирить чувства людей, при Ельцине враждовавших, и привести их под крышу одного шатра.

Те немногие, кто находился в оппозиции, включая его противников на президентских выборах, оказались в затруднительной ситуации. Так, например, Гусинского какое-то время продержали в тюрьме, и он был вынужден бежать из страны. Он был медиамагнат, во многих смыслах человек, сделавший себя сам, создатель по-настоящему независимого телеканала. Все это, по сути, у него отобрали, и ему пришлось эмигрировать из-за несогласия со многим из того, что делал Путин. Позже та же участь постигла Березовского.

В своей основе те шаги, которые Путин сделал и в первые месяцы до выборов, и вообще в свой первый год, когда я еще был в Москве, были преимущественно направлены на то, чтобы объединить страну, сцементировать ее. Он создавал условия, которые, в общем и целом, вызвали одобрение у деловых кругов и других людей. Большинство из реформаторов прошлых лет тоже оценили их положительно. Он, например, принял меры к тому, чтобы законы по всей стране действовали единообразно. Чтобы, если вы подписали договор в Петербурге, его соблюдали и во Владивостоке, что в 90-х далеко не всегда было так. В свой ранний период он провел ряд правовых реформ, изменил уголовно-процессуальный кодекс, освободив тысячи людей от превентивного ареста, и так далее. Так что люди в тот первый год не случайно видели в нем эффективного управленца, который, по сути, сумел воплотить в жизнь многие из тех реформ, что Ельцин предлагал, но не смог осуществить.

Сейчас, вспоминая то время, мне кажется, что там явно были два аспекта. С одной стороны, проводилась политика единства, которая не оставляла пространства для тех, кто собирался противиться переменам. С другой – многие из путинских реформ соответствовали тем, которых ждали от Ельцина во второй его срок, но не дождались.

В общем, когда я уехал, в середине 2001-го, мне кажется, о Путине еще многое было непонятно. В каком направлении он движется? Что собирается сделать? И, по-моему, эта неопределенность сохранялась довольно долго. И напоследок добавлю еще одну вещь. На мой взгляд, ключевым моментом для наших отношений стал период после теракта 11 сентября, когда он, как вы, может быть, помните, первым позвонил президенту Бушу, чтобы выразить соболезнование и предложить поддержку, а потом – если не ошибаюсь, в ноябре 2001-го – посетил США. Если вспомнить то время и посмотреть, какие заявления он делал совместно с нашими лидерами, что говорил, какие документы подписывал,

можно было бы подумать, что у нас появилась отличная возможность выстроить новые отношения, партнерские и продуктивные. Да, не без сложностей, но расхождения во взглядах были, по-моему, не диаметральными.

Мне кажется, мы упустили эту возможность, когда решили, что у нас сейчас другие приоритеты. Я думаю, мы там упустили возможность. Не знаю, что могло бы из этого получиться, и, наверное, неизвестно, к чему бы привело сотрудничество с Путиным, если бы мы по-другому выстраивали с ним отношения. Но по той или иной причине администрация Буша решила, что отношениям с Россией уделять много внимания не стоит, что у нас полно других забот, а Россия для нас в перспективе большой роли не играет. И я думаю, что мы за это решение заплатили определенную цену.

Джилл Догерти

Некоторые считают, что есть два разных Путина. И вы в каком-то смысле тоже на это намекаете, когда говорите, что, с одной стороны, в нем видели реформатора, думали, что отношения улучшатся и все такое, а с другой – сейчас в России гораздо более жесткий контроль и в плане законодательства, и в международном плане. Как вы думаете, был какой-то поворотный момент, когда Путин изменился, или он так изначально все и задумывал?

Джеймс Коллинз

Я думаю, однозначного ответа нет. По-моему, мы недооценили важность той встречи во Дворце съездов и того, как она отразила представления Путина и его сподвижников о желанной для них России будущего. Мне кажется бесспорным, что в этой концепции России единство понималось как относительно ограниченные возможности для выражения оппозиционных или альтернативных мнений по поводу приоритетов или способов реализации тех или иных мер.

Так что я соглашусь, что там был этот аспект, и он был очень важен. И одна из причин, по которой Путин сразу же занялся этим вопросом, заключалась, по-моему, в том, что он учел взлеты и падения Ельцина в 90-е. Тот добивался какого-то успеха, и его рейтинг взлетал, но потом его начинали клевать, критика нарастала, он терял популярность, а потом снова что-то происходило, и он снова оказывался на коне.

Мне кажется, с точки зрения путинского окружения, президентство таким быть не должно, президент должен иметь стабильно высокий рейтинг. Президента должны уважать, он должен иметь авторитет. Его нельзя просто так смешивать с грязью. Мне кажется, там с самого начала было довольно твердое намерение сформировать такой образ президента и затем оградить этот пост от любых посягательств. Я бы сказал, именно в этом состоял посыл мероприятия во Дворце съездов. Все это имело, если разобраться, далеко идущие последствия. Напрашивался вывод, что к власти в России пришел не совсем демократ джефферсоновского типа.

При всем при том, как я уже упомянул, Путин в 2000-м и 2001-м, когда я еще был в Москве, добился впечатляющих результатов. Сильное впечатление, хотя скорее отрицательное, произвела вторая чеченская война, закончившаяся определенными

договоренностями, которые, по сути, держатся до сих пор. С тех пор войн в Чечне не было, но выход нашли суровый. В сущности, Путин отдал регион в руки довольно страшному человеку, поставив его там командовать.

А некоторые из его нововведений оказались вполне конструктивными. Как я уже говорил, были вещи, которые собирался сделать еще Ельцин, но не смог, а Путин их осуществил благодаря тому, что сумел объединить страну и людей. Где надо – шел на сделку. Он встречался с разными группами, сводил их вместе и заставлял принять тот факт, что грядут определенные перемены и что теперь некоторые вещи будут делаться по-новому. Военные, представители спецслужб, олигархи, региональные элиты, чиновники, интеллигенция и так далее – все они представляли собой разрозненные группировки, а он как бы встал над ними и попытался найти способы заставить их сотрудничать и совместными усилиями осуществлять нужные ему шаги. На мой взгляд, у него тогда далеко не было той власти, какую ему приписывают сегодня. Он больше выполнял функции председателя и организатора сложного политического процесса, что требовало большого умения.

Изменения с ним случились – а я думаю, он действительно изменился, – примерно в то время, когда он начал кампанию за переизбрание на второй срок. В этот период происходит знаменитый арест Ходорковского, что отчасти послало сигнал: теперь находиться в реальной, действенной оппозиции будет опасно. Если более конкретно, наблюдая за теми событиями, я сделал вывод, что из всего спектра группировок в стране он все больше и больше опирается на своих коллег из спецслужб – именно на ту группу, которая при Ельцине чувствовала себя неуютно, которая при Ельцине процветать не могла. По сути, он решил опереться на них, чтобы на выборах 2004 г. все гарантированно прошло как надо.

После этого обстановка резко изменилась. О силовиках стали говорить как о жизненно важных для него людях, как о тех, на кого он делает ставку. И вот вопрос: в этом ли состоял первоначальный план? По нему ли он все время действовал? Безусловно, спецслужбы начали играть особую роль с самых первых дней Путина, но такого влияния до его второго срока у них не было. То есть в этом смысле, действительно, случился переломный момент.

Джилл Догерти

Знаете, господин Коллинз, все это страшно интересно. И я поражаюсь тому, как вы на протяжении всей своей карьеры – и тогда, когда работали послом, и раньше – наблюдали за всем этим, видели все эти новости, следили за событиями, иногда довольно запутанными, и – вот как ваша жена писала – пытались разобраться, что вообще происходит, к чему все это ведет. Я знаю, что вы изучали историю. Ваша магистерская диссертация посвящена истории России; вы потом, если не ошибаюсь, преподавали в Военно-морской академии США. И вот мы сейчас с вами разговариваем, и вы до сих пор пытаетесь понять эту страну, безусловно очень сложную. Как вам в этом помогает исторический подход? И видите ли вы новые факторы, которые надо принимать в расчет, чтобы лучше представлять суть происходящего?

Джеймс Коллинз

Вспоминая те времена, мне кажется, было одно соображение, которое мне точно помогало понять страну: дело в том, что Россия после 1991 г. не превратилась в одночасье в Америку. Я бы сказал, что в США тогда довольно странно представляли себе, что именно произошло в Советском Союзе в ту переломную эпоху.

Россия существует более тысячи лет. Это огромная страна с богатой и сложной историей. Из-за некоторых ее особенностей перед каждым ее правителем вставали сложные вопросы. И я тогда пришел к выводу, что суть этих проблем на самом деле никак не изменилась. Просто в тот момент попробовали их решить по-другому. Но фактически Россия оставалась продуктом своего прошлого, своих особых возможностей и своей особой географии. Неправильно было бы предполагать, что все это вмиг исчезнет.

Есть некоторые соображения, которые я вынес из своего опыта и которые многие люди в Вашингтоне, по-моему, не понимали и, если честно, до сих пор не понимают. Первое – что российский подход всегда учитывает огромные размеры страны. Управлять ей чудовищно сложно. У нее нет естественных границ. Управлять ее экономикой и ресурсами всегда трудно, потому что ресурсов больше, чем людей. Как решить эту дилемму? Как применить к развитию людских и природных ресурсов страны хоть в какой-то степени современные методы? И при этом всегда на фоне ощущения, что Россия отстает?

Российские правители ломали голову над этими вопросами тысячу лет. Советские руководители бились с теми же проблемами. И Путин в том же положении. По сути, он вынужден действовать в невыгодных условиях, и довольно сложных. Вот он и пытается выкручиваться. Как обеспечить оборону страны без естественных границ? Как наладить экономику в стране, которая раскинулась на девять – сегодня их вроде столько – часовых поясов? В мое время было 11. Как сделать так, чтобы решения были применимы по всей стране, и как примирить специфические потребности таких регионов, как, скажем, Камчатка на Дальнем Востоке и Санкт-Петербург на Балтийском море?

Все эти вопросы никуда не делись, они возникают перед любым российским лидером, и каждый пытается решать их по-своему. И, как правило, в России принято, что всеми этими проблемами занимается центральное правительство, причем, возможно, вникает в гораздо больше нюансов, чем правительство США.

Еще один момент: в условиях дефицита трудовых ресурсов – а такое происходило во многих районах нашей страны – американцы, пожалуй, всегда искали выход в применении машин. В России же традиционно – хотя и не всегда – пытались привязать трудовые ресурсы к средствам производства, будь то земля, фабрики или что-то еще. Сперва было крепостное право. Потом, при советской системе, старались в известном смысле привязать работника к месту работы. Там человека обеспечивали жильем, там он получал образование и так далее. Просто так перемещаться по стране было невозможно.

При современных реалиях это совершенно экзотическое явление. Дисбаланс между доступными трудовыми резервами и подлежащими разработке ресурсами огромен. Дефицит кадров и демографическая проблема играют колоссальную роль.

Вот Путин и пытается решать эти вопросы по-своему, как и все его предшественники. Так что, как видите, на ситуацию можно посмотреть и под другим углом. Далее, нашу страну никогда не захватывали, а русские подвергались нашествиям или жили под властью иноземцев – по крайней мере на значительной части территории страны – на протяжении поколений, если не веков. Это тоже накладывает отпечаток. Как защитить, как обеспечить безопасность страны в таких географических и экономических условиях, в которых оказалась Россия?

Неудивительно, что одна из важнейших стратегий заключалась в том, чтобы максимально удлинить путь к сердцу страны для любого потенциального захватчика. Отсюда эта заикленность на, скажем так, глубине обороны, на обороне географией. Сегодня мы говорим о сферах влияния, но на самом деле этот принцип далеко не новый... По сути, это одно из возможных решений извечной проблемы. Нам, может быть, это решение не нравится, но... оно такое.

Что же касается моего исторического подхода, я в Россию приезжал студентом в 60-х, потом работал в посольстве в 70-х, видел страну в очень разные эпохи, и это просто помогло мне осознать, что в России есть серьезнейшие проблемы и противоречия, и то, как она исторически, традиционно пытается их преодолевать, не вполне совпадает с тем, как действуют американцы. Так что нам надо это понимать и стремиться искать точки соприкосновения, в которых наши два крупнейших народа, две культуры могли бы конструктивно сотрудничать ко взаимной выгоде.

Возьмем, например, вопрос климата, что с ним делать? Потому что отношение к климату и к изменению климата в России может сильно расходиться с нашим. Но эта проблема стоит перед обеими странами. Как мы будем ее решать? Я не знаю. Если она действительно приоритетна, обе страны должны обратить на нее внимание. Посмотрим.

[Джилл Догерти](#)

Мы с вами довольно давно друг друга знаем. После завершения дипломатической карьеры вы очень активно сотрудничаете как с аналитическими центрами в «Карнеги», так и дипломатическими группами «второго трека», нацеленными на продолжение контактов, на укрепление отношений. Я здесь имею в виду, например, Дартмутские конференции, где вы встречаетесь с российскими коллегами. Этим организациям вы уделяете немало времени. Как вы думаете, от них есть польза? И если да, то какая? Что могут эти организации, по сути неправительственные, сделать для нормализации отношений?

[Джеймс Коллинз](#)

Ну, во-первых, я их роль совсем не переоцениваю. Главные институты, которые определяют наши взаимоотношения в тот или иной момент, – это, конечно, правительства. Во-вторых, это наши экономические отношения, то есть, в сущности, отношения между нашими крупнейшими экономическими субъектами, как бы они ни назывались.

Но я действительно считаю, что взаимодействие по общественной линии – на разных уровнях и в различных форматах – тоже важно. Конечно, это не то, что... Сформулирую иначе. Пожалуй, сегодня деятельность любой такой программы или организации дает меньший эффект, чем на пике холодной войны, когда любая встреча гражданина СССР и гражданина США была событием уникальным, из ряда вон выходящим. Сегодня не так. Сегодня Россия – часть нашего информационного пространства, как мы с вами знаем (и иногда это не к лучшему). Россияне свободно ездят по миру. Они много знают о том, что происходит за пределами их страны; 35 лет назад такое себе было трудно представить.

В этом смысле сейчас другая конъюнктура. Но почему я все-таки не бросаю это направление – мне кажется, рано или поздно наши страны поймут, что какие-то интересы у них совпадают. Для них также важно понимать, в чем именно интересы не совпадают. Мне кажется, дискуссии между разными организациями, группами, представителями общественности и так далее помогают несколько разбавить ощущение того, будто наше взаимодействие может иметь только одно измерение – по линии правительств и соперничества, – где отношения сейчас действительно довольно плохие.

Мне кажется, особенно важно, к примеру, обратить внимание на молодежь. О чем будет думать новое поколение? Я сотрудничаю с одной молодежной организацией, в которой примерно 100 членов из 28 стран, которые в последнее время постоянно встречаются в «Зуме». Русские там могут пообщаться с представителями почти всего евроатлантического мира. Я думаю, очень важно уметь выслушать другую сторону. Пусть мы в чем-то не согласны, пусть некоторые их взгляды нам кажутся странноватыми, они, может быть, так же думают про нас. Но если поддерживать эти контакты – на разных уровнях и платформах, – то, когда представится шанс, возможно, получится создать что-то новое.

Еще одна причина, по которой я считаю очень важным все это поддерживать, в том, что в 90-е годы у нас были масштабные программы взаимных обменов, обучения и так далее. Тысячи и тысячи молодых русских приезжали сюда, а американцы ездили к ним. Все эти люди теперь повзрослели – или постарели – на 30 лет, а те, кому тогда было за 40, – они уже, как я, живая история. Так что надо пополнять их ряды. Надо поддерживать мысль о том, что наши народы должны общаться. Вот, наверное, почему я сотрудничаю с этими организациями. Считаю это важным.

Можем ли мы решить проблемы? Наверное, нет. Можем ли мы внести вклад в то, как люди будут подходить к решению проблем? Не исключено. Самое главное: сегодняшняя Россия – открытое общество. Не изолированное. Русские живут в том же информационном мире, что и мы, и наша задача – сделать так, чтобы разнообразные взгляды извне оказывали влияние и на мышление людей в России. Вот почему я не бросаю эту работу и нахожу ее важной.

Джилл Догерти

Господин Коллинз, у нас осталось всего несколько минут, так что задам последний вопрос, но, по-моему, важный. Что бы вы порекомендовали следующему послу США в

России? Вы, как человек, глубоко укорененный в истории и смотрящий в будущее, что бы вы посоветовали? На что, по вашему опыту, он должен обратить особое внимание?

Джеймс Коллинз

Я бы сказал, есть две-три вещи, которые в нынешний момент стоит учитывать. Мне кажется, принципиальный вопрос для любого посла, направляющегося в Москву (на который, надеюсь, ему удастся найти ответ еще до прибытия на место), – это чего мы, собственно, хотим достичь в отношениях с Российской Федерацией. Я здесь говорю не только о перечне требований, которые мы постоянно выдвигаем, но и о том, какие отношения мы стремимся выстроить. Как бы они могли выглядеть? Как понять, что мы этой цели добились? Мы ведь все равно по всем вопросам не договоримся. Не будет такого, чтобы в мире не осталось противоречий. Так какие же нужны отношения, чтобы они соответствовали и американским интересам, и, надо полагать, российским интересам тоже, если мы хотим, чтобы они были стабильными и прочными?

На мой взгляд, любой, кого назначат послом, должен добиться, чтобы его ознакомили с точкой зрения президента по этому вопросу. Иначе он не будет понимать, что от него требуется. У него будет список заданий, но не будет ощущения приоритетов. Потому что просто так разобраться, какие приоритеты в Вашингтоне, поверьте, не выйдет: они меняются с заголовками сегодняшних газет. В общем, надо найти способ понять, какие у тебя приоритеты.

Мне повезло. Когда меня назначили, у меня была довольно четкая программа того, какие у нас цели и какого рода отношения с Российской Федерацией мы пытаемся выстраивать. Считаю, в этом была моя большая удача, и это мне помогло организовать работу посольства.

Второй момент: разобравшись с приоритетами, надо максимально эффективно распорядиться ресурсами миссии. Я понял, что... Был один человек, который вызывал у меня самое глубокое уважение, причем специалист не по России, а по Ближнему Востоку. Когда я у него работал, он был помощником государственного секретаря по делам Ближнего Востока. Его звали Хэл Сондерс. Хэл Сондерс был выдающийся дипломат и притом великолепный чиновник-организатор. Он понимал, как задействовать все необходимые элементы госаппарата, чтобы добиться поставленной цели. Я многому у него научился и постарался это воплотить в Москве.

То есть я бы посоветовал послу добиться того, чтобы все отделы и сотрудники посольства четко понимали задачи, предоставить им определенную свободу действий, доверять им и исходить из того, что его помощники – люди умелые и талантливые. Тогда все получится.

И третье. Я бы сказал ему: вы едете в страну со сложной и богатой историей, с культурой, в которой на многие вещи смотрят не так, как у нас. Поймите это. Люди в Вашингтоне смогут достичь своих целей только в том случае, если вы им объясните, как их можно добиться в рамках этой культуры, непохожей на нашу. Вам надо будет объяснить Москву Вашингтону, а Вашингтон – Москве. По-моему, это очень существенная часть работы посла. Да, конечно, продвижение американских интересов и так далее стояло для меня во

главе угла, но как это осуществить? Эффективнее всего – через поиск точек соприкосновения, где можно достичь какого-то прогресса, а не через упор на разногласия. На мой взгляд, это важно.

Джилл Догерти

Прекрасно. Мне всегда было интересно и очень ценно послушать то, что вы говорите. Спасибо большое, господин Коллинз. Спасибо, что нашли время с нами пообщаться.

Джеймс Коллинз

Джилл, вам спасибо. Очень рад, что удалось поговорить.

Посол Александр Вершбоу (2001–2005)

Мы увидели реальную возможность – на фоне этой страшной трагедии – закрепить стратегическое партнерство с Россией, которое мы пытались построить в 90-е с Ельциным. И, как мне кажется, общество готово было встретить эти шаги с огромным энтузиазмом. Никогда не забуду, какую теплую поддержку и искреннее сострадание мы тогда увидели со стороны людей в Москве. Вся страна собралась вокруг нашего старого здания посольства на улице Чайковского: несли цветы, свечи, дети оставляли своих любимых мишек – в знак солидарности и скорби о том, что столько американцев и людей из других стран погибло в результате терактов.

ИНТЕРВЬЮ

Джилл Догерти

Господин посол, большое спасибо, что согласились дать интервью. С 1997 г. по 2001 г. вы были представителем США в НАТО, затем, с 2001 г. по 2005 г., – послом в России. И мне посчастливилось работать в Москве в те же самые годы. Я всегда ценила вашу открытость и много полезного извлекла из наших с вами бесед. Так что очень приятно снова с вами встретиться. Спасибо.

Александр Вершбоу

Вам спасибо. Я рад, что у нас будет возможность вспомнить те времена и поразмышлять о том, что мы тогда в полной мере не осознавали.

Джилл Догерти

Это здорово, что вы так сказали, потому что я именно в этом ключе и хотела построить беседу, когда составляла список вопросов. Действительно, сейчас, по прошествии времени, у нас есть возможность оглянуться назад и понять, как вы сказали, не просмотрели ли мы что-то в те годы, или, может быть, увидеть, что где-то надо было действовать по-другому, чему-то научиться на том опыте. И мне очень приятно, что у нас есть эта возможность.

Разумеется, те годы пришлись на первый период Владимира Путина, который оказался у власти в 2000 г. До того момента он совсем немного проработал премьер-министром – и вдруг теперь президент. Я сейчас вспоминала, что тот период был многообещающим. Путин проводил экономические реформы. Он казался человеком, который после хаоса ельцинских лет возьмется за дело как надо.

Если не ошибаюсь, и вы тогда говорили об альянсе с Россией. Была надежда на какой-то альянс, но к концу вашего срока отношения сильно изменились. Во-первых, конечно, прошли выборы, и были сложности с тем, как в США эти выборы восприняли, потом был теракт в Беслане и то, как российские власти на него отреагировали, была война в Чечне. В общем, было много разных факторов, но как вы сейчас думаете, почему все-таки обстановка так поменялась?

[Александр Вершбоу](#)

Да, вы правы, интересное было время, и начиналось все на довольно оптимистичной ноте. Я прибыл в Москву летом 2001-го после работы в НАТО, где мы запустили механизм сотрудничества между НАТО и Россией, который, правда, тоже работал не без трудностей (вспомним разногласия по Косово). Но все-таки, когда я приехал в Москву (еще до терактов 11 сентября, которые пришлось на самое начало моего срока), мы рассчитывали, что продолжим работу на хорошем фундаменте и, может, даже выйдем на новый уровень, потому что Путин был гораздо более предсказуемым лидером. Казалось, он действительно понимает, как осуществить экономические реформы, он ввел единую ставку налога и в целом начал выращивать в России средний класс. При этом производил впечатление человека очень прагматичного. Конечно, его прошлое в КГБ оставалась поводом для неких опасений.

Было ясно, что он больше ностальгирует по советскому прошлому, чем Ельцин. Став исполняющим обязанности президента, после того как Ельцин ушел в отставку, он довольно быстро вернул советский гимн. В общем, были надежды на продолжение работы, но тут случились теракты 11 сентября. И мы увидели реальную возможность – на фоне этой страшной трагедии – закрепить стратегическое партнерство с Россией, которое мы пытались построить в 90-е с Ельциным.

И, как мне кажется, общество готово было встретить эти шаги с огромным энтузиазмом. Никогда не забуду, какую теплую поддержку и искреннее сострадание мы тогда увидели со стороны людей в Москве. Вся страна собралась вокруг нашего старого здания посольства на улице Чайковского: несли цветы, свечи, дети оставляли своих любимых мишек – в знак солидарности и скорби о том, что столько американцев и людей из других стран погибло в результате терактов.

И, конечно, Путин моментально ухватился за эту возможность – первым из иностранных лидеров попытался связаться с президентом Бушем по телефону, предложил нам помочь наказать предполагаемых виновников, Аль-Каиду. Мне кажется, я с самого начала своего срока почувствовал, что простые люди стремятся к более тесным связям с Западом. Они хотели продолжения реформ, запущенных Горбачевым и Ельциным, и часть моей миссии заключалась в том, чтобы продвигать идею более близких отношений, даже альянса – с маленькой буквы «а», правда: мы не были готовы к заключению договора, но речь действительно шла об альянсе с США, с НАТО, как о фундаменте для такого стратегического партнерства, которое окончательно бы закрепило перемены, произошедшие в конце холодной войны.

Так что я постоянно выступал с речами. Меня всюду приглашали. Я был у СМИ нарасхват, меня звали в разные уголки страны, и я в каждом выступлении подчеркивал общность интересов, и даже общность ценностей, которая могла бы лечь в основу такого стратегического партнерства. Но довольно скоро после того, как я в 2001 г. вступил в должность посла, президент Путин дал понять, что Россия совершенно необязательно будет двигаться на Запад. Еще когда я только приехал, летом 2001-го, в России уже шла борьба за независимое телевидение, и Путин явно стремился к тому, чтобы контролировать и фактически заставить замолчать наиболее независимые телеканалы, включая НТВ. Я много выступал о том, как важно, чтобы пресса была независимой, и, мне кажется, в Кремле это заметили. Наверное, я несколько активнее отстаивал наши ценности по сравнению с моими предшественниками.

Но нападки на СМИ стали только первыми шагами Путина в сторону сворачивания многих перемен, произошедших в 90-е; на программы помощи и демократизации, которые правительство США осуществляло через наше посольство, началось давление. И довольно скоро я начал выражать опасения по поводу того, что разрыв между ценностями России и США, России и Запада расширяется и это может подорвать основу стратегического взаимодействия, которое действительно было нужно нашим странам и которого, по моему, действительно хотели наши народы.

В общем, начали неплохо. У Буша с Путиным, на мой взгляд, завязались довольно хорошие отношения, когда они встретились первые несколько раз. В конце 2001-го даже был очень душевный и дружеский визит Путина на ранчо Буша в Техасе, рядом с Кроуфордом, и такая же теплая встреча на полях саммита АТЭС в Шанхае. Но становилось понятно, что Путин во всем этом больше ищет возможности для выгодных сделок. Разговоры об общих интересах, общих ценностях для него в основном были красивыми словами, а интересовали его больше варианты «ты – мне, я – тебе», а не все эти возвышенные идеи о стратегическом партнерстве с США и Западом.

Джилл Догерти

Наверное, трудно установить, когда конкретно все изменилось, и, как вы сказали, было много разных факторов, но вот вы упомянули теракты 11 сентября, и я помню, как сама была в Москве и своими глазами видела, как люди шли к посольству, оставляли небольшие подарки, было ощущение, что русские действительно разделяют боль американцев и выражают искреннюю солидарность.

Но, до того как вы приехали в Москву (вы еще работали представителем в НАТО), НАТО разбомбило Белград – это в 1999-м случилось, – и я вспоминаю у посольства США в Москве совсем другую картину. Люди вышли на митинги. Чувствовалось огромное раздражение. И я помню, что даже со многими из моих русских знакомых – которые до того момента были, я бы сказала, если не прозападными взглядов, то, по крайней мере, открытыми для идеи сотрудничества с Западом, – как отрезало все. Почти мгновенно раз – и другое настроение.

Так что хотелось бы спросить, что вам вспоминается из того периода в связи с бомбардировкой Белграда и войной в Косово? Понимаете ли вы, почему Россия отреагировала так яростно?

Александр Вершбоу

Да, очень хорошо помню тот период, хотя я и работал тогда в Брюсселе. Взаимодействие с Россией входило в мои обязанности – в рамках того, как США и другие партнеры пытались разрешить косовский кризис. Если помните, была Контактная группа, в которую входили Великобритания, Франция, Германия, Италия, США и Россия и которая пыталась дипломатическим путем справиться с проблемой этнических чисток и нарастающего гуманитарного кризиса, когда сотни тысяч беженцев ринулись в Македонию и другие страны. Так что я был задействован на российском фронте и хорошо помню, как в НАТО постоянно приезжали Мадлен Олбрайт и Строуб Тэлботт. Оглядываясь назад, действительно можно сказать, что была важная веха на пути ухудшения наших отношений, которые в известном смысле достигли низшей точки в 2007 г., когда Путин на Мюнхенской конференции, по сути, заявил, что отказывается от сотрудничества с Западом и переходит на гораздо более конфронтационные позиции. Ну а год спустя вторжение в Грузию, а потом – «оранжевая революция», украинский Майдан, вторжение в Украину и аннексия Крыма.

Но в то время, наверное, нам казалось, что вопрос с Косово мы уладили; может быть, сейчас это уже не выглядит таким очевидным. Когда в 1998 г. разразился кризис, было видно, что русские явно не хотят остаться в стороне. Будучи членами Контактной группы, они в принципе всецело поддерживали дипломатическую стратегию, которая заключалась в оказании давления на Милошевича, чтобы он остановил этнические чистки, согласился на политическое урегулирование, предоставил автономию Косово и – по этому пункту было меньше единодушия – согласился на введение в Косово международного миротворческого контингента для обеспечения положений соглашения.

Дипломатические усилия продолжались много месяцев. Их кульминацией стало мероприятие во французском городе Рамбуэе, на котором русские окончательно дали понять, что не будут настаивать на том, чтобы Милошевич согласился на миротворцев, и наши позиции, увы, разошлись. США и союзники по НАТО довели до конца угрозу применить силу, в случае если Милошевич не даст добро на ввод миротворцев, ну а с Россией мы решили, что каждый останется при своем мнении.

Русских особенно раздражало, что НАТО – с учетом гуманитарного кризиса – решило, что другого выхода не остается и начало действовать даже без официальной санкции Совета Безопасности ООН, которую нельзя было бы получить, не преодолев вето России в Совбезе. Они были заметно разочарованы. Министр иностранных дел Примаков, когда услышал, что начались авиаудары, совершил свой знаменитый разворот над Атлантикой, а в Москве перед зданием посольства, как вы упомянули, начались протесты. Но, как я сказал, нам тогда представлялось, что мы за несколько недель все вопросы решили.

Мы заверили русских, что это своего рода исключение. Что мы не проявили неуважения к их статусу постоянных членов Совбеза с правом вето. Что были чрезвычайные

обстоятельства и речь шла о жизни сотен тысяч людей. И мы обратили их внимание на то, что Россия проголосовала за пять или шесть других резолюций, в которых ситуация описывалась как угроза международному миру и безопасности, что на жаргоне ООН означает: есть основания применить силу.

То есть мы сказали: вы ведь, по сути, сами признали, что можно применить силу, так что давайте смотреть в будущее и искать решения вместе, и они согласились. Мне кажется, Ельцин все еще доверял Биллу Клинтону и согласился с тем, чтобы Россия фактически помогла убедить Милошевича отказаться от сопротивления (тут участвовали российский премьер Черномырдин и финский президент Ахтисаари), и мы менее чем за три месяца смогли довести авиационную операцию до успешного завершения. Россия тут помогла на дипломатическом фронте. Также они тогда согласились выделить миротворцев, чтобы они под командованием НАТО были развернуты в Косово. То есть, действительно, период выдался напряженный, но нам казалось, что мы отделались малой кровью и в целом смогли сохранить продуктивные отношения с Россией.

Но, на мой взгляд, события последующих лет, возможно, усугубили отрицательное отношение к этой истории в России, особенно среди элиты спецслужб, которая составляла основу путинской власти, ведь, когда мы в 2003 г. напали на Ирак, мы опять обошлись без разрешения Совбеза, хоть и заверяли в свое время российское руководство, что такого больше не повторится. По сути, уже входило в привычку действовать в обход российского вето в Совете безопасности, и все это плюс другие вопросы, такие как противоракетная оборона, подрывали доверие.

Для меня, конечно, самым принципиальным моментом стала «оранжевая революция» в Украине в конце 2004-го. Тогда, наверное, Путину стало казаться, что все западные разговоры о партнерстве только дымовая завеса для циничных планов по противодействию России, по лишению России ее законного права играть ведущую роль в делах ее соседей и, может, даже по организации цветных революций на всем постсоветском пространстве, включая саму Россию, с целью в конечном итоге свергнуть путинский режим.

Так что Косово стало одним из эпизодов крайне злобного нарратива о том, как Запад в некотором смысле предал Россию, и приобрело в российской риторике гораздо более серьезные масштабы, что чувствуется до сих пор. Но когда я стал послом, всего через два года после бомбардировок Белграда, я не помню, чтобы об этом инциденте много говорили. То есть, по-моему, по прошествии времени они стали воспринимать его даже болезненнее, чем тогда, когда он случился.

Джилл Догерти

Наверное, нельзя в нашей беседе обойти вопрос о расширении НАТО. Практически с самого начала этот процесс отравляет наши отношения. Россия в негодовании – была и есть, – и даже в США среди экспертов и специалистов по России нет единого мнения, стоило ли на это идти. И к кому обращаться за комментарием, как не к вам, бывшему представителю США в НАТО? Какая точка зрения у вас? Я понимаю, что тут всегда есть много за и против, но все же?

Александр Вершбоу

Я убежден, что расширять НАТО было правильно, особенно с учетом тех событий, что случились сразу после падения Берлинской стены. И я сам много занимался этим вопросом еще до того, как стал представителем в НАТО: в середине 90-х при Клинтоне я работал в Совете национальной безопасности. Я как раз был членом так называемой «тройки», куда кроме меня входили Дэниел Фрид и Ник Бернс, которого потом сменил Стив Пайфер (в общем, всё известные имена). И мы по поручению президента Клинтона и Тони Лейка, советника по нацбезопасности, разработали, по сути, дорожную карту расширения НАТО, которая включала в себя два направления. С одной стороны, стояла задача расширить НАТО, чтобы, так сказать, исправить ошибки Ялтинской системы и ввести центрально- и восточноевропейские страны с зарождающейся демократией в западную семью народов, под крыло институтов либерального порядка. «Единая и свободная Европа» – все эти замечательные идеи, наполненные реальным историческим смыслом. Но была и другая сторона этой стратегии – наряду с расширением НАТО выстраивать стратегическое партнерство между НАТО и Россией.

И мы вместе с партнерами по НАТО выработали и целенаправленно проводили политику, нацеленную на то, чтобы для России оставалось место, соответствующее ее стратегической значимости. Я говорю об основополагающем акте Россия – НАТО, подписанном в 1997 г. Был создан постоянный совет, который теперь называется Совет Россия – НАТО. Причем именно Путин, когда я уже работал послом, во время римского саммита Россия – НАТО, настоял на обновлении параметров партнерства. Приняли дополнение к основополагающему акту, где было зафиксировано, что этот постоянный совет будет не двусторонним – НАТО против России, – а многосторонним, советом 20 равноправных суверенных государств, которые на основе совместной работы будут обеспечивать безопасность в Европе.

В общем, я думаю, что начало расширения НАТО, включая первый этап в конце 90-х, когда присоединились Польша, Венгрия и Чехия, и второй, когда вошли три прибалтийские страны, Румыния, Болгария, Словения и Словакия, было организовано очень хорошо. Да, русским не нравилось НАТО, не нравилось, что оно расширяется, но, по-моему, они понимали, что мы постарались обеспечить и их интересы: даже включили заверения, что не будем размещать на территории новых членов ядерное оружие, что ограничим объем неядерных вооружений и сосредоточимся больше на задачах переброски подкреплений и оперативной совместимости. Так что, на мой взгляд, мы все хорошо продумали.

Ошиблись мы, по-моему, позже. Администрация Буша-младшего начала продавливать идею не то чтобы сделать Украину и Грузию полноправными членами НАТО, но поставить их следующими в очередь, подключить к плану действий по подготовке к членству. Но выступить с этой инициативой в 2008 г., вскоре после «оранжевой революции» и «революции роз» в Грузии, причем не заручившись сперва поддержкой всех союзников, просто приехать на саммит в Бухарест и заявить: «А мы собираемся сделать так-то» – и обнаружить, что против этого не только Путин, который там тоже был, но и наши союзники, – вот это, по-моему, было очень контрпродуктивно. И такой шаг,

возможно, подогрел российский скепсис в отношении не только НАТО, но и партнерства с Западом в целом.

Однако все же я считаю, что если посмотреть на причины кризиса в отношениях (а они, действительно, откатились к низшей точке со времен разгара холодной войны, тут нет сомнений), то все же можно назвать другие факторы, включая Косово, включая Ирак, включая наш выход из договора по ПРО и желание построить противоракетную оборону (которая, как мы показали, строго говоря, не направлена против России), но мы не очень справились с тем, чтобы разрешить с Россией все спорные вопросы, и это до сих пор остается раздражающим фактором.

Мне кажется, расширение НАТО, особенно его ранняя стадия, стало центральным сюжетом в этом ревизионистском нарративе, но, как я уже сказал, я считаю, что тогда мы организовали все хорошо. И в любом случае со стратегической точки зрения так следовало поступить ради стран, которые мы оставили без поддержки в 1945 г. Важно было ввести их в западную семью народов, но при этом не обозлить Россию. На каком-то этапе нам это удалось.

Джилл Догерти

Есть такая теория – по-моему, это российская концепция, – что в конце холодной войны, вместо того чтобы расширять НАТО и все такое прочее, следовало полностью пересмотреть отношения между Россией и Западом, что следовало создать некую всеобщую структуру обеспечения безопасности. Что необходимость в НАТО отпала, потому что Россия больше не представляла угрозы. Вы, конечно, хорошо знакомы с этой точкой зрения. Что думаете на этот счет?

Александр Вершбоу

Ну я сам участвовал в принятии решений и до сих пор думаю, что мы поступили правильно, что у нас была эффективная организация, которая на предыдущих этапах продемонстрировала, что может развиваться и приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам. В то время, с учетом крайней нестабильности по окончании холодной войны, с учетом потенциальных новых «Югославий», когда можно было ожидать, что либерализация приведет к конфликтам, с учетом распада самого Советского Союза, было лучше работать на основе существующих институтов, но адаптировать их так, чтобы, как мы говорим, вовлечь Россию в общую архитектуру безопасности. И, конечно, речь шла не только о НАТО. В начале 90-х были попытки адаптировать и Хельсинкский процесс, СБСЕ, которое потом переименовали в ОБСЕ, придать этой организации более операционный характер.

Это как раз единственная организация, где Россия и все европейские страны вплоть до Центральной Азии участвуют как полноправные члены. И были попытки вдохнуть в ОБСЕ новую жизнь. Правда, поначалу не обошлось без трудностей: на будапештском саммите в 1994 г. Ельцин выступил со своей гневной речью о «холодном мире». Но, по-моему, в целом мы действительно со временем сделали ОБСЕ более эффективной, предоставили ей инструменты для наблюдения за выборами, для урегулирования

конфликтов дипломатическими средствами, для контроля за исполнением мирных соглашений и, конечно, для защиты прав человека и поддержки открытых экономических систем, ведь в хельсинских соглашениях были три «корзины». В общем, по-моему, ОБСЕ стала полезным дополнением, но реформированное и адаптированное НАТО играло ключевую роль. При этом мы сделали все, чтобы, так сказать, вывернуть исходный принцип НАТО наизнанку.

Помните, как говорили: задача НАТО – не отпускать американцев, не впускать русских и прижимать немцев? Но теперь вдруг организация стала инструментом для вовлечения русских и для построения долгосрочного партнерства в сфере безопасности. И я до сих пор думаю, что к этой цели надо стремиться, даже несмотря на ужасные отношения в данный момент; пока это своего рода взгляд за горизонт, но все может измениться. Мне кажется, в конечном счете шагом к восстановлению нормальных отношений могла бы стать попытка все-таки наладить это партнерство Россия – НАТО, даже теперь, когда Путин по-прежнему у власти, или потом, когда он уйдет.

[Джилл Догерти](#)

Вы упомянули права человека. Я знаю, что администрация Буша критиковала администрацию Клинтона за чрезмерное внимание к этому вопросу, но как тут найти баланс? Как уравновесить уважение к правам человека, защиту прав человека и банальные интересы национальной безопасности США?

[Александр Вершбоу](#)

Это очень сложный вопрос. И в разные моменты времени я как раз участвовал в том, чтобы такой баланс нащупать. Ведь я начинал работать в конце 70-х в советском отделе Госдепа и занимался тем, чтобы помочь защитить право советских евреев на выезд, когда при Горбачеве границы стали приоткрываться. Потом я вместе с бывшим помощником госсекретаря Ричардом Шифтером входил в рабочую группу по правам человека, и мы пытались выстроить более партнерский подход к обеспечению прав человека, но это всегда было непросто.

Когда я был послом, администрация Буша намеренно приглушила тему прав человека по сравнению с клинтоновской администрацией (до бушевской доктрины распространения свободы оставалось еще несколько лет). Мне кажется, было решено считать Россию тоже жертвой терроризма, в особенности внутреннего (хотя были связи между чеченскими террористами и международными террористическими сетями), и делать упор на солидарность и общие угрозы и вызовы, а не придирается слишком уж сильно к тому, какими жестокими методами пытаются остановить чеченский конфликт.

Но, разумеется, важно не только, что мы говорили, но и что делали, и, на мой взгляд, администрация Буша продолжила многие из тех программ – по сути, все программы, пока русские их не прикрыли, – что были запущены в 90-х – некоторые при Буше-старшем, но в основном при Клинтоне. Программы, нацеленные на демократизацию, судебную реформу, на помощь зарождающимся НПО, чтобы научить их организовывать работу,

привлекать финансирование, продвигать свою, так сказать, миссию, будь то защита окружающей среды, улучшение положения трудящихся или борьба за права женщин.

И мне кажется, когда мы запустили эти программы, российская аудитория восприняла их с интересом, даже при Путине, вот, в частности, почему, наверное, я считал своим долгом в публичных выступлениях и интервью говорить о демократии и правах человека: я видел, что есть смелые россияне, которые сражаются за дорогие нашему сердцу западные ценности.

Я так понимаю, что со временем эти программы стали раздражать Путина и Патрушева, который тогда был главой ФСБ. Видимо, они пришли к мнению, что эти программы помощи направлены на подрыв путинской системы, на поддержку оппозиции путинской власти, и на наших глазах эти программы одну за другой закрыли (в некоторых случаях) или, вот как с Корпусом мира, попросили их уйти из страны. Было грустно, потому что Корпус мира, который в основном занимался преподаванием английского и развитием малого бизнеса в глубинке, был очень популярен, но русские сказали, что, мол, больше в нем не нуждаются – точнее, не сами русские, а Путин.

Я думаю, очевидно, что при нынешних отношениях, при этом враждебном взгляде на Запад, который якобы пытается навредить России, рычагов влияния на события у нас крайне мало. У нас теперь нет тех инструментов, что были в 90-е и в начале века, так что надо смотреть на свои возможности реалистично. И я бы сказал, что надо проявлять осмотрительность и жестко не замыкать переговоры по ограничению вооружений или торговле на правах человека, потому что можно слишком сильно связать себя по рукам и ногам и навредить собственным интересам.

Но постольку, поскольку мы все еще можем достучаться через СМИ, через соцсети, через немногие оставшиеся программы академического обмена (хотя крупные программы с американским финансированием больше не работают), хотелось бы по возможности донести до молодого поколения мысль о том, что Запад России не враг, что мы не пытаемся ослабить Россию или понизить ее в статусе на мировом уровне и что нас гораздо больше всего объединяет, чем разъединяет, будь то борьба с пандемиями или изменением климата.

Есть много вещей, которыми русским и американцам стоило бы заниматься вместе, и, может быть, как раз молодое поколение, которое потихоньку начинает проявлять недовольство (если посмотреть на протесты в Хабаровске, митинги в поддержку Навального)... может быть, как раз с приходом этого поколения через несколько лет появится запрос на более тесные связи. В общем, надо не сжигать мосты, но при этом реалистично оценивать, насколько мы можем влиять на внутренние изменения в России.

Джилл Догерти

Давайте немного поговорим о Путине, потому что многим людям, по крайней мере в Америке, кажется, что президент Путин управляет всем лично, что он отвечает за все (и, по-моему, он и сам любит производить такое впечатление), но вы его видели, наблюдали за ним, общались с ним. Вы были в Москве в начале его правления. Как бы вы

охарактеризовали структуру власти в России? Сколько всего контролирует лично Путин? Если он контролирует не все, то кто тогда еще? И вы упомянули в начале нашего разговора о его прошлом в спецслужбах. Можете прокомментировать этот аспект?

[Александр Вершбоу](#)

Разумеется. Могу поделиться своей версией. На самом деле система далеко не прозрачная, и существует много теорий. Но, во-первых, у меня есть впечатление о Путине как о человеке, сложившееся в первые годы, когда я видел его в основном в ходе визитов высокого уровня. В России традиционно у послов нет прямых отношений с президентом (или, как раньше, с генеральным секретарем), поэтому я в основном наблюдал за ним во время визитов высокого уровня, но я видел его на публичных мероприятиях и разговаривал с людьми, которые общались с ним в разных ситуациях, и я бы сказал, что с самых первых дней он производил сильное впечатление своим умом и уверенностью в себе; обсуждая те или иные вопросы, он перехватывал инициативу в разговоре, заставлял собеседника защищаться. Он любил покрасоваться своей информированностью, превосходным владением темой, но также, мне кажется, он слишком явно полагался на данные, полученные от спецслужб, а многие из них были довольно необъективны.

Но было ясно: он полагает, что Россией можно управлять, что можно обеспечить в ней стабильность только сильной рукой, при помощи сильного централизованного государства и что демократия для такой многонациональной, разбросанной по обширной территории страны, как Россия, не подходит. И он, конечно, я думаю, относился к Западу с позиций игры с нулевой суммой. При этом в нем чувствовался прагматизм. Он не был склонен к безрассудству. Хорошо понимал свои сильные и слабые стороны. Но, как я уже сказал, он, видимо, сделал вывод – по крайней мере к 2005 г., когда я уехал из России, – что Запад пытается ослабить Россию и отодвинуть ее на обочину и что Россия имеет право бить в ответ всеми доступными ей средствами.

В целом созданную им систему иногда называют «клептократией». Наверное, потому что, вычистив многих олигархов – крупных дельцов, которые в 90-е попользовались всеобщей неразберихой и за бесценку скупили пришедшие в упадок советские активы, – вычистив большинство из них или припугнув (для острастки был посажен Михаил Ходорковский), он, по сути, собрал узкий круг новых олигархов, выходцев из спецслужб, своих старых коллег, и создал что-то вроде директора.

Но, безусловно, решения принимает Путин. Он первый среди равных. Иногда стравливает конкурентов за власть друг с другом. Он явно не доверяет своим же людям. Он не хочет настоящих выборов и настоящей оппозиции. Он, знаете, мыслит в духе того, что «папе виднее». Что сильный лидер и сильное государство должны, по сути, сами решать, что в интересах людей, а что нет, и стараться удовлетворять их экономические запросы, а с теми, кто бросит вызов системе, будут расправляться довольно жестко, даже с угрозой здоровью и жизни, как показал случай Бориса Немцова.

То есть это не совсем личная диктатура, но он, конечно, первый среди равных и всем заправляет и распределяет благосостояние страны между своими приближенными и кланами, которые за ними стоят, чтобы за всеми как бы присматривать, сталкивать их

лбами друг с другом и держать над каждым дамоклов меч. А если не будут слушаться, он с ними поступит как с Ходорковским и другими своими врагами.

Джилл Догерти

Я недавно видела цитату Путина о том, что отношения в обозримом будущем останутся плохими. А как мы знаем, он по закону может оставаться президентом до 2036 г.

Александр Вершбоу

Как минимум.

Джилл Догерти

Да уж. Но, когда говоришь с людьми в Москве, многие считают, что будут санкции, потом еще санкции, потом новые санкции – без какой-либо конкретной политики. Просто санкции надолго. И Путин, по всей видимости, решил, что он этот период переживет. На что он рассчитывает? Есть у него долгосрочная стратегия?

Александр Вершбоу

Я не уверен, что у него есть стратегия по выходу из тупика. Во-первых, по-моему, он убедил себя (и многие представители российских элит тоже себя в этом убедили), что виноват Запад. Они, по сути, не умеют посмотреть на себя в зеркало, когда речь идет о таких судьбоносных событиях, как вторжение в Грузию, а тем более аннексия Крыма, когда откровенно нарушают все правила, при помощи военной силы меняют границы, а потом все это прикрывают ложью, говорят, что нет российских солдат в Восточной Украине, а там их тысячи и командиры все российские офицеры без знаков различия.

То есть они верят собственной пропаганде, но я думаю, что проблема уходит корнями еще глубже. Путин же считает, что Запад настроен против них, что Запад хочет лишить Россию места за главным столом, что мы при помощи демократии и цветных революций пытаемся свергнуть власть в бывших советских республиках и в самой России, что мы отказываем России в законном праве на сферу влияния и на то, чтобы диктовать соседям свою волю, и что, следовательно, во всем виноват Запад, а значит, выйти из нынешнего тупика будет нелегко.

Мне кажется, он использует такую аргументацию – в России ее называют психологией «осажденной крепости», – в том числе и как инструмент для поддержания жесткого политического контроля, для оправдания стагнации российской экономики (это все происки Запада) и, конечно, для того, чтобы обвинять Запад во всем, что происходило с Россией в последние 30 лет и даже еще раньше, – вспомним его ревизионистский подход к истории Второй мировой войны.

В общем, я считаю, что по причинам, больше связанным с Россией, чем с нами, нынешняя тупиковая ситуация, похоже, продлится еще долго и она, возможно, Путина даже устраивает. Но мне кажется, даже уже в ближайшие пару лет может начаться давление изнутри страны, направленное на то, чтобы хотя бы немного снизить напряженность. Как

я уже сказал, экономика находится в застое; санкции оказались пусть не смертельными, но все же довольно болезненными. Иностраных инвестиций очень мало. А тут еще низкие цены на нефть. Но все равно российская экономика топчется на месте, а уровень жизни заметно падает.

Кроме того, попытки Путина давить на соседей сегодня не кажутся такими эффективными, как раньше. В Украине, если говорить о военном конфликте на востоке, по-прежнему патовая ситуация, но при этом Украина все больше ориентируется на Запад. И я думаю, что с психологической точки зрения Россия Украину потеряла – потеряла украинский народ в результате своего грубого вмешательства в украинские дела, дополненного пропагандой и дезинформацией. Беларусь еще неожиданно добавила головной боли.

Россия не хочет легитимизировать еще одну народную революцию, но при этом не очень понимает, как направить события в такое русло, чтобы держать Беларусь под контролем или хотя бы не дать ей стать неуправляемой. А теперь еще в ходе армяно-азербайджанского конфликта Турция захватила важную стратегическую позицию. Россия добилась того, чего хотела в краткосрочной перспективе – ввела войска для разделения конфликтующих сторон, – но у всех сложилось впечатление, что она, по сути, оставила армян на произвол судьбы и позволила Турции занять стратегический плацдарм на бывшей советской территории, а значит, и другие соседи России начнут искать поддержки не у Москвы.

Так что у Путина есть множество причин искать пути деэскалации. Он знает, что Байден в отличие от Трампа не позволит ему безнаказанно вмешиваться в наши демократические процессы. Байден вновь сплотит НАТО и, возможно, предложит более жесткую политику в отношении России, если я правильно интерпретировал его заявления. В общем, у Путина может возникнуть насущная потребность в компромиссе, а это даст определенную поддержку силам – они до сих пор есть в России, но как бы стараются не высовываться, – которые могут начать выступать за более конструктивные отношения с Западом. Да, может быть, это случится только после 2036 г. – как вы сказали, Путин может все это время оставаться у власти, и, не исключено, будет проявлять упрямство и не пойдет ни на какие уступки, – но мне все же кажется, что-то сдвинется с мертвой точки раньше и нам надо быть к этому готовыми. Мы должны показать России, что при выполнении наших условий санкции будут сняты.

В случае с Украиной – это уход из Донбасса, его реинтеграция в состав Украины, а по поводу Крыма можно пока условиться, что мы еще несколько лет не придем к общей позиции. Сразу все равно всего не решишь, но я всегда говорю, что Донбасс – это лакмусовая бумажка. Но если он на это пойдет, мы вместе с нашими европейскими партнерами должны будем моментально снять санкции, чтобы показать, что добродетель вознаграждается, и со временем, может быть, начнется положительная динамика и мы вернемся к старым добрым временам 90-х и партнерству между Россией и НАТО.

Джилл Догерти

Хочу задать вопрос о дипломатии в целом, потому что у вас такой солидный послужной список: НАТО, безопасность, важнейшие вопросы... И в то же время я вспоминаю, как вы на одном мероприятии в Спасо-хаусе, резиденции американского посла в Москве, играли, если не ошибаюсь, на барабанах. И вообще, налаживание отношений с русскими всегда шло через культуру. И вот мне интересно, когда вы были в Москве, какой вы видели роль посла, как вы находили баланс между всеми этими серьезными вопросами и связями с местной общественностью, культурным диалогом (а у России с Америкой очень насыщенный культурный обмен)? Как вы для себя уравнивали эти две стороны?

[Александр Вершбоу](#)

Такие связи делают работу посла гораздо интереснее, да и гораздо эффективнее тоже. Потому что посольство – это не один человек, это целый коллектив, и при помощи таких мероприятий все вместе мы можем сформировать более положительный образ Америки и ее роли в мире. И найти множество новых точек соприкосновения между нашими народами, о которых мы раньше, может, и не подозревали.

Так что я действительно получил массу удовольствия, во-первых, от поездок по стране, увидел разнообразие российской культуры, великолепие Сибири и так далее. Но особенно приятно было встречаться с людьми, особенно со студентами, с теми, кто был за границей, может быть, участвовал в наших программах обмена и потом объяснял, как это повлияло на их мировоззрение. Некоторые рассказывали, как этот опыт изменил их жизнь. Кто-то, например, решил открыть свой малый бизнес, посмотрев, как в провинциальной Америке вся экономика держится на семейных магазинчиках.

Но и возможности для культурных мероприятий были отличные, а имея такой ресурс, как Спасо-хаус, грех было ими не воспользоваться. Так что мы каждый месяц устраивали концерты, в основном с российскими музыкантами, но иногда у нас выступали и гастролирующие американские джазмены. Даже тещу мою привлекли. У нее была в Бостоне музыкальная труппа (репертуар – кабаре, песни из мюзиклов), и они приехали к нам и произвели настоящий фурор.

Но как правило, у нас выступали российские музыканты – джазовые и классические, – и это давало прекрасный повод свести вместе людей из разных слоев российского общества, а также представителей агентств, представленных в нашем посольстве, и американских экспатов. Люди представлялись друг другу, вместе наслаждались музыкой, а потом выяснялось, что сотрудник Министерства юстиции и его новый знакомый из Американской торговой палаты оба любители оперы, и потом они становились хорошими друзьями, и вообще в те годы в этой сфере не было ничего невозможного.

Как я уже упоминал, меня приглашали по всей стране. Я выступал с длинными речами в университетах. Бывал в гостях у малого бизнеса. Посещал секретные ядерные центры, в которых мы тогда помогали навести порядок и наладить контроль за ядерными боеприпасами. Мы с собой в поездки по Уралу брали американских художников и музыкантов и делали еще много чего другого, и принимало участие в этом все посольство.

Ну и, конечно, для меня, барабанщика-самоучки, шанс выйти на сцену с оркестром великого Игоря Бутмана у него в клубе или в Спасо-хаусе стал вообще роскошным подарком. Я думаю, такие моменты дают понять, что американский посол – тоже живой человек. Что он не только всем указывает, где хромает верховенство закона, но и может позволить себе отвлечься от дел и выдать пару старых хитов Чарльза Мингуса с биг-бендом Игоря Бутмана.

Джилл Догерти

Что ж, будем надеяться, в наших отношениях таких моментов будет побольше. Хочу искренне поблагодарить вас за беседу, господин посол. Было очень приятно пообщаться, и, как всегда, я узнала много нового и интересного.

Александр Вершбоу

Это вам спасибо. Было приятно освежить в памяти все эти вещи. Надо будет встретиться еще раз.

Джилл Догерти

Обязательно. Спасибо!

Посол Джон Байерли (2008–2012)

Отца считают одним из немногих – чуть ли не единственным американским солдатом, который во время Второй мировой сражался против Германии и в американской, и в советской армии... Несколько дней он прятался в окрестностях небольшой деревушки. Когда русские танки въехали в деревню, отец – а он был очень смысленый парень – выбрал подходящее время и вышел к ним с пачкой сигарет «Лаки Страйк» в руках. Он уже знал пару слов по-русски, в частности «американский товарищ». Советские солдаты, понятное дело, посмотрели на него как на марсианина: «Что за фрукт? Откуда он свалился нам на голову?»

ИНТЕРВЬЮ

Джилл Догерти

Господин Байерли, большое спасибо, что согласились на интервью. Мне очень приятно. Последний раз мы с вами так обстоятельно разговаривали, кажется, за чаем с блинами в Санкт-Петербурге несколько лет назад.

Джон Байерли

Да, похоже, именно тогда. Давным-давно это было.

Джилл Догерти

Верно. Сегодня наконец-то пообщаемся, жду этого с нетерпением. Но сначала пара слов о вашей карьере: любопытно, что с 2005 г. по 2008 г. вы работали послом в Болгарии, а уже потом, с июля 2008 г. до января 2012 г., – в России. Некоторые факты из биографии у нас с вами похожи: вы тоже учили русский язык, ездили по обмену в Санкт-Петербург (тогда Ленинград). А еще вас привлекали на выставках Информационного агентства США в Советском Союзе в качестве русскоговорящего гида.

Нельзя не отметить и уникальное – и очень личное – обстоятельство. Это история из жизни вашего отца. Расскажите о ней, пожалуйста. Во время Второй мировой войны он служил и в американской, и в Красной армии. Расскажите об этом и о том, в какой степени это повлияло на вашу карьеру.

Джон Байерли

Сначала я расскажу про отца, а потом, повлияло это на мою жизнь или нет. Отца считают одним из немногих – чуть ли не единственным американским солдатом, который во время Второй мировой сражался против Германии и в американской, и в советской армии. Как ему это удалось? Гражданин США, вырос в Мичигане, на войну записался добровольцем,

пошел в десантники. Его приписали к 101-й десантной дивизии. Накануне высадки союзников на плацдармах «Юта-бич» и «Омаха-бич» он спрыгнул с самолета на территории Нормандии, но отбил от своих и через пару дней попал к немцам в плен.

Полгода провел в немецких лагерях для военнопленных. Три раза бежал, но дважды его ловили. Третий побег удался в январе 1945 г., ближе к концу войны, в последний ее год. Тогда его удерживали в лагере на территории современной Польши, а советская армия в это время шла на Берлин.

До Берлина было около 50 миль в западном направлении. Отец убежал в третий раз – пошел строго на восток – на грохот канонады. Они знали, что советская армия недалеко. Он понимал, что, если удастся добраться до русских, он будет в безопасности, он будет в руках союзников. Во Второй мировой СССР был, как известно, нашим союзником.

Несколько дней он прятался в окрестностях небольшой деревушки. Когда русские танки въехали в деревню, отец – а он был очень смысленный парень – выбрал подходящее время и вышел к ним с пачкой сигарет «Лаки Страйк» в руках. Он уже знал пару слов по-русски, в частности «американский товарищ». Советские солдаты, понятное дело, посмотрели на него как на марсианина: «Что за фрукт? Откуда он свалился нам на голову?» Нашли переводчика. Установили, что он сбежал из плена и сказали: «Ясно, пленный. Отправим тебя на сборный пункт, оттуда поедешь домой».

А отец им говорит: «Нет, я бы хотел сражаться с вами. Знаю, вы наступаете на Берлин. Я так по-настоящему и не сражался против немцев. Провел всю войну в лагере. Теперь пришла пора поквитаться. Можно я поеду с вами, а уже в Берлине встречу с американцами?» Понятно, что русские сначала посоветовались, но в итоге взяли его в свой танковый батальон. Дали ему советский пулемет. Так он и поехал на советском танке, который, кстати, оказался американским танком «Шерман». Они в этих танках не до конца разобрались, он им помогал понять, что к чему.

В составе этого батальона он освободил лагерь, где его раньше удерживали. Большая часть пленных к тому моменту уже разбежалась. Ему удалось пробраться в помещение коменданта лагеря и забрать свою карточку. Других документов, подтверждающих личность, у него не было. Через день после освобождения лагеря он оказался серьезно ранен после бомбежки немецких пикирующих бомбардировщиков. Его эвакуировали в советский полевой госпиталь дней на десять – залечить раны, а они были серьезные. И вот в госпиталь с инспекцией приехал верховный командующий советскими войсками во Второй мировой маршал Жуков. Там-то он, похоже, и услышал про сумасшедшего американца, который хотел дойти с Красной армией до Берлина.

Он подошел к отцу – а тот лежал на кровати, – и, как генералы сержантов обычно спрашивают, обратился к нему: «Сынок, что я могу для тебя сделать?» Отец ответил: «Меня сильно потрепали, до Берлина я уже вряд ли доберусь. Пожалуй, лучше поехать домой. Но у меня на руках только карточка заключенного лагеря. Далеко я с ней не уеду. Можете мне выдать документ, с которым я смогу добраться до посольства США в Москве?» Жуков что-то объяснил адъютанту, и на следующий день этот полковник принес отцу нужные бумаги. Отец, конечно, по-русски читать не мог, но было видно, что

документ официальный, на жесткой бумаге, с лентами. Примерный смысл был такой: «Этот документ выступает в качестве паспорта Джозефа Байерли, он едет из госпиталя в Польше в американское посольство в Москве». Отец называл его «волшебной бумагой».

Стоило ее показать кому-нибудь в Красной армии, как ему тут же давали сидячее место или горячую похлебку. К концу февраля 1945 г. на перекладных он добрался до Москвы. На самом деле до посольства его доставил НКВД, тогда посольство располагалось рядом с Красной площадью. Он подошел к морпехам, которые охраняли посольство, представился, сообщил свое звание и номер. Они телеграфировали в Вашингтон, и выяснилось, что из-за чудовищной ошибки он числился погибшим на поле боя, был якобы убит четыре дня спустя после открытия Второго фронта в Нормандии. Родителям даже прислали ненавистную похоронку, которую мы до сих пор храним. Его уже и отпели – в католической церкви, куда он ходил до войны.

Тогда американцы в московском посольстве еще раз спросили: «Так кто же ты такой?» Они не совсем понимали, что делать. Поэтому перевели его на пару дней в другое место и держали там под домашним арестом. Им надо было официально установить его личность. А так они были почти уверены, что он американец. И вот наконец-то из Вашингтона пришла телеграмма, которая подтвердила, что он Джозеф Байерли. И его вывезли домой через Одессу, Каир, Италию, Нью-Йорк. Вернулся домой он уже под конец войны и отпраздновал День Победы в Чикаго. Потрясающая история!

Джилл Догерти

Удивительная история, даже поверить сложно. А когда вы отправились в Москву в ранге посла, об этой истории кто-то знал? Вы ее рассказывали? Кстати, хочу похвалить ваш русский. Лучше вас из моих знакомых на нем никто не говорит. Так вы рассказывали об этом во время своей работы? Русские от такой истории могли и прослезиться.

Джон Байерли

Да! Оказывается, эта легенда была больше на слуху в России, чем в США. Когда я работал гидом на выставках в Москве в 1979 г., отец приехал навестить меня – вернулся в СССР впервые с тех пор, как оказался в американском посольстве. Об этом узнали несколько журналистов и написали статью «Американский солдат в советском танке». Так что в России о подвигах отца уже были наслышаны. Американцы с ними познакомились в основном после выхода книги Томаса Тейлора «В тылу у Гитлера».

Но к моменту моего назначения послом в Москву история была уже широко известна. Российская пресса пестрела заголовками в духе: «Послом США назначен Байерли» с подзаголовком: «Отец сражался за Красную армию против Гитлера». Так что в самом начале благодаря ей передо мной распахнулись многие двери. Меня приглашали люди, с которыми я вряд ли смог бы так же быстро наладить контакт. Меня часто спрашивали: «А вы именно поэтому решили учить русский язык? Вы так часто приезжали в Россию именно из-за биографии отца?» А я отвечал: нет, это в большей степени случайность. Конечно, мы знали о военных подвигах отца, но на первый план они вышли именно после его поездки в СССР в 1979 г. и начала моей работы в Госдепе. И об этом по-прежнему

помнят. Как раз сейчас есть задумка написать сценарий и снять фильм по мотивам его приключений. Посмотрим, что из этого получится.

Джилл Догерти

Прекрасная идея. Хорошо, вернемся к вашей работе: вскоре после приезда в Москву разразилась война России с Грузией. Короткая, но очень важная. И вот почему я хотела о ней спросить. Мы часто слышим: а может ли США повлиять на Россию напрямую? Есть ли рычаги влияния? Ведь вы предприняли ряд серьезных дипломатических шагов, чтобы словесное противостояние не вылилось в открытый вооруженный конфликт. Госсекретарь США Кондолиза Райс, насколько я понимаю, предупреждала президента Грузии Саакашвили, убеждала не реагировать на российские провокации. А он ее проигнорировал и ввязался в войну. Можете ли вы рассказать о том, что происходило тогда за кулисами публичной дипломатии?

И еще: в 2008 г. российская армия была не в очень хорошем состоянии. Проблемы с вооружением, даже с формой. Война 2008 г., казалось, открыла Путину глаза – он приказал увеличить финансирование и провести реформы. Если можно, расскажите и об этом.

Джон Байерли

Вы правы. Я приехал в Москву в качестве посла примерно за месяц до начала войны. Это было 3 июля, чтобы как раз успеть к приему по случаю Дня независимости 4 июля в Спасо-хаусе, резиденции посла США. Я хотел побыстрее встретиться с большим количеством людей, но проблема была в том, что я вступил в новую должность сразу после работы в Болгарии. То есть я, конечно, заехал в США, но совсем на короткое время. Я долго не брал отпуска, поэтому план был такой: приехать в Москву, провести в течение пары недель первые встречи, а затем вернуться в США и в августе 2008 г. уйти в отпуск.

Зря надеялся. Любой, кто прожил какое-то время в СССР или России, знает, что именно в августе стоит ждать неприятных сюрпризов или даже катастроф. Итак, первые две-три недели я встречался в Москве с главой МИД Сергеем Лавровым, со знакомыми журналистами и членами правительства. Тремя годами ранее я работал заместителем главы дипмиссии при Александре Вершбоу и со многими в России, в Москве, уже был знаком. Во время общения я сразу уловил почти воинственный настрой. В воздухе запахло порохом, и меня это встревожило. Агрессивные выпады в основном звучали против Грузии и лично Саакашвили.

Я вернулся в Вашингтон, предвкушая отпуск, и зашел в Госдеп, где разговорился с Дэном Фридом. Я давно знал Дэна. Тогда он был помощником госсекретаря по европейским делам. «Ну как там в Москве? Что раскопал?» – спросил он меня. И я ему отвечаю: «Искры летят, Дэн, будет драка». Он теперь везде мои слова цитирует. И именно на основании моих выводов и других сигналов госсекретарь Райс и другие коллеги в администрации Буша связались с Саакашвили и предупредили его о возможной ловушке со стороны русских. К сожалению, об этом много спорят, и мы могли бы сделать отдельную передачу исключительно про причины войны, порассуждать, как говорится,

кто виноват.

Но это отдельная тема. Очевидно, русские не так уж расстроились, когда Саакашвили напал на их миротворцев в Северной Осетии [Южной Осетии], и это послужило спусковым крючком для целого ряда событий, которые в итоге привели к трех- или четырехдневной войне. Я почти все время находился в Вашингтоне и общался со своим заместителем в Москве по защищенному каналу связи, а также посещал много встреч высокого уровня в Госдепе и Белом доме. Я, кстати, был и на самой первой встрече под руководством президента Джорджа Буша, которую он провел после возвращения с церемонии открытия Олимпиады в Пекине 8 августа (церемония состоялась практически в один день с началом войны). Он уже переговорил с Путиным и предупредил его, что в случае войны русским лучше не заходить слишком далеко.

Буш прилетел в Вашингтон и, как только его вертолет сел на Южной лужайке, сразу же направился в ситуационный центр. Первым делом он посмотрел на Райс и спросил: «А кто, собственно, начал войну?» Мы представили ему свои данные – и разведка, и Райс, и другие сотрудники. Там же был и вице-президент, и председатель Объединенного комитета начальников штабов – то есть совещание проходило на очень высоком уровне. Обсуждали и возможную реакцию США. Война уже была в разгаре. Совет национальной безопасности составил список потенциальных ответных мер со стороны США, включая санкции, сворачивание торговых отношений, и еще был пункт об «отзыве посла США из Москвы».

Президент Буш посмотрел на список, посмотрел на меня. Меня он знал еще по Болгарии, он приезжал в Софию. «Отозвать посла? Байерли уже здесь», – сказал он. Я объяснил, как я оказался в Вашингтоне. «Господин президент, мне очень нужно вернуться в Москву как можно скорее», – добавил я. Потом коллеги обсуждали, будет ли мой возврат воспринят как некий сигнал. В конце, когда мы уже расходились, я подошел к Бушу и повторил: «Господин президент, я твердо убежден, что мне нужно вернуться в Москву». Он ответил: «Вы правы, вам нужно вернуться».

На следующей встрече в ситуационном центре пункт об отзыве посла уже вычеркнули из списка – на основании решения президента. Поэтому через пару дней я полетел обратно. К тому моменту президент Франции Саркози пытался добиться подписания соглашения о прекращении огня, и в итоге ему это удалось. Вот так начиналась моя работа, с места в карьер. Не работа мечты, а наказание – так могло показаться на первый взгляд. Я даже было подумал: после такого вряд ли у меня получится на этом посту сделать что-нибудь дельное.

Джилл Догерти

Затем в 2008 г. избирают Барака Обаму – и наступает та самая «перезагрузка». Я очень хорошо помню, как на встрече с министром иностранных дел Лавровым госсекретарь Хиллари Клинтон вручила ему красную кнопку, где вместо «перезагрузки» было написано «перегрузка». Да, уже немало сломано копий вокруг этого подхода, критики повторяют: «Наивные, не надо было даже пытаться. Толку все равно не будет и так далее». Хотелось бы услышать ваше мнение. Кроме того, в чем была стратегия перезагрузки? Можем ли мы

организовать еще одну «перезагрузку» отношений с Россией, но уже без громких слов?

Джон Байерли

Что ж, в отношениях с СССР и Россией у нас были периоды, когда отношения менялись с «минуса» на «плюс» очень быстро. Я и сам как-то на дипломатической службе был этому свидетелем. Я приезжаю в Москву в 1983 г. в должности младшего сотрудника в политическом отделе – и тут Рональд Рейган объявляет СССР «империей зла». Советы тогда сбили корейский гражданский самолет над Сахалином и вышли из переговоров по договору о контроле над вооружениями. Казалось, отношения ужасные. Но уже через два года Рейган решил, что Михаила Горбачева нужно обязательно привлечь к диалогу для снижения уровня угрозы в мире в связи с ядерным оружием, которым тогда обладали СССР и США. Он осознал, что пора перейти на более конструктивные отношения, по крайней мере в области контроля над вооружениями. Очевидно, в лице Горбачева он нашел партнера, готового протянуть руку.

Похожая ситуация произошла в 2008–2009 гг. с Бараком Обамой и президентом Дмитрием Медведевым. Отношения между США и Россией к концу срока Буша-младшего были очень плохими. Санкции из-за вторжения в Грузию мы не вводили, но по многим вопросам диалог прикрыли, приостановили большое количество совместных программ. Из-за этого сведений о российском ядерном арсенале мы стали получать меньше, а ведь у нас были соглашения, в которых прописаны механизмы обмена данными, возможности отслеживания арсенала и передвижений ядерных сил.

Поэтому, на мой взгляд, одной из важнейших причин для перезагрузки со стороны Барака Обамы было осознание, что мы движемся в отношениях с Россией в неправильном направлении по вопросу контроля над вооружениями, в частности ядерными вооружениями. То есть изначально это было основным фактором, а уже потом президент Обама понял, что нашел в Медведеве готового к сотрудничеству партнера. Медведев был ему симпатичен – на личном и профессиональном уровне – в гораздо большей степени чем Владимир Путин мог быть – или был в действительности. Тогда еще Обама и Путин лично не встречались. Путин на тот момент был премьер-министром. И администрация Обамы открыто заявила о перезагрузке – о том, что нужно поднять отношения с той низкой точки, где они оказались к концу срока Буша-младшего.

Как я уже говорил, эти периоды «разрядки», или «мирного сосуществования», или «перезагрузки», как их ни назови, регулярно возникали как в американо-советских, так и в американо-российских отношениях.

И дело не в том, что эти периоды не приносят выгодных для США результатов или не способствуют реализации интересов США. Разрядка привела к двусторонней программе контроля над вооружениями, которая действует до сих пор, к сотрудничеству в космосе, а перезагрузка – к СНВ-3, что и было, судя по всему, основной целью, но можно отметить и другие плюсы. Россия разрешила США и НАТО использовать свое воздушное пространство и авиабазы для снабжения наших войск в Афганистане. Мы наконец-то уговорили русских закончить процесс по вступлению в ВТО, чтобы они работали в рамках организации с четкими правилами.

Мы подписали так называемое «Соглашение 123», которое стало фундаментом для большого количества совместных программ в области мирного атома. В этой сфере наши ученые с обеих сторон занимают ведущие позиции в мире. Чем больше они сотрудничают или хотя бы обмениваются информацией, тем лучше для мира и, разумеется, для интересов США.

Поэтому дело не в том, что эти периоды не приносят пользы. Проблема в том, что они очень короткие. Извечный вопрос: как продлить период разрядки? Как сделать так, чтобы очередная «перезагрузка» побудила Россию радикально пересмотреть отношения с внешним миром? Это очень сложная задача.

Я бы сказал, что сама перезагрузка прошла успешно. Она не стала провалом, так как с ее помощью мы добились того, о чем я сказал. Но она не заложила основы для более долгосрочной тенденции. Сейчас мы видим то, что обычно и происходит по окончании продуктивных и конструктивных периодов – повышенный градус озлобленности, недоверия, враждебности.

Вот вы спросили: может ли наступить очередная «перезагрузка», этап в отношениях, когда США и Россия найдут варианты сотрудничества по более существенным вопросам, чем те, где у нас разногласия (потому что разногласия с Россией у нас будут всегда)? Разумеется, это возможно. Мы это уже не раз проходили. Это непросто, но это нередко становится возможным при смене руководства в одной или другой стране.

Сейчас декабрь 2020 г., скоро в США придет новая администрация. В России же новый лидер вряд ли появится в ближайшем будущем. Тем не менее избранный президент Байден, наверное, постарается пусть и не перезагрузить отношения, но найти вопросы, по которым США и Россия могли бы сотрудничать. Хотя у нас остаются значительные области, в которых мы фундаментально расходимся и вряд ли договоримся.

Джилл Догерти

Кстати, все опять может поменяться, ведь скоро срок действия СНВ-3 подходит к концу. Именно по нему велись переговоры, когда вы работали послом. Неясно, как все повернется. Стороны могут прийти к соглашению, но оставим это истории. В этой связи возникает вопрос более общего характера: традиционно отношения между Советским Союзом, или Россией, и США строились вокруг контроля над вооружениями или, по крайней мере, ядерных вопросов. Иногда мы выступали даже, скажем, в качестве врагов с ядерным оружием, но все равно в основе наших отношений лежал этот аспект.

Будет ли так и дальше? Даже если СНВ-3 продлят еще на пять лет, все равно это последнее соглашение по контролю над вооружениями между двумя странами. Останется ли эта тема связующей нитью или наши отношения могут базироваться на других направлениях?

Джон Байерли

В обозримом будущем контроль над ядерным оружием и – более широко – вопросы контроля над вооружениями – останутся одной из основных тем или даже основной темой

американо-российских отношений, и так будет еще долго. Но для создания устойчивых отношений нужно развивать и другие области. На мой взгляд, есть две крайне важные сферы – продолжение торгово-экономического сотрудничества и взаимодействие в киберпространстве. По последнему вопросу Россия и США просто обязаны наладить совместную работу – необходимо разработать некие правила игры. Дело в том, что регулирование этой области на уровне межгосударственных отношений остается на низком уровне, и даже в отдельных странах нет четких доктрин.

Даже Вашингтон, кажется, сам не определился, стремится ли он к статусу «первого среди равных», или же готов с другими странами на общих условиях соблюдать некое равновесие, как это было с контролем над вооружениями с Советским Союзом. Но понятно, что Россия, как крупный игрок в этой области, просто обязана участвовать в переговорах, ведь у России и США уже сложилась традиция или даже привычка взаимодействия в сфере контроля над вооружениями. А это похоже на киберпространство, где тоже нужно установить правила игры. Я вполне могу представить, что Россия и США сядут за один стол с другими странами и разработают международные правила игры, иначе XXI век будет очень беспокойным.

Джилл Догерти

Да. Я хотела вернуться к Дмитрию Медведеву, потому что это очень интересная глава в отношениях двух стран. Итак, Путин отработал главой государства, по-моему, два срока, потом он уходит в сторону, становится премьер-министром, приходит Медведев, становится президентом на пару лет, а затем снова происходит рокировка. Оглядываясь назад, можно сказать – с некоей долей иронии или без, – что все было это спланировано заранее, что Медведев был просто неким местоблюстителем, а потом вернулся Владимир Путин.

Но на самом деле – и вы затронули эту тему, – похоже, что между Обамой и Медведевым начали возникать теплые отношения. Они оба представляли более молодое поколение лидеров, оба интересовались новые тенденциями, технологиями и так далее. Наивно ли было полагать, что вы сможете иметь дело с Медведевым, если тень Владимира Путина постоянно следует за ним, или действительно был тот краткий момент, когда отношения вроде как изменились, а потом Путин вернулся на сцену?

Джон Байерли

Было бы наивно думать, что Путин просто вышел из игры и нам нужно иметь дело с Медведевым и только с ним. Но администрация Обамы и мы в Москве в то время очень хорошо знали, что Владимир Путин все еще очень, очень активен и что, вероятно, все серьезные решения Дмитрий Медведев согласовывает с Путиным и получает у него отмашку. Тем не менее, я думаю, сейчас, оглядываясь назад, совершенно ясно: Путин предоставил Медведеву определенную автономию, особенно в сфере внешней политики, в том числе для налаживания отношений с США, ведь Россия в этом всегда заинтересована. Это, кстати, один из рычагов влияния, который, как я думаю, сохранится в наших отношениях еще очень долго.

Они очень заинтересованы в том, чтобы, скажем так, не иметь ужасных отношений с США. Они поняли, что это не в их интересах, и я могу себе более или менее представить, как Путин беседовал с Медведевым. Медведев делился своими идеями и докладывал о результатах общения с Обамой, а Путин, скорее всего, говорил: «Хочешь попробовать? Давай, действуй». Но, очевидно, он очень, очень внимательно следил за развитием событий. Это сильно осложнило работу администрации Обамы, потому что он не мог не работать с Медведевым. Медведев был де-факто президентом России. Он был человеком, который формально обладал властью.

А если бы мы через его голову решали все вопросы с Путиным, вряд ли это пришлось бы по душе самому Путину. Он бы сказал: «Нет, ваш партнер – Медведев». Был, кстати, момент, когда мы начали волноваться, что Обама слишком долго не общался с Путиным. И вот что мы придумали. США тогда подали заявку на проведение летней Олимпиады в Чикаго, а Путину уже удалось завоевать право на проведение зимней Олимпиады 2014 г. в Сочи. Она еще тогда не состоялась, но право проведения он помог завоевать. И мы решили: а почему бы Обаме не позвонить Путину и не попросить совета? Мол, как у вас это получилось? Поделитесь опытом, чтобы я, Обама, тоже добыл победу для своей страны?

Итак, мы все организовали, и он позвонил Путину. Очевидно, что цель звонка известна заранее. Но довольно быстро Путин предупредил: «Кстати, Медведев тут. Я не хотел бы, чтобы наш разговор состоялся без ведома президента России». Так что от Путина мы тоже получали по этому поводу интересные сигналы, и нам на них тоже нужно было реагировать. Что я сам об этом думаю? Да, как вы сказали, возникает вопрос: было ли все спланировано заранее? Лично я думаю – но это не больше, чем догадка, и никто не узнает всей правды, пока один из них не напишет мемуары, – я считаю, что Путин стремился держать Медведева отчасти в неведении.

Если бы он сказал Медведеву: «Давай ты поработаешь президентом четыре года, а потом снова я», – он бы в чем-то лишил Медведева мотивации. Или, напротив, тогда Медведев, возможно, попытался бы сделать некоторые вещи побыстрее за этот короткий срок, ведь он был гораздо большим реформатором, гораздо более прозападным человеком, чем Путин.

И до тех пор, пока Медведев надеялся на второй срок, Путин мог оказывать на него больше влияния. Помню, когда я был в Москве и Путин объявил о рокировке – в России используют этот шахматный термин, – достаточно было посмотреть на лицо Медведева, который сидел в зале и слушал речь Путина об этой якобы договоренности, чтобы начать сомневаться в том, знал ли Медведев обо всем заранее или нет.

Джилл Догерти

Столько интересных вопросов! Как функционирует власть в России, насколько Путин все контролирует... Некоторые на Западе считают президента Путина чрезвычайно влиятельным лидером, он якобы держит каждого за горло, за ним – последнее слово, он – главный. При этом во многих случаях ему приходится балансировать на тонкой грани, чтобы сохранить свою власть, убедиться, что он по-прежнему манипулирует людьми или

избегает манипулирования со стороны других. Вот такой общий вопрос: как обстоят дела в реальности? Как функционирует система власти в России и сколько ее на самом деле в руках у президента Путина?

Джон Байерли

Мне кажется, когда мы говорим о России, особенно в последнее время, мы часто делаем одну ошибку. Мы воспринимаем Кремль как некий монолит. Понятно, что с учетом российской истории институт президентства обладает большой властью. Но он не всесилен. В России есть и другие центры силы: в бизнесе, среди олигархов, в спецслужбах, в армии, – и любому российскому президенту, будь то Медведев, Путин или кто-то, кто придет им на смену, придется с этим считаться.

Я отчетливо увидел это во время переговоров по СНВ-3. Был целый ряд технических моментов – телеметрия, мониторинг, порядок учета разных видов вооружений и так далее, – по которым переговоры шли с огромным трудом. Я помню, как в Вашингтоне нарастало раздражение. Мы начинали думать, что, может быть, русские и не заинтересованы в этом договоре. Может быть, Медведев лукавит, когда говорит, что для него этот договор очень важен. Я помню, как однажды мы разговаривали с Майклом Макфолом, который тогда был советником президента Обамы в Совете национальной безопасности, и я сказал ему: «Слушай, Майк, российские военные явно не разделяют нашего энтузиазма». Из разговоров с различными людьми в Москве у меня сложилось такое впечатление.

Я понял, что российским военным не нравится новый договор по СНВ и что с их мнением тоже придется считаться. Поэтому, когда мы продумываем, что можно сделать по каким-то направлениям, обязательно нужно брать это в расчет. Нам нужно понимать, что Путин не может просто диктовать свою волю этим людям. Военные считают, что вооружения – это их зона ответственности, их территория, и с их мнением должны считаться. Я помню, Майк тогда ответил: «Можешь изложить все это в письменном виде? Напиши в Вашингтон депешу и изложи там все, что ты мне сейчас сказал. Я буду ссылаться на эти аргументы в разговорах не только с президентом, но и с различными ведомствами в Вашингтоне». В Вашингтоне в то время тоже нарастала обеспокоенность по поводу того, что переговоры по СНВ-3 пробуксовывают.

Так что вот вам, пожалуйста, хороший пример, который показывает, насколько ошибочен миф о том, что Путин – это всесильный диктатор наподобие Сталина.

Джилл Догерти

А были за время вашей работы в Москве такие случаи, когда вы удерживали администрацию от каких-то поспешных действий? Вы только что продемонстрировали, насколько глубоко разбираетесь в обстановке внутри России. Бывали ли случаи, когда вы говорили: «Постойте, этого делать не надо»?

Джон Байерли

Знаете, это интересный момент. Когда работаешь послом в какой-то далекой стране, иногда получается так, что самое сложное – это даже не поддержание отношений с той

страной, куда вас отправили, а поддержание отношений с Вашингтоном. Зачастую бывает легче понять, что сейчас происходит в Москве и в Кремле, чем разобраться, какие сейчас расклады на разных межведомственных совещаниях в Вашингтоне. Это серьезная проблема. Я не знаю, говорили ли об этом другие послы, с которыми вы беседовали, но это действительно один из самых сложных моментов в нашей работе. Но мне, нужно сказать, в этом плане крупно повезло, потому что у меня был Билл Бернс. Он тогда работал заместителем государственного секретаря по политическим вопросам, а до этого был моим непосредственным предшественником на посту посла в России. Билл оказывал мне неоценимую помощь, потому что он прекрасно ориентировался во всем, что происходит в Вашингтоне. Он очень хорошо – практически интуитивно – чувствовал, как все эти вашингтонские процессы могут быть восприняты в России и что мне как послу необходимо знать.

Поэтому мы с Биллом очень часто общались по телефону, по защищенному каналу связи. Наверное, благодаря этому мне и не приходилось отправлять в Вашингтон депеши с рекомендациями воздержаться от каких-то шагов. В этих разговорах с Биллом нам удавалось выявлять проблемы на раннем этапе и действовать на упреждение. Так что высказывать какие-то официальные возражения особо и не требовалось.

Джилл Догерти

Очень интересно. Кстати, раз уж мы заговорили об этом, какой совет вы могли бы дать будущим американским послам в России?

Джон Байерли

Во-первых, не смешивайте Кремль и российский народ. Конечно, Россия – огромная страна, и посол не может находиться сразу везде и заниматься сразу всем. Поэтому возникает вполне понятный соблазн сосредоточиться на том, что происходит в Москве, в Кремле. Но нельзя делать этого в ущерб всей остальной стране. Раньше это было намного сложнее, но сегодня благодаря современным средствам общения все стало намного проще. Я стал первым послом, у которого появился собственный блог.

Мой преемник Майкл Макфол много писал в «Твиттере». Да и все послы, которые были после этого: Джон Теффт, Джон Хантсман и нынешний посол Джон Салливан, – все они общаются с россиянами напрямую при помощи социальных сетей. Надеюсь, при этом еще внимательно слушают, что говорят сами россияне, потому что это очень важно. Когда я вел блог, я сначала писал на русском языке о том, чем я занимался, а потом допоздна сидел и читал комментарии. Из них я узнавал очень много ценного о жителях России. Может быть, в то время в Интернете было не так много агрессии. Многие комментарии были очень содержательными и помогали мне по-новому взглянуть на какие-то вопросы.

Так что мой совет – прислушивайтесь к россиянам, попытайтесь их понять. Да, иногда они на 70% поддерживают Путина, но при этом в них есть что-то еще. Попробуйте понять, какой они хотят видеть Россию в долгосрочной перспективе. Это, пожалуй, самое важное.

Джилл Догерти

Конец вашей дипломатической миссии в Москве пришлось на тот момент в конце 2011 г. и начале 2012 г., когда на улицах Москвы начались акции протеста. Потом события на Болотной площади. Все это сильно повлияло на ход российской истории. В 2020 г. по России снова прокатилась волна демонстраций, причем связаны они были с самыми разными вопросами. Иногда с экологией, иногда – с какими-то местными проблемами. Например, в одном городе власти собирались построить церковь на месте парка, который очень нравился местным жителям. И люди в таких ситуациях собираются и дают отпор властям.

Мой вопрос напрямую связан с тем, о чем вы только что говорили: что нужно слушать людей и не отождествлять российскую власть с российским народом. Если посмотреть на все, что происходит в последние годы, на то, как появляются ростки гражданского общества и люди учатся отстаивать свои права, куда, как вам кажется, движется сегодня Россия? Как вы интерпретируете все эти события? Куда все это движется?

Джон Байерли

Мне кажется, это одно из наиболее позитивных проявлений за те 30 лет, которые прошли с распада СССР. Многие россияне почувствовали, что у них есть возможность добиться определенных перемен – правда, пока только на местном или региональном уровне. Конечно, люди продолжают выходить и выражать свое недовольство и по поводу того, что происходит в Кремле, но Кремль, как мне кажется, научился очень хорошо сдерживать общественное недовольство, не давая ему разрастаться. В любом случае эти акции протеста не особо влияют на действия Кремля. Но на региональном и местном уровне губернаторам и мэрам приходится прислушиваться к голосу народа намного больше, чем это делает Кремль. Кремль тоже, конечно, постоянно проводит опросы общественного мнения и внимательно следит за любыми выражениями недовольства.

Но именно на местном уровне у людей есть возможность создавать разного рода общественные организации – например, экологические НПО – и требовать от властей отчета. С точки зрения российской истории это очень нетипичная ситуация. На протяжении всей истории России власти крайне редко отчитывались перед народом. И вот теперь за последние 30 лет появляется все больше россиян, которые убедились, что их голос что-то значит – на определенном уровне, конечно. Но тут нужно понимать, что перемены на местном уровне зачастую для людей гораздо важнее, чем то, что происходит со страной в целом. Мне кажется, благодаря этим процессам в сознании людей происходят глубокие перемены.

Однажды я разговаривал с одним российским журналистом, и он использовал одно красочное сравнение, которое врезалось мне в память. Мне кажется, вам оно тоже понравится. Он сказал: «Представьте себе, что Россия – это огромный оперный театр. Люди из Кремля – это артисты на сцене. Они выступают для публики, которая сидит на дорогих местах в партере. Люди в партере – это элита. Власть выступает для элиты, и элита хлопает, но элита постоянно оглядывается на то, что происходит позади – на балконах третьего, четвертого, пятого яруса, где сидят люди в грязных ботинках, – это не мои слова, это все еще слова этого российского журналиста. – Так вот, элита прислушивается к тому, что происходит у нее за спиной. Для нее важно услышать, когда

зрители на галерке начнут топтать и свистеть. Это настоящий голос народа, а Россия – это такая огромная страна, что власть, элита, обязательно должна бояться народа и следить за его настроением». Правда, замечательное сравнение?

Джилл Догерти

Да.

Джон Байерли

«Грязные ботинки». Знаете, что в России иногда делают? Однажды я присутствовал на мероприятии, где выступал Жириновский. Он стоял на сцене и говорил, говорил, говорил... И вдруг в какой-то момент публика в зале начала хлопать. У русских это называется «захлопывать». Люди хлопали, пока Жириновский не ушел со сцены. Так и люди, которые сидят в Кремле, российская элита – они прислушиваются и следят за тем, чтобы с ними не случилось то же самое.

Джилл Догерти

Да, это отличное сравнение. Вы и так уже уделили нам очень много времени, но у меня остался еще один вопрос. Я хотела бы вернуться к американо-российским отношениям. Где-то неделю назад президент Путин сказал, что в обозримом будущем он не видит перспектив для улучшения этих отношений. Когда мы с вами общаемся с нашими российскими друзьями, они тоже часто говорят, что западные санкции – это навсегда. Мол, что бы Россия ни делала, она все равно никогда не сможет выполнить всех требований Запада, так что мы обречены и в обозримом будущем напряженность в отношениях будет сохраняться.

Вы согласны с этим? Я знаю, что в истории наших отношений были разные периоды, но что теперь? Нас действительно ждет продолжительное противостояние с Россией?

Джон Байерли

Наши отношения развиваются очень циклично. Я не могу сходу вспомнить ни одной другой пары великих держав за последние 100–200 лет, у которых в отношениях были бы такие же перепады, как у России и США. Причем отношения между нашими странами влияют на весь остальной мир. Мне кажется, обе страны в той или иной мере понимают, что на них лежит особая ответственность перед миром – хотя бы потому, что они обладают огромными ядерными арсеналами. Соответственно, нужно подходить к этим отношениям максимально ответственно. Можно даже сказать, что это наш долг.

По поводу санкций россияне, в общем-то, правы. Те санкции, которые были проведены через Конгресс и закреплены на законодательном уровне, отменить будет очень сложно. Многие из моих коллег наверняка вспоминали известную поправку Джексона – Вэника. Эти санкции были введены в связи с тем, что Советский Союз не разрешал евреям эмигрировать в Израиль, но продолжали действовать еще долгое время после того, как появилась возможность свободно выезжать из страны. В какой-то момент желающих вернуться в Россию из Израиля стало даже больше, чем желающих эмигрировать, но

поправка Джексона – Вэника все равно продолжала действовать.

Мне кажется, в последнее время к нам постепенно приходит осознание того, что, если мы хотим с помощью санкций заставить какую-то страну изменить свое поведение – а ведь смысл санкций именно в этом, – санкции обязательно должны сопровождаться дипломатическим диалогом. Противоположная сторона не начнет вести себя по-другому, пока вы не сядете с ними за стол переговоров и не объясните, как одно увязано с другим, как какие-то действия с их стороны повлекут определенную реакцию с вашей стороны. Вы же помните, как мы на протяжении многих лет какие только санкции не вводили против Ирана – и все равно иранцы наотрез отказывались пускать инспекторов на свои ядерные объекты, пока мы не организовали переговоры в многостороннем формате.

Поэтому, раз уж у нас появился такой мощный рычаг в виде санкций, было бы безумием, я считаю, не воспользоваться им для диалога. И этот диалог может открыть возможности для сотрудничества в самых разных областях, которые на протяжении долгого времени оставались закрытыми. Например, я уже упоминал совместные проекты в области мирного атома. В итоге наши отношения наладятся – не в том смысле, что начнется какой-то необычайный взлет, но, по крайней мере, они станут менее цикличными и более предсказуемыми. Уже не будет таких перепадов, как за последние десять лет, а то возникает ощущение, что едешь на каких-то «американских горках», и, честно говоря, иногда подташнивает.

Джилл Догерти

Господин Байерли, большое спасибо. Должна сказать, что из разговоров с друзьями в России я поняла, что вас как посла там оценивают очень высоко. Вы один из тех немногих людей, которые хорошо понимают Россию, чувствуют ее, и вас многие уважают – и в России, и в США. Большое спасибо, что согласились побеседовать с нами.

Джон Байерли

Спасибо, Джилл. Хотелось бы в это верить. Один из моих предшественников сказал: «В США нет специалистов по России, есть только разные степени невежества». Так что, если моя степень невежества оказалась ниже среднего, это уже неплохо.

Джилл Догерти

Спасибо!

Джон Байерли

До свидания!

Посол Майкл Макфол (2012–2014)

Мы сказали, что ради переговоров с российским авторитарным режимом мы не собираемся поступать своими ценностями. Мы говорили об этом совершенно открыто. Люди, которые меня хорошо знают, могут подтвердить, что про такие вещи я всегда говорю без всяких церемоний. Тем более мне было не привыкать общаться с российскими политиками. К 2009 г. у меня был уже довольно большой опыт. Мы не называли Медведева демократическим лидером свободной страны. Мы его не хвалили. Мы говорили: «Мы согласны договариваться по определенным вопросам, но потом все равно будем поднимать темы, по которым у нас есть разногласия».

ИНТЕРВЬЮ

Джилл Догерти

Господин Макфол, большое спасибо, что согласились принять участие в нашем проекте. Рада вас снова видеть. Мы, кажется, уже встречались в Москве, в Вашингтоне и, наверное, где-то еще. Так или иначе, очень приятно снова пообщаться. Вы долгое время занимались наукой и преподаванием. Потом работали в правительстве. Стали послом. Потом по возвращении снова занялись научной деятельностью. Я считаю, вас можно с полным правом назвать специалистом по Советскому Союзу и России.

Кроме того, вы входили в Совет по национальной безопасности. Так что у вас большой опыт работы с этой страной. Для наших зрителей кратко скажу, что Майкл Макфол находился в России в качестве посла в 2012–2014 гг. Знаете, когда слышишь фамилию «Макфол», первое, что приходит на ум, – «перезагрузка». Давайте с этого и начнем. Вас, пожалуй, можно назвать крестным отцом перезагрузки. Вы автор этой идеи. Из чего вы исходили, предлагая этот подход? Чего планировали добиться? Видели ли вы какие-то недостатки в этом подходе? Было ли что-то такое, что вам не удалось реализовать?

Майкл Макфол

Прежде всего, позвольте сказать, Джилл, что я тоже очень рад нашей встрече. Спасибо, что пригласили поучаствовать. Кстати, должен сказать, что у вас за спиной много прекрасных книг, в том числе по России.

Теперь, переходя к вашему вопросу о «перезагрузке», сразу хочу уточнить один момент. Политику перезагрузки проводил не я. Ее проводил президент Обама. На государственной службе, как я очень быстро усвоил, не принято давать ссылку на «первоисточник» – в отличие от мира науки. Кстати, отчетливо помню, когда Обама впервые употребил это слово. Это было во время переходного периода, когда прежняя администрация передавала дела новой. Это произошло в телеинтервью в декабре 2008 г. Кажется, в программе «Си-би-эс» «60 минут». Я на тот момент уже работал в его команде, так что я участвовал в

подготовке тезисов для интервью. Когда Обама произнес это слово, нам понравилось, как оно прозвучало. Помню, мой коллега Денис Макдоноу, который сейчас вернулся на государственную службу, написал мне тогда по электронной почте: «А хорошее слово! Как раз подходит для того, что мы пытаемся сделать». С тех пор мы стали использовать его для описания своей политики.

Следующий большой шаг был сделан, кстати говоря, когда вице-президент Джо Байден выступил в феврале 2009 г. с программной речью на Мюнхенской конференции по безопасности. Вот так постепенно вырисовывалась идея перезагрузки.

На концептуальном уровне все выглядело очень просто. Идея была такая: мы не собираемся сотрудничать с Россией по всем направлениям. По некоторым вопросам наши позиции в корне расходятся. Тем более что у нас уже в то время были определенные сомнения по поводу России. Напомню: это был еще 2009 год. Так вот, у нас уже тогда были сомнения по поводу того, способна ли Россия на внутренние преобразования, сможет ли она стать демократической страной и встроиться в либеральный миропорядок. Как известно, примерно в том же ключе рассуждали и другие президенты, например Рональд Рейган.

Из всех президентов, пожалуй, Билл Клинтон больше всего старался помочь России с внутренними реформами и внешней интеграцией. Но к 2009 г. нам уже становилось ясно, что из этого вряд ли что-то получится. И тем не менее нам казалось – точнее, президенту Обаме казалось, – что, если мы наладим диалог с президентом Медведевым, по некоторым вопросам все-таки удастся договориться и добиться положительных результатов и для России, и для Соединенных Штатов.

Никогда не ставилась цель «улучшить отношения с Россией». Хочу сделать на этом особый акцент, потому что, мне кажется, на этот счет есть много заблуждений. Разумеется, Барак Обама может и сам пояснить свою позицию, но я только что прочитал его книгу и знаю, что по данной теме наши взгляды совпадают.

Иногда люди говорят, что мы сейчас «улучшаем отношения», или «занимаем более жесткую позицию», или «проявляем слабость». Мне подобные выражения не нравятся – ни в отношении России, ни в отношении Китая, ни в отношении любой другой страны. Мне кажется, они только создают неправильное впечатление. У нас были вполне конкретные цели, которые мы рассчитывали достичь – главным образом посредством диалога.

В чем это проявлялось? Возьмем, для примера, СНВ-3. Мы считали, что подписание этого договора будет в интересах Соединенных Штатов, и в 2010 г. президент Обама подписал с президентом Медведевым Договор СНВ-3, который позволил сократить запасы ядерного оружия в мире на 30%. Кстати говоря, мы даже убедили Сенат ратифицировать этот договор. Договориться с сенаторами было, пожалуй, еще труднее, чем с русскими, но все-таки в 2010 г. мы добились своего.

Или, например, возьмем другой, менее известный пример. Благодаря перезагрузке удалось договориться о снабжении наших войск в Афганистане по так называемому «северному

маршруту». В то время, в 2009 г., планировалось увеличить численность нашей группировки в Афганистане, но с точки зрения логистики мы очень сильно зависели от Пакистана. Насколько я помню, 95% всего снабжения шло через Пакистан. Мы считали, что в этом есть определенный риск, и хотели в качестве запасного варианта организовать поставки по северному маршруту через Россию. И нам удалось договориться об этом с президентом Медведевым. Кстати говоря, это соглашение пришлось очень кстати, когда три года спустя мы нарушили суверенитет Пакистана, чтобы ликвидировать Усаму бен Ладена. Если бы у нас не было запасного маршрута для обеспечения сил в Афганистане, было бы гораздо труднее провести эту спецоперацию.

Санкции против Ирана. Мы были уверены: чтобы Иран пошел на ядерную сделку, нужно посильнее на него надавить, причем важно, чтобы давление было коллективным, исходило от всего международного сообщества. Мы в администрации Обамы всегда выступали за коллективные действия. Нам удалось договориться с Россией, и в 2010 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1929. За всю историю это были самые масштабные санкции против Ирана. Без поддержки России мы не смогли бы обеспечить им такую широкую международную поддержку.

Я мог бы продолжить этот список, но суть понятна. Вот ради чего мы запускали перезагрузку в 2009 г.

Джилл Догерти

Понятно. И все-таки сегодня, когда говорят «перезагрузка», это звучит почти как ругательство. Даже те, кто поддерживает перезагрузку, сегодня, наверное, крепко подумали бы, прежде чем употреблять это слово. Критики говорят, что это была «предельно наивная» идея.

Я тогда как раз работала на «Си-эн-эн» и хорошо помню известный эпизод, когда госсекретарь Хиллари Клинтон встречалась с российским министром иностранных дел Сергеем Лавровым и вручила ему эту красную кнопку. Лавров, как он это часто делает, смотрел на нее довольно пренебрежительно, и в целом можно сказать, что вся сцена выглядела не очень впечатляюще. Я понимаю все, что вы только что сказали, но все-таки не могли бы вы еще раз объяснить, почему ваши надежды на то, что что-то изменится, не были наивными?

Майкл Макфол

Могу добавить еще пару моментов. Мы не просто искали взаимовыгодных решений с Москвой и конкретно с президентом Медведевым – хочу особо это подчеркнуть, потому что здесь есть важное различие, о котором я скажу чуть позже. Одновременно мы сделали еще два заявления, о которых часто забывают. Кстати, можете сами почитать речь вице-президента: там все это есть. Мы заявили, что ради перезагрузки отношений с Россией мы не будем жертвовать своими интересами или своими отношениями с другими странами. В то время особое внимание мы уделяли Грузии и Украине. Вице-президент очень четко об этом сказал на Мюнхенской конференции по безопасности.

И второе. Мы сказали, что ради переговоров с российским автократическим режимом мы не собираемся поступаться своими ценностями. Мы говорили об этом совершенно открыто. Люди, которые меня хорошо знают, могут подтвердить, что про такие вещи я всегда говорю без всяких церемоний. Тем более мне было не привыкать общаться с российскими политиками. К 2009 г. у меня был уже довольно большой опыт. Мы не называли Медведева демократическим лидером свободной страны. Мы его не хвалили. Мы говорили: «Мы согласны договариваться с вами по определенным вопросам, но потом все равно будем поднимать темы, по которым у нас есть разногласия». Этот список разногласий включал в себя и Грузию, и неправомерный арест Ходорковского, и нарушения прав человека. Когда против Алексея Навального выдвинули надуманные обвинения, мы тоже выразили протест по этому поводу.

Другими словами, мы одновременно делали и то и другое. И тут, мне кажется, будет уместно провести одну аналогию. Знаете, недавно умер Джордж Шульц, который на протяжении долгих лет был для меня настоящим наставником. Его мемуары – это настоящая библия для дипломатов. Я настоятельно рекомендую всем, кто интересуется дипломатией, прочитать эту книгу. Это одна из лучших работ на тему дипломатии. Там есть глава, которая называется «Возобновление диалога с Советами». Если не ошибаюсь, это глава 27 или 29. «Возобновление диалога с Советами». Вам не кажется, что это звучит очень похоже на «перезагрузку»?

Так вот, если вы откроете эту главу, вы увидите, что Джордж там пишет про события еще 1982 года. То есть он там пишет не про легкие времена, не про горбачевскую эпоху, когда с Горбачевым было легко вести диалог. Он пишет про то, что было раньше, про брежневскую эпоху. Помните, Советский Союз тогда еще называли «империей зла»? Так вот, Джордж считал, что будет ошибкой не обсуждать с Советским Союзом темы, представляющие обоюдный интерес. В то время это была тема ядерного оружия – как, впрочем, и в 2009 г. Но при этом нужно не поступаться своими ценностями и параллельно продолжать делать то, что напрямую не связано с диалогом с Россией. Так что для меня то, о чем говорил Шульц, стало своего рода образцом.

Тем, кто обвиняет нас в наивности, я предложил бы рассмотреть альтернативный сценарий. Представьте себе, что было бы, если бы в 2009 г. мы отказались от диалога с Россией. Мы не подписали бы СНВ-3. Действие старого договора об СНВ заканчивалось в 2009 г. Мы не договорились бы о снабжении наших войск в Афганистане. Из-за этого, возможно, мы не смогли бы ликвидировать Усаму бен Ладена. Мы не смогли бы ввести новые санкции против Ирана. Соответственно, я думаю, не было бы иранской ядерной сделки, которая, на мой взгляд, полностью отвечала американским национальным интересам.

Кстати, мы сдержали обещание и не поступились своими ценностями, когда полетели в Россию на первый саммит. Причем тот первый саммит сознательно готовился по образцу саммита Рональда Рейгана в 1988 г. Естественно, президент встретился с президентом Медведевым. Они провели вместе целый день. Накануне они вместе поужинали. То есть это была встреча с представителем власти. На следующий день мы сначала встретились с Путиным, который в то время был премьер-министром. Был совместный завтрак. Это

тоже была встреча с представителем власти. Но после этого весь оставшийся день был посвящен общению с неправительственными кругами.

Сначала президент выступил в Российской экономической школе. Потом была встреча с представителями деловых кругов. Потом – с представителями гражданского общества. И потом, в конце дня, он встретился с лидерами российской оппозиции. Среди них были люди, которых впоследствии убили. Там были Борис Немцов, Гарри Каспаров. То есть, когда мы говорили, что будем вести диалог одновременно по двум трекам, это были не просто слова. Мы действительно делали и то и другое.

Хочу особо подчеркнуть, что все это закончилось не потому, что мы проиграли. Мы не проиграли. Мы очень многого добились. Нам удалось сделать для американского народа много хорошего. Причем я еще далеко не все перечислил. Многоразовые визы на три года. Я не знаю, Джилл, у вас такая виза?

Джилл Догерти

Да.

Майкл Макфол

Ну вот, это сделал я. Вернее, мы. Это еще одно достижение перезагрузки. Раньше этого не было. Товарооборот и инвестиции выросли на 40–50%. Кстати, на пике перезагрузки, в 2010 г., 60% россиян положительно воспринимали США и 55% американцев положительно воспринимали Россию. Вообще, происходило много всего хорошего.

Почему же все это закончилось? Я считаю, что дело не в том, что это мы допустили какую-то ошибку. Просто к власти вернулся Путин, а Путин не верит во взаимовыгодное партнерство. С самой первой встречи с ним стало ясно, что время взаимовыгодных отношений закончилось. Он считал США врагом и, кстати, по-моему, до сих пор так думает. Он воспринимал двусторонние отношения, особенно с нами, не как взаимовыгодное партнерство, а как игру с нулевой суммой. С Путиным было уже тяжелее организовывать какие-то совместные проекты.

И потом произошло второе очень важное историческое событие, которое положило конец перезагрузке. Дело в том, что простым россиянам была нужна не перезагрузка. Им были нужны свободные и честные выборы. В декабре 2011 г. состоялись очередные выборы, которые были сфальсифицированы точно так же, как и предыдущие, но только на этот раз благодаря смартфонам и социальным сетям – «ВКонтакте», «Фейсбуку», «Твиттеру» – все эти фальсификации получили широкую огласку. На улицы Москвы и Санкт-Петербурга вышли сначала 500 человек, потом – 5 000, а потом – и 200 000 россиян. Они требовали свободных и честных выборов, и Владимир Путин считал, что это все из-за нас.

Он говорил, что мы пытаемся организовать в стране переворот. На этом фоне после возвращения Путина к власти в 2012 г. было уже очень тяжело договариваться о каком-то взаимовыгодном сотрудничестве. Иногда, конечно, удавалось что-то сделать, и мы можем, если хотите, поговорить и об этом, но лично для меня перезагрузка закончилась в

сентябре 2011 г., когда Владимир Путин объявил, что будет снова баллотироваться в президенты.

Я отчетливо помню, как сообщил эту новость Бараку Обаме. Я в то время работал в Белом доме. Хочу напомнить нашим зрителям, что, прежде чем отправиться в Москву послом, я три года проработал в Белом доме. Так вот, я пришел к президенту и сказал: «Мы хорошо поработали. Кое-что удалось сделать. Но теперь – все. Это время кончилось».

Джилл Догерти

Время кончилось. Произошла «рокировка». Медведев какое-то время посидел в президентском кресле, но потом Путин вернулся обратно. Я хочу все-таки уточнить один момент. Вы фактически говорите, что перезагрузка сорвалась по вине Путина, хотя, строго говоря, президентом в тот момент был Медведев. Справедливо ли в таком случае возлагать вину на Путина?

Майкл Макфол

Поясняю. Перезагрузка закончилась, когда в 2012 г. Путин снова стал президентом. Медведев на самом деле был заинтересован в перезагрузке. Можно даже сказать, что инициатива исходила не столько от нас, сколько от Медведева. Мне кажется, на Западе об этом часто забывают. Тут нужно понимать, что Медведев как президент сделал очень мало. Его главным достижением как раз и была перезагрузка. Своим избирателям – и, главное, своему самому важному избирателю, премьер-министру, – Медведев давал понять, что перезагрузка отвечает российским национальным интересам, поскольку они с Путиным разыгрывают роли доброго и злого полицейского.

Не забывайте, у Медведева в ту пору были большие планы. Он не собирался освобождать президентское кресло. Сейчас мы уже знаем, что ему в любом случае пришлось бы уйти, но в тот момент он этого еще не знал. Я встречался с Медведевым не меньше 20 раз, в том числе непосредственно перед «рокировкой». Он не собирался уходить. У него было твердое намерение идти на второй срок, и главный его аргумент состоял в том, что только он способен о чем-то договориться с США – да и с Европой тоже. Мы сейчас обсуждаем только американско-российские отношения, но ведь перезагрузка шла и в отношениях с НАТО, и в отношениях с Европой. Именно этим Медведев аргументировал, что ему нужно остаться у власти.

Я-то лично как раз догадывался, что Медведев не останется президентом. Не забывайте, у меня был доступ к секретной информации. У нас хорошо получается собирать сведения о ситуации в российском правительстве – да и в правительствах других стран. Так вот, мы полагали, что Медведев, скорее всего, не будет баллотироваться на второй срок. Никаких иллюзий на этот счет у нас не было. Некоторые говорят, что мы якобы сделали ставку на Медведева и просчитались, но это глупости. Медведев на тот момент был президентом. Кто президент – с тем ты и разговариваешь. Это зависит не от тебя.

Кстати, Джилл, мы иногда пробовали довольно занятные вещи. Это я так пытался наладить контакт напрямую с Путиным. Например, только что вспомнил, как в 2009 г., когда мы подавали заявку на проведение Олимпийских игр, у меня появилась идея. Я

поделился ей с Обамой, и он меня поддержал. Я сказал: «Да, с точки зрения протокола вы не имеете права звонить премьер-министру. Как президент, вы должны обращаться к российскому президенту». Но ведь специалистом по Олимпийским играм считался Путин, поскольку именно он добился, чтобы зимняя Олимпиада прошла в Сочи. Я предложил использовать этот предлог, чтобы Обама позвонил премьер-министру Путину – якобы проконсультироваться по подготовке олимпийской заявки. Кстати, наша заявка на проведение Олимпийских игр в Чикаго с треском провалилась. Кажется, мы заняли лишь четвертое место.

Так вот, мы организовали этот звонок. Я всегда при всех звонках был в Овальном кабинете рядом с президентом Обамой, так что хорошо помню этот разговор. Путин начал беседу вполне дружелюбно. Кстати, он действительно хорошо разбирался в подаче заявок, знал все тайные пружины. Он сказал Обаме: «Господин президент, у вас нет ни единого шанса. Вопрос решен, Олимпиаду отдадут бразильцам». И оказался абсолютно прав.

Они поговорили еще немного по поводу того, как лучше подготовить заявку, а потом Обама как бы невзначай сказал: «Кстати, я хочу кратко переговорить по поводу Ирана. Вот что мы думаем по этому поводу...» Но тут Путин перебил его: «Господин президент, вы, может быть, не в курсе, как у нас устроена система?» Он говорил с легкой иронией в голосе. «У нас за внешнюю политику отвечает не премьер-министр, а президент». Но тут он сказал: «Кстати, президент Медведев сидит сейчас рядом со мной. Я передам трубку». И он действительно передал трубку Медведеву, и для нас это был очень четкий сигнал, что, пока президентом остается Медведев, все переговоры по поводу американо-российских отношений нужно вести только с ним.

Джилл Догерти

Я вспоминаю это время, 2012 год. В этот период, 2012–2014 гг., в самых разных областях произошло много всего плохого. В Москве начались уличные акции протеста, события на Болотной площади. Арестовали множество людей. Это было одно из наиболее мощных проявлений общественного недовольства. Потом, естественно, был 2013-й. Потом, в 2014-м, начались украинские события, произошла аннексия Крыма. Время было очень трудное, но все же, если я правильно понимаю, у вас оставалась надежда, что что-то еще можно сделать. Это действительно так? И если да, то что вы рассчитывали сделать? Обстановка ведь была очень напряженная.

Майкл Макфол

Отличный вопрос, Джилл. Не забывайте, я три года проработал в Белом доме. Это довольно долгий срок для члена Совета по национальной безопасности, особенно для преподавателя. Обычно мы возвращаемся в науку через два года. Таков установленный порядок. Я тоже собирался вернуться к своим делам. Это было в 2011 г. Я сказал Тому Дониону, который тогда был моим начальником: «Мы отлично поработали, но теперь мне пора возвращаться». Я, собственно, и семье уже пообещал. Но Том ответил: «Нет, Майк, это ошибка. Сейчас слишком много всего происходит в американо-российских отношениях».

Чуть позже он позвонил мне и сказал: «Слушай, я поговорил с шефом, и он тебя пока не отпускает». Я сказал: «Ну, в моей жизни есть другие важные люди помимо президента Обамы». И вот после этого забавного разговора у них родилась идея назначить меня на новую должность. Кстати говоря, работа посла позволяет чаще бывать с семьей, чем работа в Белом доме. Будучи послом, я мог больше времени уделять семье, но в то же время оставаться частью команды. Вот так и получилось, что меня отправили в Москву. Получается, я стал послом в каком-то смысле случайно.

Возвращаясь к нашей теме, когда Путин объявил о своем возвращении, у меня снова возникли сомнения, стоит ли мне ехать в Москву. Это было еще до митингов на Болотной, в сентябре 2011 г. Да, конечно, за годы работы в администрации Обамы у меня сложились очень хорошие рабочие отношения с Медведевым и многими людьми из его команды. Но я знал, что у Путина отношение к Соединенным Штатам намного более сложное. К тому же у меня была репутация человека, который уже давно занимается Советским Союзом и Россией. Я в свое время работал в Национальном демократическом институте – организации, которая в 1992 г. по приглашению российских властей – хочу отметить это особо – помогала укреплять демократию в России. Кстати, именно тогда я впервые познакомился с Владимиром Путиным. Он отвечал за международные связи в мэрии Санкт-Петербурга, и именно там мы и встретились. И все-таки я знал, что Путин намного более скептически настроен по отношению к Западу.

Но все тогда сказали: «Нет-нет-нет, это будет большая ошибка. Это будет воспринято как отказ от диалога с нашей стороны. Этого нельзя допустить». Но, когда я приехал в Москву, если честно, у меня уже не было практически никаких иллюзий по поводу перспектив нашего сотрудничества. Мы, конечно, пытались что-то сделать, особенно в экономике. Например, попытались наладить партнерство между Кремниевой долиной и Сколково. Сколково – это такой городок рядом с Москвой, некий российский аналог Кремниевой долины. Кроме того, конечно, за те два года, что я проработал послом, мы много усилий потратили на контакты по линии общественных организаций.

Но по ключевым вопросам, о которых вы говорили, мы столкнулись с тем, что у нас с Владимиром Путиным были в корне разные подходы. Это касалось и ситуации в России, и «арабской весны», которая тогда как раз началась в ряде стран, особенно в Сирии, и происходили массовые выступления против авторитарных режимов. Потом в сентябре 2013 г. начались массовые выступления против авторитарного режима в Украине, продолжавшиеся всю зиму.

Все эти события не имели, на мой взгляд, ничего общего. Это были совершенно разные процессы, в которых действовали совершенно разные силы. Но Путину они казались звеньями одной цепи. Везде ему мерещилась рука Соединенных Штатов, которые пытались спровоцировать, как он выражался, «цветные революции» – то в Сирии, то в Египте, то в Ливии, то в России, то в Украине. С таким настроением было очень сложно о чем-то договориться.

Наиболее отчетливо я осознал это во время встречи в довольно необычном месте – в мексиканском Лос-Кабосе. Я прилетел из Москвы в Лос-Кабос, чтобы присутствовать на встрече президента Обамы с президентом Путиным. Кажется, это был саммит «Большой

двадцатки». На полях таких мероприятий с участием большого числа стран обычно происходит много дипломатических встреч. У нас в тот день была запланирована встреча с Владимиром Путиным. Кстати, он опоздал на встречу с президентом Обамой на 45 минут. Путин вообще часто опаздывал на встречи с западными политиками.

Причем Обама не придавал этому особого значения. Сотрудники аппарата просто с ума сходили: «Какой кошмар! Это же такое оскорбление для президента!» А Обама просто сидел, грелся на солнышке, любовался океаном. У меня сохранилась отличная фотография, которую сделал Пит Суза. Мы сидели вдвоем с Обамой, и я сказал: «Господин президент, мне очень жаль, что вам приходится терпеть эти выходки». Обама посмотрел на меня и сказал: «Майк, ты что? Думаешь, я обижаюсь? Я обожаю сидеть на солнце на берегу океана. Здорово, что появилась возможность хоть полчасика передохнуть». Если вам интересно, мы провели это время, болтая о детях и о баскетболе.

Но вернемся к нашей теме. Встреча проходила летом 2012 г. Обстановка в Сирии серьезно накалилась, и наша позиция была такой: давайте попробуем вместе с российским руководством договориться о мирном разрешении этого затянувшегося конфликта. Это было еще до того, как начались самые кровавые события. Мы хотели организовать в Сирии что-то наподобие того, что произошло в Египте, то есть договориться о передаче власти. Асад уйдет в отставку, но ему сохранят жизнь, его не будут брать под стражу. Может быть, ему даже разрешат уехать из страны. Мы проведем переговоры с представителями сирийского режима и договоримся о передаче власти оппозиции. Нам было нужно, чтобы Россия поддержала этот план, поскольку у русских, в отличие от нас, были достаточно близкие отношения с сирийским режимом.

Так вот, Путин с самого начала дал ясно понять, что он этот план не поддержит. Он считал это попыткой смены режима, и для него наше предложение было равнозначно тому, что в 2003 г. произошло в Ираке. Так что по ключевым вопросам, о которых вы спрашиваете, нам договориться не удалось.

Джилл Догерти

Знаете, это очень хороший переход к моему следующему вопросу. Я помню, как однажды вскоре после вашего приезда в Москву я стояла на улице. У вас была встреча с кем-то из оппозиционеров. Для вас это, наверное, была одна из первых встреч такого рода в присутствии журналистов. Я обратила внимание на одну российскую журналистку. Это была молодая девушка с рыжими волосами. Я подумала про себя: «Сейчас будет что-то интересное».

Она заранее подготовилась и с ходу задала вам вопрос. Вопрос был сформулирован очень жестко. Я подумала: «Что-то мне это не нравится». Момент был очень напряженный. Поскольку она была с НТВ, было ясно, что все это подстроено заранее.

Майкл Макфол

Да.

Джилл Догерти

Было ясно, что в России вас ждет не очень теплый прием. Вот об этом я и хотела вас спросить. Вы приехали в Россию как эксперт по цветным революциям – или, по крайней мере, по демократии, по продвижению демократии в других странах. И вас встречали очень враждебно, поскольку для России это была большая тема. Расскажите о ваших ощущениях. Мне кажется, все внимание оказалось сосредоточено на вашей личности. Вместо того чтобы обсуждать американские предложения, все разговоры были только о вас, о том, чем вы раньше занимались. Кремль был крайне обеспокоен.

Майкл Макфол

Да. Это отличный вопрос. Сначала я хотел бы отметить пару моментов, чтобы пояснить ситуацию. Тот разговор, который у меня состоялся с президентом и его командой в Совете национальной безопасности по поводу моего назначения послом, происходил в момент, когда сотрудничество с Россией достигло высшей точки. Это был февраль-март 2011 г. Март 2011 г. был, пожалуй, высшей точкой, поскольку именно тогда мы полетели в Москву с вице-президентом Байденом – ныне президентом Байденом. У нас прошла встреча с президентом Медведевым, и совершенно неожиданно для нас – мы были потрясены – он согласился воздержаться при голосовании в Совете Безопасности ООН по вопросу о применении силы в Ливии. Я говорю сейчас об этом, потому что многие уже забыли, какого уровня сотрудничества удалось добиться в 2011 г.

До этого ни Россия, ни Советский Союз никогда не поддерживали применение силы для вмешательства во внутренние дела другого государства. И вот мы сидим на встрече в Кремле, и вдруг Медведев объявляет нам о своем решении. И Россия действительно воздержалась в Совбезе ООН при голосовании по резолюции 1973. Вот в какой обстановке Обама сказал: «Раз уж у нас началось такое активное сотрудничество, давайте отправим Майка в Москву».

Но к тому моменту, как я приехал в Россию, все уже изменилось. Путин снова президент, уже произошли события на Болотной, и в Кремле панически боялись, что теперь цветная революция случится и у них в стране. Так что для НТВ и в целом для российской пропаганды я был просто манной небесной. Один из ближайших советников Путина даже сказал мне об этом открытым текстом.

Это был еще один парадокс, связанный с моим прошлым, Джилл. С одной стороны, Путин и вся его пропагандистская машина были настроены резко отрицательно по отношению к Соединенным Штатам – в первую очередь, конечно, к госсекретарю Хиллари Клинтон, которая занимала гораздо более высокий пост, чем я, но и ко мне тоже. Мы все были для них участниками заговора, о котором они все время говорили. Но, с другой стороны, я и раньше бывал в России. Ведь первый раз я приехал в Россию еще в 1983 г. У меня там были тысячи знакомых, в том числе много людей, занимавших высокие должности. Для посла, который только что приехал в Москву, это была очень нетипичная ситуация. Так что мои отношения с российскими властями складывались очень странно. Многие российские чиновники встречались со мной в неформальной обстановке. Старались встречаться без камер. В российском правительстве был один человек, который не любил со мной встречаться и во время наших встреч старался как можно сильнее испортить мне

настроение. Так уж совпало, что этот человек был президент России Владимир Путин. В результате в моей работе все время присутствовала эта напряженность.

Так вот, один из его советников говорил со мной очень откровенно. Не забывайте, когда я приехал в Россию, Путин как раз баллотировался в президенты. Я пришел на встречу с этим человеком... Наверное, не стоит называть его по имени, но в то время он был одним из самых доверенных советников Путина. Мы были давно знакомы. Он сказал: «Майк, не принимай близко к сердцу». В то время против меня развернули целую дезинформационную – по другому не скажешь – кампанию. Это было ужасно. Она началась еще до того, как я приступил к работе в посольстве. Накануне моего вступления в должность по телевидению показали 25-минутный фильм про то, как Барак Обама послал меня в Россию организовать цветную революцию против Путина. Представляете? Вот так «тепло» меня встретили в Москве.

Ну так вот. Несколько недель спустя я пришел в Кремль на встречу с этим человеком, и он сказал мне: «Не принимай близко к сердцу. Ты же знаешь: политика – грязное, тяжелое дело. У нас сейчас выборы, и нам нужны аргументы. Для нас сейчас важен этот антиамериканский аргумент. А ты же просто воплощение американской угрозы!» Кстати, в ходе предвыборной кампании они даже размещали мою фотографию на плакатах, так что я в буквальном смысле слова был лицом американской угрозы. Но он сказал: «Майк, это все политехнологии. Выборы пройдут – и все это сойдет на нет». Я ему тогда поверил.

Но к тому времени, когда я уезжал из России, я уже ему не верил. Я уже лучше знал Путина – и не просто я, а все мы, вся администрация. Мы уже понимали, что эта паранойя не ограничивалась ситуацией с выборами. Мне кажется, Путин действительно думает, что ЦРУ раздает оппозиции деньги, чтобы они его свергли. Мне кажется, он действительно думает, что Обама послал меня руководить российской оппозицией. Мне кажется, что, когда в декабре 2011 г. он утверждал, что это Хиллари Клинтон дала оппозиции команду выходить на улицы, он действительно в это верил.

Сразу хочу сказать, что это не так. ЦРУ не финансирует российскую оппозицию. Администрация Обамы не ставила задачи спровоцировать в России революцию. Причем подумайте, какой парадокс получается со мной. Я считаю себя специалистом по перезагрузке, и из перезагрузки ничего не получилось. Я также считаю себя специалистом по цветным революциям, и с цветной революцией тоже ничего не вышло. Как так может быть?

Но кое в чем Путин действительно прав. Он прав в том, что либеральная демократия и открытость действительно представляют для него угрозу. Знаете, в последний год моей работы в качестве посла другой помощник Путина сказал мне кое-что, что меня очень заинтересовало. Он сказал: «Майк, в тебе есть две вещи, которые Путина просто бесят». Причем, Джилл, иногда в мой адрес звучали какие-то завуалированные угрозы, какие-то намеки, что меня могут объявить ПНГ...

Джилл Догерти

Персоной нон грата.

Майкл Макфол

Да, персоной нон грата. Намекали, что я стану первым американским послом со времен Джорджа Кеннана, кого выдворят из страны. Время от времени звучали такие тонкие намеки, чтобы я не расслаблялся.

И вот один из помощников Путина сказал мне: «Есть две вещи, которые бесят Путина. Первое – это твоя невероятная открытость. Ты постоянно выступаешь. Ты общаешься с людьми – даже с теми, кто с тобой не согласен. Ты приглашаешь Жириновского на приемы по случаю Дня независимости. Ты постоянно приглашаешь на ужин членов путинских партий. Ты пишешь в «Твиттере» про все, что ты делаешь. Ты выступаешь на телевидении, выступаешь на радио, выступаешь в университетах». Причем в итоге мне запретили выступать в университетах, потому что они уже не могли смотреть, как сотни молодых людей просят у меня автограф. Он сказал: «Путину это бесит, потому что сам он живет не так». Как вы сами прекрасно понимаете, мы очень многого не знаем про жизнь Путина. Это было первое, что бесило Путина.

А второе, что его бесило, было вот что. Этот человек сказал мне: «Ты любишь Россию. Ты уважаешь культуру и историю России. Вот если бы ты был типичным “ястребом” времен холодной войны, если бы ты ненавидел Россию, если бы ты, как многие “ястребы”, испытывал какую-то личную, этническую неприязнь к русским, если бы ты мечтал уничтожить Россию, все было бы намного проще. Но ты не такой, и это его бесит. Вот поэтому они и вставляют тебе палки в колеса». Так что, мне кажется, моя судьба как посла США в России была предрешена.

Джилл Догерти

Мне кажется, вы были одним из первых послов в России, кто стал активно использовать социальные сети – писать что-то в «Твиттере» и так далее. Вы действительно старались быть максимально открытым. То есть вы придерживались уже другого стиля. Сейчас, конечно, все в прошлом, но не кажется ли вам, что было бы легче, если бы вы придерживались более традиционного подхода?

Майкл Макфол

Да, я сам тоже об этом думал и писал на эту тему, потому что это имеет определенное историческое значение. Я должен сразу сказать, что идея по поводу «Твиттера» исходила не от меня, а от моего начальника. Моей начальницей была госсекретарь Хиллари Клинтон. Во время нашей последней встречи перед моим отъездом в Москву она сказала: «Майк, ты должен общаться не только с российскими властями, но и с простыми россиянами». Она пишет об этом в своей книге. Она была первым госсекретарем, который сказал: «Социальные сети – это часть нашего дипломатического инструментария». Представляете, Джилл, она даже нашла мне инструктора. Его зовут Алек Росс. Мы встретились в Белом доме, и он провел со мной инструктаж. До этого я никогда не пользовался «Твиттером». Большую часть своей взрослой жизни я прожил в Кремниевой долине, штаб-квартира «Твиттера» совсем рядом, но раньше я никогда им не пользовался.

Единственное, у меня был аккаунт в «Фейсбуке», где у меня было человек 200 друзей. Так что инициатива исходила не от меня, а от Клинтон.

Оглядываясь назад, могу сказать, что у меня на этот счет смешанные чувства. С одной стороны, дипломатам, конечно, нужно использовать новые технологии, чтобы доносить свою позицию. Я уверен, что, когда изобрели радио и телевидение, тоже шли очень бурные дебаты и кто-то наверняка говорил: «Какой кошмар! Государственный деятель не может выступать по телевизору! Дипломатией так не занимаются!» Я слышал много подобных реплик, Джилл, и от коллег по Госдепартаменту, и от других послов в Москве: «Дипломатией так не занимаются».

Но ведь сегодня в «Твиттере» пишут уже все, правда? У китайцев сейчас сотни людей пишут что-то в «Твиттере» каждый день. Но тогда, в 2012 г., я абсолютно точно был первым американским послом в России, у кого был аккаунт в «Твиттере», и вообще в то время послов в «Твиттере» можно было пересчитать по пальцам. Так что, естественно, время от времени я совершал ошибки. Когда человек экспериментирует, он неизбежно ошибается, так ведь? Естественно, и у меня тоже были какие-то ошибки в «Твиттере», о которых я сожалею.

С другой стороны, нужно сказать, что благодаря социальным сетям происходило и много хорошего. Мы сейчас говорили только про «Твиттер», но я использовал и «ВКонтакте», и традиционные СМИ – пока мне не закрыли туда доступ. В итоге мне закрыли доступ на федеральные каналы, но я ходил на оппозиционный телеканал «Дождь», на «Эхо Москвы». На «Эхе Москвы» я, кстати, до сих пор иногда выступаю – прямо отсюда, из Пало-Альто. По-прежнему использую эти платформы, чтобы поддерживать диалог на своем ломаном русском, который с годами становится все хуже и хуже.

Мне кажется, благодаря соцсетям нам удалось сделать несколько важных и полезных вещей. Во-первых, благодаря этим альтернативным каналам у нас была возможность донести свою позицию. Российское телевидение контролировалось Путиным и показывало нашу позицию в искаженном, извращенном, лживом виде. С их стороны шли потоки дезинформации, а мы со своей стороны вели асимметричную борьбу: у них были эти гигантские телеканалы, а у нас был только мой маленький аккаунт в «Твиттере». Но, по крайней мере, у нас была возможность обозначить свою позицию, а дальше уже СМИ перепечатывали мои твиты, и благодаря этому моя аудитория расширялась. В какой-то момент я даже входил в десятку самых популярных блогеров в России. Я пользовался успехом в «Твиттере». Люди читали нас с интересом.

Во-вторых, у меня появилась возможность напрямую общаться с простыми россиянами. Причем я до сих пор этим занимаюсь. Обычно послу довольно сложно общаться с простыми людьми. Вы сами знаете, какая Россия огромная страна. Я помню, однажды я разговаривал с Максом Бокусом, нашим послом в Китае, и он хвастался, сколько он разных китайских провинций объехал за годы службы. Я прикинул, и у меня получилось, что мне, чтобы объехать столько же областей в России, потребуется десять лет.

Просто чтобы наши зрители понимали: вы можете лететь 11 часов на самолете из Владивостока в Москву, и вы все еще будете в России. Но благодаря «Твиттеру» я могу

хоть каждый вечер общаться со школьниками во Владивостоке – и я действительно с ними общался. Они поначалу удивлялись, не верили, что это я. Они думали, это какой-то бот. Но потом я наделал столько ошибок, пытаясь писать по-русски, что стало понятно, что это действительно я. Но благодаря этому все изменилось. Люди перестали воспринимать Америку как какую-то страшилку: «Вот, американцы хотят нас всех уничтожить».

Благодаря социальным сетям у людей постоянно была возможность общаться со мной. Причем я общался не только с элитами. Я изо всех старался охватить как можно больше людей. И это еще одно преимущество социальных сетей. Телевидение – это монолог, а «Твиттер» – это диалог. Благодаря этой платформе мы смогли охватить намного больше россиян, чем если бы мы использовали только традиционные дипломатические средства.

Джилл Догерти

Хотела бы вернуться к президенту Путину, чтобы закончить с этой темой. Летом 2020 г. в России прошло голосование по конституционным поправкам, и россияне проголосовали в том числе за то, чтобы у президента Путина было право баллотироваться на новый срок. Если он победит на выборах, он сможет оставаться у власти до 2036 г. По моим подсчетам, ему к тому времени исполнится 84 года.

Так что, если посмотреть на Путина и на текущую ситуацию, для Соединенных Штатов и Запада в целом возникает серьезный вопрос. Во-первых, возможны ли конструктивные отношения с Россией, пока президентом остается Владимир Путин? Это первое. И в зависимости от этого возникает второй вопрос: что нам делать, если он действительно хочет оставаться президентом до 84 лет? Как нам выстраивать отношения с Владимиром Путиным и созданной им системой?

Майкл Макфол

Это сложные вопросы, Джилл. Что касается первого вопроса, то тут, мне кажется, все понятно. Я три года проработал в Белом доме с вице-президентом Байденом – ныне президентом Байденом. Я лично знаком со всеми старшими членами его команды. Это все мои друзья: госсекретарь Энтони Блинкен, советник по национальной безопасности Джейк Салливан и другие. Так вот, мне кажется, они не питают в отношении Путина никаких иллюзий. На самом деле я даже присутствовал при последней встрече Байдена с Путиным. Это была довольно напряженная встреча в 2011 г. Кстати, в тот раз мы тоже действовали в соответствии с политикой перезагрузки. Через час после этой встречи вице-президент встретился с представителями оппозиции. Таков его подход. Такова их стратегия. Между Байденом и Путиным точно не будет никакой перезагрузки.

При этом я считаю, что, когда это отвечает нашим национальным интересам, мы должны поддерживать диалог с Кремлем. Мы делаем это для того, чтобы обеспечить безопасность американского народа, повысить его благосостояние, и мы не изменяем при этом своим ценностям. Именно так мы поступали во время холодной войны, именно так поступал с Медведевым Обама, и именно так, я считаю, должен действовать – и будет действовать – президент Байден. Например, я очень рад, что он договорился с президентом Путиным

продлить действие Договора СНВ-3 сроком на пять лет. Это отвечает нашим национальным интересам. Это не какой-то подарок Путину, как утверждают иногда критики Байдена. Этот договор выгоден Америке. И всякий раз, когда у нас есть возможность заключить соглашение, которое способствует нашей безопасности или экономическим интересам, нужно на это идти. Хотя мне кажется, таких возможностей сейчас не очень много.

И в этом еще одно большое отличие между нынешним временем и ситуацией в 2009 г. Тогда было довольно много областей, где мы могли взаимовыгодно сотрудничать с Россией. Некоторые из них мы уже назвали. Сегодня этот список намного короче. Если очень постараться, можно что-нибудь найти и сегодня, конечно. Например, борьба с терроризмом. Это гораздо более сложный вопрос, чем многие думают. Сотрудничество в области кибербезопасности – это еще один чрезвычайно сложный вопрос. По вопросам многостороннего сотрудничества – нераспространение оружия массового уничтожения, изменение климата, пандемия – администрации Байдена, конечно, нужно сотрудничать, но это уже сотрудничество со всем международным сообществом. Двусторонняя повестка, на мой взгляд, весьма скудна, и, мне кажется, пока Путин остается у власти, ничего, увы, не изменится. А у власти, боюсь, он будет еще очень долго.

Джилл Догерти

Понятно. Пожалуй, последний вопрос: вы следите за событиями в России. Вы уже сказали, что ведете аккаунт в «Твиттере». Я на вас подписана, так что все про вас знаю. Сейчас в России происходит много всего интересного. Понятно, что есть протестное движение, но в дополнение к крупным акциям протеста за последние год-два мы видели выступления по всей России – люди митинговали в областных центрах и даже иногда в небольших городах в связи с местными проблемами. В каких-то случаях это связано с экологией; в других власти, например, решили на месте парка построить храм, а местные жители хотят, чтобы там был парк.

То есть люди поднимаются на борьбу за свои права по местным вопросам. Они не хотят больше терпеть. Что вы по этому поводу думаете? Это просто случайные проявления, которым не нужно придавать особого значения? Или это демократия в действии? Может, именно так россияне строят демократию? И к чему все это приведет? Я знаю, давать прогнозы в отношении России – дело крайне неблагоприятное, но все же: раз уж вы так долго изучаете эту страну, как вам кажется, когда вы наблюдаете эти порой мелкие, а порой и не такие уж и мелкие изменения на местах, в каком направлении движется Россия?

Майкл Макфол

Это, конечно, очень сложный вопрос. Но от Джилл Догерти, конечно, я легких вопросов и не ждал. Прежде всего, Джилл, хочу сказать кое-что, что вы и так знаете, но я хочу, чтобы наши зрители тоже это поняли. Кстати, именно по этой причине так здорово быть американским послом в России. Мне очень нравилась моя работа. Так вот, я хотел сказать, что российское общество устроено очень сложно. У нас в прессе Россию обычно изображают примитивно, на уровне карикатуры.

У нас люди используют слова «Россия» и «Путин» как синонимы. Но ведь в России есть богатые люди и бедные. Есть очень образованные городские жители, и есть люди, которые живут в сельской местности. Есть много разных национальностей и конфессий, есть глубокие культурные традиции. Есть просто невероятное разнообразие – в России можно встретить самых разных людей. Больше всего мне нравилось в работе то, что нужно было общаться со всеми этими людьми: миллиардерами, оперными певицами, школьными учителями, звездами баскетбола.

Это была потрясающая работа. Российское общество устроено намного сложнее, чем кажется многим американцам. Это самое главное, что мне хотелось бы сказать людям. Знаете, меня бесит, когда кто-то говорит: «Америка думает так-то» – или: «Америка считает так-то». И то же самое с Россией. Я никогда не разрешал своим сотрудникам в посольстве писать в отчетах: «Россия хочет сделать то-то и то-то». Или: «Россия думает так-то». Я всегда говорил: «Кто это – Россия? Что это за человек такой? Не знаю такого!» Россия – это очень сложная страна, и, как вы сами только что сказали, в ней сейчас происходит много всяких процессов, которые зачастую остаются без внимания. Мне кажется, в России сейчас происходит много всего интересного.

В дополнение к тому, что вы уже назвали, я могу добавить, что в России сейчас появилось много талантливых журналистов, которые занимаются журналистскими расследованиями. Со многими я знаком. В культурной жизни тоже много всего происходит. Сейчас в России по-настоящему интересное время.

Я хочу сказать еще две вещи. Разумеется, я не настолько глуп, чтобы делать предсказания. Кстати, никогда не верьте глупцам, которые пытаются предсказывать будущее. Мы, политологи из Стэнфорда, вообще не умеем предсказывать политические изменения. С другой стороны, как человек, проработавший пять лет в правительстве, могу ответственно заявить, что и у ЦРУ с предсказаниями дело обстоит не лучше. Предсказать политические изменения в стране вообще очень сложно. Но две вещи я все-таки скажу. Вернее, три.

Во-первых, я полностью согласен с тем, что вы только что сказали. Действительно, в России подспудно зреет недовольство. Помните, когда Навальный вернулся в Россию, полиция арестовала много протестующих. Эти люди вышли в сильный мороз. Они знали, что их арестуют. Они знали, что их будут избивать. И они все равно вышли, и их было много. Это означает, что на самом деле в России есть еще сотни тысяч человек, которые думают так же, как они. Вот тут наука, социология, как раз способна помочь. Для этого явления есть термин – «фальсификация предпочтений». Люди просто скрывают свои истинные предпочтения.

Во-вторых, я хочу кое-что сказать по поводу Путина. Путин появился в очень удачный момент. Ему повезло. Он стал президентом как раз в тот момент, когда российская экономика начала расти. Это была не его заслуга – просто цены на нефть и газ резко взлетели вверх. Но так бывает во всех странах, в том числе и в Америке: если в стране случилось что-то хорошее, это считается заслугой того, кто сейчас президент. Так что нет ничего удивительного в том, что в первые четыре года своего президентства, а потом и в первые восемь лет Путин был очень популярен. Он помог восстановить экономику и государственную власть, так что неудивительно, что в ту пору его многие поддерживали.

Но сейчас он находится у власти уже 21 год. Многие россияне за всю свою жизнь не знали никакого другого президента кроме Путина. Это очень долгий срок.

Знаете, мне очень нравилось работать с Бараком Обамой. Для меня это наивысшая честь. Я считаю его одним из лучших президентов в истории. У меня в кабинете висит его фотография как память об этом прекрасном времени. Да, у нас случались ошибки. Да, иногда он ошибался, но я все равно вспоминаю своего бывшего начальника с исключительной теплотой. И все же должен сказать: если бы Обама оставался президентом 21 год, он бы мне в итоге надоел. Я думаю, за 21 год Барак Обама надоел бы всем американцам.

Мне кажется, многое сегодня говорит о том, что Путин за 21 год надоел россиянам. Это не значит, что в России не сегодня-завтра случится революция. Но я задам вам на прощание такой вопрос. Какой сценарий вам кажется более фантастическим: что путинский режим просуществует в неизменном виде еще 20 лет или что произойдут какие-то изменения – особенно если Путин будет уже не в состоянии управлять страной? Мне кажется, пока Путин в состоянии лично управлять, вряд ли что-то изменится, но потом уже вряд ли этот режим продержится долго. Сильной политической партии нет, экономика почти не растет. Идеология у путинизма есть, но людей она не вдохновляет.

Еще когда я был послом, Джилл, я кое-что заметил. Это было давно, но я все время вижу новые подтверждения этому факту. Среди путинских элит есть много людей, которым не нравится то, куда идет Россия. Они, конечно, не готовы заявлять об этом открыто. В этой системе неразумно выражать свое истинное мнение по поводу Путина, потому что с тобой поступят как с Навальным – незаконно арестуют и посадят на два с половиной года по сфабрикованным обвинениям.

Разумное поведение сейчас состоит в том, чтобы не высываться. Но когда у людей появится возможность, ничем не рискуя, высказывать свои истинные предпочтения, мы вполне можем увидеть раскол – не только в обществе, но и внутри самого режима. Я не настолько глуп, чтобы делать какие-то предсказания, но этот режим не кажется мне полным жизни. Мне кажется, он увядает.

Джилл Догерти

Хорошо. Поживем – увидим. Господин Макфол, большое спасибо. У наших зрителей и слушателей была возможность узнать, каким вы были на самом деле как посол – очень открытым, общительным человеком. У россиян была возможность в этом убедиться, и теперь в этом убедились мы. Большое спасибо, что пообщались с нами.

Майкл Макфол

Спасибо, что пригласили. Было очень интересно.

Посол Джон Ф. Теффт (2014–2017)

Россия во время третьего путинского срока начала замыкаться в себе. Было почти явное ощущение, что она отстраняется от остального мира. Конечно, ввели санкции, которые запрещали выдачу виз и были нацелены на изоляцию России. Россию исключили из «Большой семерки». Но также появился закон об иностранных агентах, а ФСБ развернуло агрессивную кампанию по запугиванию ученых и лиц, контактирующих с иностранцами. Эта тенденция стала очень заметной и при мне только нарастала.

ИНТЕРВЬЮ

Джилл Догерти

Господин посол, очень приятно снова с вами встретиться. Мне кажется, последний раз мы с вами подробно обсуждали российские вопросы еще в Москве, в посольстве. Тогда мы беседовали за кофе с печеньем, но сегодня приходится встречаться в другом формате. Мне бы хотелось сперва поговорить о вашем опыте, о ваших впечатлениях от работы посла, а потом перейти к более общим вопросам о взаимоотношениях между Россией и США. Так что для меня большая честь и удовольствие снова вас видеть.

Джон Теффт

Спасибо, Джилл. Рад снова встретиться.

Джилл Догерти

Если посмотреть на ваш послужной список, вы приехали в Москву осенью 2014 г., а уехали осенью 2017-го, то есть у вас было примерно три года. И, нужно сказать, это был один из напряженнейших периодов в отношениях между Россией и Соединенными Штатами за всю, наверное, постсоветскую историю. Давайте вспомним, что тогда произошло: аннексия Крыма, гражданская война на Донбассе, прекращение работы Совета Россия – НАТО. США и Европа ввели санкции. Когда вы только приехали в Москву, на что вы рассчитывали? Чего вы надеялись достичь в качестве посла и как собирались действовать?

Джон Теффт

Когда я приехал, прошло уже шесть, даже семь месяцев после российского вторжения в Крым и начала подрывной деятельности на Донбассе. Мы ввели санкции, и отношения к тому моменту, как вы правильно сказали, уже сильно осложнились. У меня было время проконсультироваться в Вашингтоне со многими людьми из администрации Обамы, начиная с президента, и, наверное, правильно будет сказать, что там особенно не

рассчитывали на то, что за время, оставшееся до конца второго срока Обамы, почти два года, удастся добиться чего-то существенного.

Я приехал в Москву и увидел, что на самом деле у большинства русских тоже особых ожиданий нет. То есть ситуация была совсем не такая, как, скажем, в 1996 г., когда я был заместителем посла. Тогда работала Комиссия Гор – Черномырдин, в рамках которой многие министры США и России сотрудничали по огромному количеству двусторонних вопросов. В мою бытность послом объем деятельности упал до минимума. Мой подход – и я так инструктировал своих подчиненных – заключался в том, что надо хорошо, профессионально исполнять долг сотрудников внешнеполитической службы. У нас ведь как бывает? Иногда приезжаешь – и двусторонние отношения как раз на бешеном подъеме, а иногда попадаешь на очень сложный период, и твоя задача держать открытыми каналы связи, чтобы по возможности не случилось чего-нибудь похуже, и дальше, чем на день, не загадывать.

В известном смысле так я и старался действовать. Я бы еще кое-что добавил к вашему вопросу. Дело в том, что, когда я приехал, сразу понял, что Россия сильно изменилась. Да, были эти постимпериалистические попытки, о которых вы упомянули, захватить Крым, дестабилизировать Украину за счет поддержки повстанцев и отправить своих людей на Донбасс. Но кроме того, Россия во время третьего путинского срока начала замыкаться в себе. Было почти явное ощущение, что она отстраняется от остального мира. Конечно, ввели санкции, которые запрещали выдачу виз и были нацелены на изоляцию России. Россию исключили из «Большой семерки». Но также появился закон об иностранных агентах, а ФСБ развернуло агрессивную кампанию по запугиванию ученых и лиц, контактирующих с иностранцами.

Эта тенденция стала очень заметной и при мне только нарастала. Более того, за мое время в Москве она превратилась в ключевой фактор.

Джилл Догерти

Но вы могли общаться с российскими официальными лицами или они вас избегали?

Джон Теффт

По-разному было. Я, конечно, имел возможность встречаться с министром иностранных дел Лавровым, а непосредственным контактным лицом для меня, как и для моих предшественников, был заместитель министра Рябков. Периодически я встречался с господином Ушаковым, помощником президента Путина по внешнеполитическим вопросам. Но в то же время российское правительство отказывало мне во встречах с людьми из администрации. И дело не только во мне. Европейским послам тоже не позволяли встречаться с главой президентской администрации и заместителями.

Даже когда мы ездили по стране, а я активно этим занимался (потом еще расскажу об этом), мне обычно не давали встречаться с губернаторами. Это, если можно так выразиться, была ответная реакция на санкции. У России не было шансов всерьез ударить экономически, так что посольство и посла – причем не только американского, но и

некоторых послов из ведущих европейских стран – наказали тем, что лишили таких встреч.

Джилл Догерти

Я помню, мы об этом с вами говорили. Вы как раз очень любили работу на выезде – отправиться в какой-нибудь отдаленный город, пообщаться с людьми. Что вы потеряли, когда вам перекрыли эти возможности?

Джон Теффт

Мне хочется верить – а я пересматривал свои записи и до пандемии на самом деле даже перечитывал некоторые дипломатические телеграммы, пока архивная служба Госдепартамента не закрылась, – так вот, мне кажется, что мы поработали неплохо. И я не просто сам себя хвалю – у нас в Москве был отличный коллектив, профессионалы высочайшего уровня. По любой линии – Госдепартамента, военного ведомства, сельского хозяйства – мы всегда организовывали поездки по всей России и не теряли контакта с людьми. Мы активно пользовались деловыми связями. Одной из своих главных обязанностей в России – и в бытность заместителем посла в конце 90-х, и уже послом – я считал делать все, что только можно, для помощи американским компаниям и их защиты.

За время моего срока многие люди в правительстве пытались, если угодно, как-то оградить, защитить американский бизнес от нападков, но в некоторых регионах были попытки, знаете, как бы продемонстрировать Москве, что они такие крутые, что могут прижать американские компании. И мне в итоге удалось добиться того, чтобы ключевые люди в правительстве сказали: «Так, хватит. Если хотите заново выстроить отношения... – а они нам всегда так говорили, – то надо сохранить то, что есть, и отталкиваться от этого». Но есть много американских фирм... Я был в Карелии, практически на границе с Финляндией. У компании International Paper со штаб-квартирой в Мемфисе там огромная фабрика. Но я использовал тот свой визит не только для того, чтобы оказать поддержку американской фирме, но и чтобы лучше понять, что происходит в регионе. А потом мы договорились о встречах с другими людьми в других местах.

Например, я отправился в Воронеж, чтобы посетить две огромные фермы. На одной разводили быков абердин-ангусской породы: их завезли из Техаса и с Юга, и их мясо – это был лучший стейк, который можно было достать в России. У них на тот момент содержалось 6 000 голов скота – отличное хозяйство, все устроено по западному образцу. И еще была молочная ферма опять же с американским и европейским племенным фондом голштинской породы. И когда я к ним приезжал, я, например, параллельно устраивал мероприятия в Воронеже, встречался с людьми, которые ездили в США по разным образовательным программам: от стипендии Фулбрайта и до программы «Флекс» для школьников, которые могли по ней год учиться в американской школе, живя в американской семье, или программы «Открытый мир», организованной Джеймсом Биллингтоном и Библиотекой Конгресса. Я заходил в синагоги, мы общались с самыми разными людьми и таким образом пытались, так сказать, не только продемонстрировать наш флаг, но и лучше понять, что происходит в России за пределами Москвы, глубже проникнуть в обстановку каждого региона.

Джилл Догерти

А на что тогда рассчитывал Кремль? Они что, просто пытались вас наказать? Как вы говорили, показать, какие они крутые? Потому что складывается впечатление, что эти действия, скорее, ударили по ним самим. Они такой политикой чего-то добились? В чем-то выиграли?

Джон Теффт

Вряд ли. Приведу еще пример. Мы были с визитом в Иркутске, и наша программа включала в себя посещение Байкала и встречи с НПО, которые там работали в сфере охраны окружающей среды. Но кроме того, на тот момент в Иркутской области был единственный – если не ошибаюсь – на всю страну губернатор-коммунист, и на самом деле отзывы о нем в основном были хорошие. Он сразу же согласился со мной встретиться, но за два дня ему позвонили из Кремля и сказали: «С американским послом встречаться не будете». Но я все же встретился с представителями НПО, которые занимались Байкалом. А еще у меня было запланировано выступление в местном университете, и опять же вмешалось ФСБ и заявило ректору, что американского посла ни в коем случае... Но тут случилась интересная вещь. Моим сотрудникам, моему специалисту по вопросам политики, позвонил представитель студентов, которые должны были встречаться со мной в университете, и сказал: «Мы знаем, что посла к нам не пускают, но мы можем сами прийти к нему в гостиницу».

И в тот день мы встретились, если не ошибаюсь, с 15 преподавателями и студентами, которым не хотелось упускать возможность поговорить с американским послом. Наверняка они в чем-то рисковали, придя ко мне. Но, по-моему, возможность завязать такие личные связи оправдывала наши попытки выбираться из Москвы и общаться с людьми на местах. Я узнавал что-то полезное и, надеюсь, что-то доносил до своих собеседников.

Джилл Догерти

Но если посмотреть с другой стороны, то и Соединенные Штаты – может быть, не до такой степени, – закрывали российские дипломатические представительства, выгоняли дипломатов и все такое прочее. Все было взаимно. США тоже пошли на такие меры, чтобы наказать Россию за Крым, Украину и так далее. Потеряла ли что-то Америка вследствие такой политики или это было оправданно?

Джон Теффт

По-моему, закрытия консульств в основном пришлось на то время, когда я уже уехал из Москвы. Но интересно другое. К тому времени, когда я приехал в Москву, посол России в Вашингтоне Кисляк, проработав там определенное время, успел обзавестись сетью контактов. И хотя делались попытки со стороны Совета национальной безопасности и Государственного департамента применить по отношению к нему принцип взаимности, чтобы я тут смог встречаться с людьми, были – выразусь очень дипломатично – члены администрации Обамы, которые не прислушались. Они продолжили контакты с Кисляком, не обращая внимания на то, как это сказывается на мне. Но в конце концов,

когда пришла новая администрация... прошу прощения, когда на наши места пришли послы Антонов и Хантсман, ситуация наладилась, и принцип взаимности стал соблюдаться неукоснительно. В результате Джон Хантсман смог, например, встретиться с министром обороны и другими людьми, к которым я пробиться не мог.

Джилл Догерти

Если говорить об Обаме, у него до сих пор в России плохая репутация. На него валят вину по самым разным вопросам, его имя всплывает в дискуссиях, хотя он давно уже не президент. Почему, как вы думаете? Почему русские его так не любят, почему он так раздражает?

Джон Теффт

Я думаю, во многом это связано с Украиной и санкциями. Как вы помните, после 2014 г. эффект санкций стал чувствительным. На самом деле аннексия Крыма пошла на руку Путину, его популярность тогда взлетела. Причем русские всегда – а особенно в тот период – демонизировали США, обвиняли США, и Барак Обама стал главным мальчиком для битья. А тут еще вскоре после введения санкций он выступил с речью, в которой назвал Россию региональной державой с ядерным оружием или как-то так. Наверное, из всех заявлений официальных лиц США за время моей работы послом... это было прямо как соль на открытую рану. Там все были в ярости. Мы знаем от многих людей, что Путин был в ярости. Об этих словах много всего было сказано на российском телевидении, и их использовали опять же в целях критики и демонизации.

Как я уже говорил, в администрации США, по-моему, особых перемен не ждали. Потом в ходе предвыборной кампании также началась демонизация Хиллари Клинтон, против которой сразу высказался Путин в связи с ее работой госсекретарем. Многие люди в России мне говорили: «Мы надеемся, что победит Трамп», – потому что рассчитывали, что с республиканцами и администрацией президента Трампа у них отношения сложатся лучше, чем с демократами. Все эти факторы сыграли роль.

Джилл Догерти

Как бы вы в целом оценили дипломатическую политику администрации Обамы по отношению к России? Я понимаю, что вы сами в ней участвовали, но, если бы вы могли посмотреть со стороны, что бы вы сказали? Как президент и его администрация справились с этой задачей?

Джон Теффт

Наверное, справедливо будет сказать, что больших перемен не ожидали. По-моему, в Белом доме за последние два года второго президентского срока хотели успеть по максимуму доделать все, что можно. А на Россию реалистично посмотрели и признали: здесь многого не добьешься. В двусторонних переговорах на повестке стояли два основных вопроса (особенно ими занимался госсекретарь Джон Керри, который четыре раза приезжал в Москву, постоянно разговаривал с Лавровым по телефону и встречался с ним в Женеве и Нью-Йорке) – Украина и Сирия. Мне кажется, обеим сторонам было

довольно ясно, что по украинской теме далеко продвинуться не удастся. Керри очень старался. Во время своего второго визита он предложил Путину организовать новый канал коммуникации между Викторией Нуланд и помощником президента Вячеславом [Владиславом] Сурковым, который, как всем было известно, отвечал за российскую политику на Донбассе. МИД на это не пошел. Но дискуссия завязалась. На мой взгляд, особых результатов она не принесла, потому что Путин вряд ли был готов к реальным действиям, но, по крайней мере, были определенные переговоры.

Что касается Сирии, то там дискуссия велась очень активно. Я сейчас пишу что-то вроде мемуаров, и это одна их самых трудных тем, потому что на самом деле Джон Керри изо всех сил старался добиться политического решения вопроса. В первый раз – за мое время – он приехал в Россию в мае 2015 г., встретился в Сочи с Путиным и Лавровым, и на тот момент российская сторона еще выступала за дискуссионный процесс на базе ООН с целью поиска для гражданской войны в Сирии политического урегулирования. Но летом Иран и Россия нашли удобный для обоих вариант. Обе страны были обеспокоены шатким положением Асада, и русские, как вы помните, всерьез вмешались в гражданскую войну. Это полностью изменило расклад. Джон Керри не сложил руки (если не ошибаюсь, в своей книге он писал, что его брала досада оттого, что так мало рычагов влияния) и заговорил о чем-то вроде бесполетной зоны над Сирией и даже возможности американских авиаударов.

Но президент Обама к такому развитию событий был не готов. Он как раз пытался вывести американские войска с Ближнего Востока, сократить наше присутствие. В известной степени Путин попытался этим воспользоваться, и потом, уже после того как я оттуда уехал, стало довольно очевидно, что русские пошли в этом направлении. Что касается меня, честно говоря, у меня были смешанные чувства. С одной стороны, я тоже не хотел, чтобы нас еще дальше втягивали в ближневосточные войны. Но с другой – было видно, как Путин стремится извлечь выгоду из оставленного Америкой вакуума. При этом у нас еще шла война с ИГИЛ, которая увенчалась успехом. В общем, если говорить о Сирии, мы не включились в этот вопрос так активно, как раньше.

Еще раз повторю: Джон Керри очень, очень старался, и я его за это уважаю, но ничего не вышло, ну и потом уже, когда я уехал, мы все видели эти чудовищные российские бомбардировки в Алеппо и в других местах, по моему мнению просто варварские. И мне жаль, что ничего не удалось сделать, но, на мой взгляд, во многом это было связано с тем, что президент Обама не хотел идти на более серьезные военные шаги ни в Сирии, ни по большому счету где-либо еще на Ближнем Востоке.

Джилл Догерти

Господин Теффт, смотря на ваше резюме, поражаешься широте ваших познаний о Советском Союзе и постсоветском пространстве. Вы ведь были послом не только в России, но и в Украине, Грузии и Литве. Вы и до 2014 г. бывали в Москве, но вот теперь вернулись в качестве посла. Помогли ли вам знания о других странах, которые раньше были советскими республиками? Они как-то повлияли на ваше понимание России? Изменились ли ваши представления? По-моему, это очень интересный угол зрения.

Джон Теффт

Хотелось бы думать, что мой опыт работы в Литве, Грузии, Украине, а также два более ранних назначения в Москву помогли мне к 2014-му сформировать более широкий взгляд на вещи. Тем более что к тому моменту в Литве я уже стал свидетелем того, как страна входила в НАТО и Европейский Союз. В Грузии при мне проводили реформы и случилась война, российское вторжение в Грузию в 2008 г. А в Украине я работал тогда, когда у руля стоял Янукович, но уже проявились зачатки тех процессов, что в итоге привели к демонстрациям на Майдане и смене власти – уходу Януковича и формированию нового правительства. То есть все это составляло часть моего багажа.

У меня сложилось впечатление, что в Москве – и я это остро почувствовал, когда приехал в 2014-м, – люди просто не понимают. Российское руководство, Кремль, не понимали толком, что произошло в этих странах. Ну, наверное, про балтийские страны понемногу начало доходить. Но про Украину Путин продолжал говорить: одна страна, один народ, он это часто повторял в речах. А в Украине было другое мнение. Может, какие-то люди на Востоке и еще где-то чувствовали такую связь. Но даже в Крыму... Я помню в мою бытность там, в 2011–2013-м, Международный республиканский институт в партнерстве с очень уважаемой европейской компанией, занимающейся опросами общественного мнения, провел исследование и выяснил, что большинство... ну, по крайней мере, многие крымчане не хотят быть в составе России. Они на самом деле хотели быть автономным регионом Украины, и у них такая автономия была.

Мне кажется, российское руководство не понимало национальных настроений в этих странах. Не хочу употреблять слово «национализм», с ним связано много негативных коннотаций, но я бы сказал, что там чувствовалось пробуждение национального самосознания, особенно среди молодежи. В Украине я активно работал с гражданским обществом. Проводилось множество программ Агентства по международному развитию США. И было видно, что на передний план выходит новое поколение людей с сильно развитым чувством своей страны. Они ничего не имели против России как таковой, в той ситуации (хотя захват Крыма для многих молодых украинцев стал весомой причиной). Но они хотели быть частью западного мира, хотели демократии, хотели избавиться от коррупции. И было опять же чувство пробуждающегося национального самосознания – так сформулирую.

Когда я в 2014 г. приехал в Москву, весь первый год говорил об Украине и раз за разом сталкивался с тем, что люди – что в правительстве, что в бизнесе, что даже в научной среде – не понимают, что на самом деле там произошло. Все эти идеи о создании Новороссии, о прокладке наземного моста вдоль южного побережья Украины между Крымом и Донбассом... Знаете, я был как раз в том регионе незадолго до того, как уехал из Украины в 2013-м, и ничего такого не наблюдал. Население там не хотело быть частью России. Все это какой-то миф или заблуждение.

Но я все равно пытался им в частных беседах говорить: «Извините, конечно, но вы не правы. Я там был. Говорил с людьми. Я знаю». Наверное, эти разговоры не прибавили мне в определенных кругах популярности, но я думаю, что мои собеседники исходили из некоего мифа. И, если смотреть шире, они вообще не понимали, насколько эти страны –

которые в России считаются ближним зарубежьем, своей сферой влияния, – насколько люди в этих странах стремятся к независимости, к тому, чтобы самостоятельно выстраивать свое будущее в качестве независимых демократических государств с рыночной экономикой.

Джилл Догерти

Я тут вспоминаю слова самого Путина, который сказал, что Украина на самом деле не страна. Как вы считаете, такая ситуация – прямое влияние президента Путина или это, скажем так, традиционный подход российского внешнеполитического ведомства, российской дипломатии? Или все дело в Путине?

Джон Теффт

Мне кажется, дело больше в нынешней российской элите: ее представители думают, знаете... Путин тоже это иногда выражает, но во многих аспектах они до сих пор, почти за 30 лет после распада Советского Союза, не смогли приспособиться к тем переменам, которые происходят не только в «ближнем зарубежье», как они говорят, но даже вообще в мире. Мы уже упоминали с вами закон об иностранных агентах – все это нацелено на то, чтобы как бы закрыть страну, заблокировать людей. Много молодых россиян – как вы знаете, потому что вы плотно занимались этим вопросом, делали репортажи, – на мой взгляд, просто не видели перспектив, не видели будущего России из-за этой политики закрытости, которую, в частности, проводили сторонники жестких мер в Кремле.

Молодые люди хотели более активной роли. В результате многие из них уехали работать в США, рассчитывая на экономические и политические возможности. Мне кажется, если посмотреть на демонстрации в России за последние несколько лет, то молодежь на них выходит, по сути, с лозунгом: «Слушайте, это не та Россия, которой нам хочется!» Но нынешняя элита, окружение Путина, старается поддерживать нынешний порядок. И среди элиты есть люди, которым такая политика не нравится, но они не высказываются об этом публично. И вы, и я говорили с такими людьми, и мы понимаем, что у них другой взгляд. Рано или поздно начнутся перемены. Не знаю точно когда, но подход изменится.

Если взять Украину, мне кажется, за последние несколько лет с учетом того, как украинцы сопротивляются российским усилиям на Донбассе, растет понимание, что они просчитались. Нет, не то чтобы они изменились, приняли Минские соглашения, или, точнее, начали переговоры о выполнении Минских соглашений, но я думаю, крепнет понимание того, что в какой-то момент неизбежны перемены.

Джилл Догерти

Давайте поговорим о Путине. Тема неизбежная. Мы знаем, что Россия не Путин, а Путин не Россия, но все же. Вы его видели, причем вблизи. Как он вам – во-первых, как лидер, а во-вторых, как человек? Прежде чем вы ответите, я вспоминаю свои первые впечатления о нем (и вы наверняка помните тот первый период, когда он пришел к власти) – была огромная надежда, что, может быть, он проведет экономические реформы, и он поначалу какие-то провел. При этом многие понимали: ему придется быть сильным лидером, потому что Россия трещала по швам. При Ельцине, честно говоря, было много хаоса, хотя

и хорошего тоже много. Так вот, с учетом этого контекста, что вы скажете о Путине – лидере и человеке?

Джон Теффт

Я очень поздно прочитал книгу Стивена Ли Майерса «Новый царь», которая вышла в 2015 г., как раз когда я приехал. Должен сказать, первая часть написана просто прекрасно. Автор собрал отличные материалы о Путине как о молодом человеке, о его работе в КГБ, о службе в Дрездене в самом конце холодной войны и о том, как он позднее ушел из КГБ и стал помощником мэра Ленинграда Собчака. Очень многое из того, о чем написано в книге, отражалось и в тех встречах с Путиным, в которых я участвовал. Его представления до сих пор... В общем, неудивительно, что все мы продукт своих ранних впечатлений. Так вот, Путин на самом деле человек 80-х. Там корни его взглядов на Россию, КГБ и даже на внешнюю политику.

Он во многом воплощает в себе все то, что я узнал, работая в советском отделе Госдепартамента в 80-х. Они хотели отделить Европу от Соединенных Штатов. Они были согласны на контроль за вооружениями потому, что для них это был не только способ продемонстрировать свой статус сверхдержавы, но и инструмент для сдерживания Америки, которая при своих финансовых возможностях и технологиях могла бы разработать системы, превосходящие их собственные. Но я также думаю, что важно понимать Путина, понимать, что он проходил в жизни разные этапы. Я обсуждал это и с моими бывшими коллегами по дипломатическому корпусу, и с исследователями. Поначалу он очень старался выстроить хорошие отношения с Джорджем Бушем, и там были очень обнадеживающие моменты. Но со временем он все больше, на мой взгляд, стал возвращаться к своим авторитарным корням, и особенно явно этот процесс обозначился в ходе его третьего и четвертого сроков. Режим становится все жестче. КГБ, точнее ФСБ, действует все агрессивнее. Общество превращается в поистине авторитарное; как я уже говорил, многие от этого устали, особенно молодежь.

Складывается ощущение, что он прошел определенный эволюционный путь и стал открытым противником либеральной демократии. Бескомпромиссным. Мы можем часами говорить о его эволюции и отмечать ее вехи. Можно поговорить и о том, что повлияло на изменение его взглядов со стороны США, о расширении НАТО. Значительную роль сыграла и «оранжевая революция» в Украине, когда он вдруг понял: «Боже мой! Эти люди и правда не такие, как мы. Мы не один народ». Ну и дальше процесс нарастал. Я думаю, он до сих пор сильно обижен на США; в особенности, по-моему, он обвиняет Америку в крушении советской власти. Отчасти его усилия были направлены на то, чтобы в некотором виде ее восстановить, и он добился определенных успехов. Но остаются огромные экономические проблемы. Он не продвинулся в вопросах экономических реформ. Я могу практически дословно пересказать речи Алексея Кудрина, его друга, советника и бывшего министра, которые он произносил об экономических реформах и о том, почему России они нужны. Я их слышал много раз, но Путин не сдвинулся с места. Он придерживается довольно жесткой, я бы сказал авторитарной, политики отказа от экономических реформ.

Джилл Догерти

Я полностью с вами согласна, и это выводит на очень интересный вопрос. Кажется, что Путин стоит перед дилеммой. По-моему, на рациональном уровне он понимает, что для создания современной страны необходимы определенные вещи. Нужно открываться, нужно создавать... Сейчас же существует Интернет, кибермир, молодежь сидит в «ТикТоке» и соцсетях. Мне кажется – но я, конечно, хочу услышать ваше мнение, – что какой-то частью своего сознания он это понимает. Иногда ведь слышишь, как он говорит: мы создадим интернет-компанию, мы займемся биотехнологиями и все такое прочее. Но если он пойдет на эти шаги, он утратит инструменты контроля. Получается дилемма.

Джон Теффт

Все так. Я с вами совершенно согласен. Это действительно фундаментальная дилемма. Он понимает ее интеллектуально. Я уверен, он многие часы провел в разговорах со своими коллегами, настроенными в пользу реформ, такими как Кудрин или Герман Греф из «Сбербанка», в прошлом экономист-реформатор. Он понимает, что надо сделать. Но в итоге каждый раз, когда надо решать, туда или сюда, он выбирает контроль. Он выбирает вариант с сохранением своего контроля. Я на днях читал статью, которую Эндрю Хиггинс написал для «Нью-Йорк Таймс» в августе 2017 г., как раз когда я готовился к отъезду. Он в Новосибирске встречался с молодым предпринимателем, точнее говоря с физиком-ядерщиком, который вместе с друзьями создал компанию, чтобы, если не ошибаюсь, выпускать улучшенные воздушные фильтры. И вот – о ужас! – он что-то не поделил с ФСБ, и против него возбудили дело. Наверное, на него обиделся кто-то, кто контролировал рынок воздушных фильтров. Но тогда это был классический пример – и я уверен, что таких случаев была масса, – когда подключились структуры власти. Этого парня арестовали, поместили под домашний арест. Не знаю, выпустил он в итоге свои фильтры или нет, но он бросил вызов системе.

В Москве все время говорили об инновациях и поддержке малого и среднего бизнеса. Эти слова мы слышим постоянно, но в регионах все эти инициативы подрывают действия зачастую спецслужб, коррумпированных полицейских, коррумпированных судей, судов, и на самом деле никаких подвижек не было. Я помню, когда прочитал об этом в первый раз, сказал себе: «Теперь понятно, почему молодые люди, талантливые предприниматели, уезжают: здесь они не видят будущего».

Джилл Догерти

Но вы все же сохраняете осторожный оптимизм?

Джон Теффт

Да. Я думаю, в конце концов наступят перемены. Не знаю, правда, как скоро. Президент Путин провел поправки к конституции, которые в теории дают ему право оставаться у власти до 2036 г. Но я не уверен, что так действительно будет. Как вы очень хорошо знаете по собственному опыту, Джилл, заниматься в России предсказаниями – дело неблагодарное. Потому что, неважно, сколько мы знаем, есть много всего, чего мы не знаем. Но, по-моему, определенная динамика чувствуется. Россия ведь за последние 10 лет не видела серьезного экономического роста. Она не оправилась от Великой рецессии

2008–2009-го. Затем – Украина и санкции. Нет притока иностранных инвестиций. А теперь еще пандемия и влияние коронавируса на общество. Доходы населения упали. Люди просто не видят перспективы того, что их дети будут жить лучше.

В конечном счете я убежден... Как сказал один мой российский знакомый: «Мы ведь такие же, как вы, Теффт. Хотим достойную жизнь, достойную работу. Хотим, чтобы дети получили хорошее образование. Чтобы было хорошее здравоохранение и чтобы у них, когда вырастут, жизнь по возможности была лучше, чем у нас». Знаете, между Россией и Америкой есть большие различия, но вот эти фундаментальные человеческие желания у нас общие, и в поездках по России я всегда в этом убеждался. Они до сих пор имеют первостепенное значение, и рано или поздно люди станут за них бороться.

Джилл Догерти

Но все-таки, знаете, господин посол, я недавно говорила с подругой, и она сказала: «Ну почему Россия не может быть как Франция, или Бельгия, или еще какая-то нормальная страна, с которой у США нормальные отношения?» Вечно в отношениях между Америкой и Россией есть какое-то особое измерение. Сегодня в России жалуются на «руссофобию». начинаешь задумываться, а могут ли у нас хоть когда-то быть нормальные отношения с Россией? Мне кажется, это вопрос серьезный.

Джон Теффт

Полностью с вами согласен. И я отнюдь не хочу показаться наивным. Я говорил с нашей общей знакомой Анджелой Стент – ее книга «Пределы партнерства» замечательная, по моему. Я ее часто рекомендую молодым людям, которые только начинают карьеру в той области, где мы с вами работаем всю жизнь. Сейчас всю ее не перескажешь, но есть культурные, исторические различия. За последние 100 лет много воды утекло, и выстраивать отношения всегда было очень трудно. Были удачные моменты. Иногда возникали большие надежды. А бывали и периоды, когда казалось, что все не то чтобы безнадежно, но довольно безрадостно, и сейчас, по сути, один из таких периодов. Посмотрим. Избранный президент Байден обладает большим опытом в вопросах отношений с Россией, и в его команде тоже есть очень опытные специалисты.

Я, конечно, не ожидаю мгновенных перемен, но мне кажется, что обе стороны подняли ряд вопросов. Как не только стабилизировать ситуацию (это то, чего я добивался во время работы в Москве), но и найти способы сотрудничать и двигаться вперед? Надеюсь, мы сможем продлить договор СНВ-3. Надеюсь, появятся какие-то совместные начинания. Что я хорошо помню по своему российскому опыту: даже несмотря на то что еще до моего приезда там прекратило работу американское Агентство по международному развитию и многие другие проекты, все равно осталась масса индивидуальных связей в сфере здравоохранения. Были совместные проекты по исследованию рака. И я старался делать все, чтобы такую работу поддержать. Не привлекать внимание общественности, а заниматься конкретными вещами. Там много всего такого. Хотелось бы верить, что мы сможем объединить усилия американских, российских и европейских ученых для борьбы с будущими пандемиями, для обмена опытом о том, что происходит сейчас, о вакцинах,

для того чтобы профессионалы могли сотрудничать, оставив политику в стороне, ради помощи людям по обеим сторонам.

То есть в этом смысле, да, я остаюсь идеалистом и сохраняю надежду. Но я, знаете, родом из Висконсина, а у нас там есть этот прагматичный идеализм, который очень меня поддерживал на протяжении всей моей службы.

Джилл Догерти

Еще хотела спросить – может быть, в качестве последнего вопроса – о вашей книге. Вы меня заинтриговали. Я вот думаю: книги о России, ваша дипломатическая карьера – это очень обширные темы. О России можно писать с разных сторон: о ее истории, о Путине, можно выбрать разные области. А какой подход выбрали вы? Ваша книга будет вся о России? И что вы бы хотели в ней рассказать о себе как о после?

Джон Теффт

Очень верный вопрос, и я сам долго над ним бился. За книгу я засел три года назад, после возвращения из Москвы, и перебрал несколько возможных подходов. Я хочу, чтобы получилась не просто хронология: был там-то, делал то-то. Хочется, чтобы в ней был некий смысл, какие-то мои выводы. Уроки, если хотите. А для этого надо отразить и мысли и наблюдения, которые ты почерпнул в других книгах. Скажем, мне пригодились некоторые вещи, о которых вы рассказывали в своем подкасте о российской молодежи. Мы с вами уже об этом говорили, у нас тут во многом взгляды совпадают. Так что есть этот момент.

Проблема в том, что я хочу написать не просто о России, я пытаюсь дать полную картину, отразить все стороны. У меня запланировано около 35 глав – одни уже частично написаны, другие намечены вчерне. Но знаете, что раздражает? Я начинаю писать, но никогда не возникает чувства, что все, можно ставить точку. Где-то что-то прочитаешь или услышишь – и тут же мысль: «Надо вставить в книгу, так будет гораздо лучше».

Еще, когда станет побезопаснее, надо будет вернуться и поработать с архивами в Госдепартаменте; там есть записи, которые показывают, что мы в свое время думали по тому или иному вопросу. Может быть, придется для каких-то документов добиваться снятия грифа «секретно», но в любом случае это поможет освежить ощущения не только о том, как складывались американо-российские отношения, но и том, что я в разное время думал по поводу нашей собственной политики, и о том, что происходило в Украине, Грузии и Литве тех лет. С чем им приходилось бороться на пути к тому, чтобы стать современными странами.

Тут очень много разных слоев, трудная задача. Я ведь раньше книг не писал, приходится прикладывать большие усилия.

Джилл Догерти

Может, добавьте небольшую главу с советами будущим послам в России?

Джон Теффт

В конце, Джилл, я собираюсь привести два итоговых соображения. Одно – о политике в Восточной Европе, второе – о внешнеполитической службе, и там уже будут рекомендации и некие, так сказать, прощальные слова.

Джилл Догерти

Можете поделиться каким-нибудь одним выводом?

Джон Теффт

Один из главных выводов, которые я сделал за всю жизнь, – это то, что надо верить в силу общения, даже когда обстановка сложная. Я поступил на службу в советский отдел в августе 1983-го и подумал, что вот начинается карьера, мне очень хотелось работать в этой сфере. Через неделю советские ВВС сбили корейский «боинг» (рейс 007), и отношения между нашими странами обрушились. Я подумал: «Какой кошмар! Что я здесь делаю?» Но я не раскис и продолжил заниматься своим делом. Наверное, еще один важный урок заключается в том, что Америка, конечно, играет в мире значительную роль вот уже 80 лет, но не стоит переоценивать наши возможности влиять на другие страны. Можно, конечно, попытаться, предложить свою точку зрения. В первый раз я оказался в Москве, когда работала Комиссия Гор – Чернобырдин. Потом, в 2000 г., Альберт Гор баллотировался в президенты, и пошли разные нападки со всех сторон. Как раз начались первые разговоры на тему: «Кто упустил Россию?». Это, конечно, самонадеянно – думать, что мы можем как-то «удержать» или «упустить» Россию.

Можно потихоньку подталкивать в определенном направлении, но в конечном счете решение остается за людьми, за элитами в этих странах. В заключение хочу сказать несколько хороших слов о Литве. Меня там всегда восхищали молодые лидеры, многие из которых учились на Западе и пришли во власть после распада Советского Союза. Когда я приехал в 2000-м, этих безумно талантливых людей можно было видеть на первых ролях: на посту министра иностранных дел, в роли переговорщиков с ЕС, в качестве видных бизнесменов. Но я всегда помнил, что между Первой и Второй мировыми войнами прибалтийские страны были независимыми, там была своего рода демократия и рыночная экономика. Литовцы в тот момент были крупнейшими поставщиками пшеницы в Великобританию. То есть у них, в отличие от Украины и Грузии, было что-то еще кроме одного сплошного коммунизма в течение 80 лет.

И у меня возникло ощущение, что в свое время были посажены семена, и я увидел, как эти семена до сих пор еще дают всходы. Так что нужно терпение. Может быть, некоторые вещи произойдут уже не при нашей жизни, но надо каждый день задавать себе вопрос (и я это говорил своим сотрудникам): «Что мы можем сделать сегодня, на своем месте, при всех наших ограниченных возможностях, чтобы либо улучшить жизнь в этой стране, либо улучшить наши отношения с этой страной и создать положительный задел на будущее?»

Джилл Догерти

Большое спасибо, господин посол! Спасибо за прекрасную и очень информативную беседу.

Джон Теффт

Вам большое спасибо, Джилл.

Посол Джон Хантсман-мл. (2017–2019)

Мы упустили один элемент дипломатии, который принципиально важен в поддержании такого рода сложных отношений, а именно – определенный уровень связей и диалога, который позволяет обеим сторонам формулировать приоритеты и работать для достижения взаимовыгодных результатов и решений. И в условиях этого вакуума Россия и Китай сблизилась, причем каждая страна преследует собственный интерес.

ИНТЕРВЬЮ

Джилл Догерти

Господин Хантсман, большое спасибо, что согласились пообщаться. В последний раз мы с вами виделись, если не ошибаюсь, в Москве, в Спасо-хаусе, великолепной резиденции американского посла. Там устроили культурное мероприятие, вы были с семьей, обстановка замечательная, множество российских гостей. Спасибо вам и за то приглашение, и за сегодняшнюю встречу.

Джон Хантсман

Вам спасибо, Джилл. Всегда рад вас видеть. Спасибо за ваш неизменный профессионализм.

Джилл Догерти

Спасибо. Сегодня мы поговорим о нашей теме с более широких, исторических позиций. В этой серии интервью мы просим послов рассказать о времени, которое они провели в России, а у некоторых из них был очень долгий дипломатический стаж. У вас тоже очень солидная дипломатическая карьера: Россия, Китай, Сингапур, богатейший опыт, две крупные страны, Россия и Китай, которые привлекают всеобщее внимание. Так что мы пытаемся осветить нашу тему с широким охватом. Я вспоминаю время, когда вы только приехали в Москву. Если не ошибаюсь, вы назвали его исторически сложным периодом для двухсторонних отношений. Можете описать свои тогдашние впечатления? Какие у вас были ожидания от отношений – даже тогда уже довольно напряженных, – и остались ли у вас от тех дней какие-то яркие воспоминания?

Джон Хантсман

Спасибо, Джилл. Если очень коротко, моей задачей было сдерживать вражду, снижать риск эскалации. Были те, кто надеялся, что нам удастся завязать с Москвой новый диалог. Я на этот счет был настроен менее оптимистично, просто потому что я внимательно следил за динамикой отношений в большой политике, за всеми этими «перезагрузками» и «переделками» республиканцев и демократов из прошлых администраций, изучил

Владимира Путина и его стиль руководства и попытался понять, чего он хочет добиться для страны, для региона и с точки зрения роли России в мире.

В общем, я не питал особых надежд на то, что удастся открыть новые каналы позитивного общения. Ну и события, предшествовавшие моему назначению в Москву, были с дипломатической точки зрения абсолютно ужасающие. В первую очередь, конечно, вмешательство в президентские выборы в ноябре 2016 г. и в ходе предвыборной кампании. Причем все разведсообщество единогласно – что бывает крайне редко, поскольку в этом сообществе очень много участников, – пришло к заключению, что за вмешательством стояли русские, определенные элементы российских спецслужб, и доказательства были довольно очевидны. Я тогда, как только получил допуск, сразу же прочитал заключение разведсообщества.

Как вы помните, Вашингтон ответил высылкой 35 российских дипломатов. Это было в декабре 2016 г. А потом, весной и летом 2017-го, когда я проходил подготовку перед отправкой в Москву, Конгресс ввел санкции, довольно жесткие, но, на мой взгляд, оправданные, учитывая роль России в выборах 2016 г.

Президент эти меры одобрил. Помню, как в то утро, когда Конгресс проголосовал за санкционный пакет, мне позвонил президент и сказал: «Ваша работа сильно усложняется», – и это правда. В ответ на санкции Конгресса Владимир Путин объявил, что сокращает штат посольства США на 755 человек, то есть, по сути, у нас осталось примерно 455 штатных единиц.

Тут будет уместно вспомнить 1986 год, если не ошибаюсь, когда после дела Геннадия Захарова и Николаса Данилова состав дипмиссии был ограничен 251, 252 единицами. Это страшно ударило по посольству, как и события, последовавшие за выборами 2016-го и санкциями 2017-го. Я приехал буквально через несколько недель, после того как Путин объявил о сокращении, и для наших московских сотрудников это было очень тяжелое и невеселое время.

Люди паковали чемоданы, думали, как поступить с личными вещами. Все это сказалось на семьях, на детях, которые ходили в школу, на работе нашего посольства в целом и консульств под нашим управлением. И вот в такой обстановке я принял дела. Как в условиях сильно урезанных штатов (урезанных на 70%, если быть точным), выполнять для наших заказчиков в Вашингтоне и тех, кто зависит от нашей деятельности, тот же объем услуг, будь то перемещение людей, составление политических отчетов или работа по линии деловых контактов? В отношениях между США и Россией очень много всего происходит, и, разумеется, все это пришлось реорганизовать с учетом гораздо меньших ресурсов, что было сделать очень и очень трудно.

Так начиналась моя деятельность, и раньше мне с таким сталкиваться не приходилось. Конечно, я и до этого, как в случае с Китаем, работал в сфере большой политики, несколько десятков лет занимался вопросами американо-китайских отношений, а с Россией впервые познакомился еще в советское время, в конце 80-х, у нас даже было совместное предприятие. То есть у меня было представление о России до 1991 г., и, конечно, я следил за ситуацией в стране, когда работал и в бизнесе, и на госслужбе, я туда

ездил, но в 2017-м, прибыв в Москву, я обнаружил совершенно другую действительность, по крайней мере с дипломатической точки зрения. Было тяжело.

Но лучше всего из тех дней мне запомнились отдельные личные моменты, связанные с влиянием происходящего на жизнь сотрудников нашей дипмиссии. Я увидел там прекраснейших специалистов в сфере дипломатии и международных отношений, людей, которые посвятили всю свою жизнь России, ее языку, изучению региона, политики, экономики и истории, – и вот их вдруг выгоняли, причем, скорее всего, без шанса на возвращение. Для них это была катастрофа, а миссия после такого удара не могла оправиться несколько недель и даже месяцев. Пришлось перестроить всю систему управления, чтобы, грубо говоря, хоть свет в окнах не погас.

Джилл Догерти

Да уж. Задача не из легких. Но если вернуться к политике, которая проводилась в тот период, некоторые говорят, что при Трамповской администрации было на самом деле три линии политики. Первая – это заявления самого президента Трампа, который высказывался в том духе, что надо бы наладить отношения и как бы хорошо было наладить отношения с Владимиром Путиным.

Далее, были представители администрации, которые в некоторых случаях занимали гораздо более жесткую позицию, ну и, наконец, Конгресс. Вы упомянули санкции. Конгресс гнул свою линию, зачастую очень резко критиковал Россию, вводил одни санкции за другими. Я хочу вернуться к санкциям позднее, но вы согласны, что в действительности были три разные политики? И согласны ли вы, что в России этим были озадачены? Как бы вы описали взгляды русских на американскую политику?

Джон Хантсман

Мне кажется, русские хорошо все про нас понимали. Люди из руководства МИД и из других организаций, с которыми я работал, настоящие профессионалы. Это одни из лучших специалистов, с кем мне приходилось иметь дело. Они хорошо считают то, что происходит в США, они работают на своих постах много лет, понимают обстановку в Конгрессе, в исполнительной власти, даже в известной мере на уровне местной власти. Так что вряд ли они так уж были озадачены, особенно если они – как я и многие другие – успели за свою жизнь убедиться, что на самом деле нет ничего необычного в том, что вновь избранный президент, неважно из какой партии, пытается перезапустить сложные отношения. Я наблюдал что-то похожее в случае с Китаем: новые президенты пытались приоткрыть объятия, добиться потепления и наметить в перспективе различные области для сотрудничества. Мне кажется, то же произошло и по отношению к России.

Если посмотреть на последний период, по крайней мере начиная с президентства Клинтона, то каждый раз похожая картина: избранный президент бросает своим визави букет, пытается начать отношения на прочной, оптимистической основе, а потом реальность берет свое. В нашем случае ощущались последствия вторжения России в Украину в 2015 г., российское вмешательство в региональные дела, попытки расширить и укрепить свою региональную безопасность. А потом, разумеется, на это наложилось

вмешательство в американские выборы и очень плохое, с нашей точки зрения, поведение в отношении других региональных конфликтов в мире. Все понимали, что в профессиональном плане предстоит сложнейший период. Те из нас, кто изо дня в день работал на местах, видели, что подход к отношениям с Россией все же довольно унифицированный: было ясно, что от нас требуется ответ на возмутительные, выходящие за все рамки действия Москвы.

И мы действовали единым фронтом. Президент полностью поддерживал санкции Конгресса, которые были предельно жесткими. Не припомню ни одного случая, чтобы Белый дом или Совет национальной безопасности выступили против предлагаемых мер, и все только обострилось после отравления Сергея Скрипаля и его дочери Юлии в 2017 г., когда мы вместе с еще 29 странами совместно выгнали агентов российских спецслужб. То есть сперва возник конфликт на почве вмешательства в выборы, вскоре добавилось отравление Скрипалей, и мы выслали из США примерно 60 разведчиков и закрыли два консульства: в Сиэтле и потом в Сан-Франциско, – ну и, конечно, в ответ, помимо того, что произошло годом ранее, Россия выслала еще 60 сотрудников нашего посольства и закрыла консульство в Санкт-Петербурге.

В общем, при той конъюнктуре, в той среде никак нельзя было ожидать ничего хорошего. Так что я почти все два года занимался, как я уже сказал, сдерживанием вражды и снижением риска эскалации. Но при этом приходилось и налаживать связи, выстраивать отношения. Надо было продолжать взаимодействовать по вопросам, представляющим взаимный интерес, будь то космос, будь то Сирия, Ливия, Венесуэла, Афганистан или еще какие-то вещи, о которых велись дискуссии. Мы, конечно, друг с другом не соглашались, но общих интересов было достаточно много, чтобы не уходить из-за стола переговоров. Я на самом деле пытался как-то сбалансировать, с одной стороны, продвижение наших общих интересов, ассортимент которых, честно говоря, не поражал разнообразием, а с другой – борьбу с деградацией нашего дипломатического присутствия, которая приняла беспрецедентный масштаб.

Вы только посмотрите на то, что последовало за вмешательством в выборы, что последовало за отравлением Сергея Скрипаля и как эти меры сказались на численности дипмиссий и дипломатической собственности в американо-российском контексте. Так что при крайне урезанных ресурсах приходилось продолжать необходимую работу по защите американских интересов, по анализу российских действий, требующемуся для понимания, куда мы движемся и какие решения следует принимать, и станет понятно, что задача перед нашим сильно сокращенным штатом в Москве стояла чрезвычайно сложная.

Джилл Догерти

Вы упомянули Китай. Как мы все знаем, вы были послом в Китае, а также в Сингапуре, у вас обширные знания об азиатском регионе, поэтому, на мой взгляд, вы как раз тот человек, кто может помочь нам понять отношения между Россией и Китаем. Как бы вы их охарактеризовали по своему опыту? Что это за отношения?

Джон Хантсман

Ну это такой брак по расчету, основанный на общих интересах. И подогреваемый антипатией к Соединенным Штатам. Я бы сказал, что такие отношения между ними бы не сложились, если бы США разыгрывали свои дипломатические карты чуть более мастерски. Но мы дали России и Китаю прекраснейший повод объединить усилия, и, на мой взгляд, делать этого ни в коем случае нельзя было, но...

Джилл Догерти

Не могли бы вы остановиться на этом поподробнее? Очень интересно. Что было сделано не так?

Джон Хантсман

Бесконечные волны санкций при недостаточном диалоге. Санкции, если они целевые, точно направленные, если они приносят требуемый результат во внешней политике, должны, по моему мнению, входить в арсенал страны. Но, вводя санкции, надо все равно продолжать разумный диалог, говорить о санкциях и о том, как в конечном счете предполагается от них уйти, на каких аспектах взаимоотношений необходимо сосредоточиться. Но в обоих случаях, с Россией и с Китаем, мы почти всегда стремились наказать, но не поддерживали общение, связи, то есть получались неполноценные отношения, а это, на мой взгляд, приводит к тому, что они начинают смещаться, и это смещение в обоих случаях может оказаться стратегически очень опасным.

Да, обе страны наказаны и находятся под санкциями по вполне понятным причинам, и это, по-моему, полностью в интересах Америки, но мы упустили один элемент дипломатии, который принципиально важен в поддержании такого рода сложных отношений, а именно – определенный уровень связей и диалога, который позволяет обеим сторонам формулировать приоритеты и работать для достижения взаимовыгодных результатов и решений. И в условиях этого вакуума Россия и Китай сблизились, причем каждая страна преследует собственный интерес. Китай России особо не доверяет, знаю это по нескольким десятилетиям своего опыта там. Достаточно просто подъехать к Женьминь Дахуэйтан, Дому народных собраний, который находится на площади Тяньаньмэнь. Это был подарок от Советского Союза по случаю десятилетней годовщины их дружбы, которая началась после освобождения Китая в 1949 г., то есть мы говорим о 1959-м.

Но год-два спустя, в 1960-м, 1961-м, отношения между СССР и Китаем настолько обострились, что русские уехали, оставив здание недостроенным. По проекту это было сооружение сталинской архитектуры сверху донизу. Но крышу сделать не успели, ее заканчивали китайцы без русских, и поэтому получилось сталинское здание с китайской крышей. Каждый раз, когда я туда приезжал на встречи, она напоминала мне о сложных отношениях России и Китая. Они, конечно, никогда не обещали быть простыми. У этих стран общая граница, наверное одна из самых протяженных в мире. Потом еще, разумеется, в те годы, в конце 50-х – начале 60-х, произошло расхождение на идеологической почве между тем, как марксизм-ленинизм интерпретировал Мао, и тем, чего от него ждал Хрущев.

Началась довольно острая вражда, которая к концу 60-х привела чуть ли не к ядерному столкновению между ними. Так что, стоит лишь вернуться на несколько десятилетий назад, чтобы понять, куда заходят отношения между Россией и Китаем, если предоставить их самим себе. Но мы почему-то дали им причину для сближения. Китайцев, конечно, интересовали отношения в сфере энергетики. Были подписаны огромные контракты. Правда, по-моему, в основном они остались на бумаге. Ну а русским, разумеется, было нужно признание, чтобы их не рассматривали только как младшего партнера в игре сверхдержав. Они также рассчитывали на финансирование со стороны китайских банков и китайских источников для своих олигархов и расширения и развития бизнеса, чего, естественно, не произошло из-за нехватки доверия.

Но что меня особенно беспокоит, это то, что Си Цзиньпин и Владимир Путин действительно встречаются, что их команды обмениваются закрытой информацией. Два или три года назад они стали устраивать совместные военные учения, такого раньше не было. Они, конечно, не занимаются интеграцией, оперативной совместимостью – скорее, просто наблюдают друг за другом, – но одно то, что они на одном поле проводят подобные мероприятия, должно насторожить Вашингтон.

Джилл Догерти

Мы уже обсудили санкции, но давайте еще последний момент. Я со многими людьми из России говорила о санкциях, и, судя по всему, в Москве пришли к выводу, что они никогда не закончатся. Просто придется с ними жить всегда. И, по мнению некоторых, русские теперь думают, что можно продолжать делать то же, что и раньше, потому что все равно введут новые санкции, так что вперед. Вы согласны? Это справедливая оценка ситуации?

Джон Хантсман

Я всецело за санкции, у которых есть конкретная цель, конкретный срок и ожидаемые условия отмены, понятные обеим сторонам. Но, когда речь идет о сотнях, если не тысячах, санкций между двумя странами, введенных против отдельных лиц и организаций без полного понимания, почему они попали в санкционные списки (а не просто о жестких мерах, принятых с целью наказания), то мы наблюдаем картину, когда рынок начинает обходить санкции, возникают черные рынки, появляется доступ к капиталу из нетрадиционных источников, и на этой почве вырастают новые альянсы, такие как между вышеупомянутыми Россией и Китаем.

В общем, есть санкции, и они играют определенную роль во внешней политике. Но я считаю, что, если нет понимания, зачем они введены (а это возвращает нас к теме важности диалога: самым уместным подходом были бы санкции плюс диалог), возможно, возникает риск того, что страны начинают себя вести даже более вызывающим образом, потому что, в конце концов, им нечего терять. Что такого делает еще пара сотен санкций, чего не сделала тысяча? Если санкции с конкретной целью, с показателями, с определенным результатом для внешней политики, я только за. Но когда они становятся какими-то размытыми, двусмысленными, неопределенными, просто превращаются в элемент обстановки, то, конечно, люди в российском МИД достаточно сообразительны,

чтобы понять, что вряд ли на Капитолийском холме в Конгрессе в ближайшее время найдется много желающих встать и сказать: «Так, заканчиваем. Пора снимать санкции и переходить к более нормальным двусторонним отношениям».

С политической точки зрения это был бы не очень умный шаг, и поэтому мы оказались в патовой ситуации. Потому что снимать санкции – невыгодный политический ход. Вот вводить санкции политически очень выгодно. Каждый раз, когда ты об этом заявляешь перед публикой, тебе аплодируют. А если перед публикой начнешь говорить о снятии санкций, в тебя полетят разные предметы.

Джилл Догерти

Мне было бы очень любопытно узнать, что вы думаете о Владимире Путине. Вы ведь видели китайских лидеров, на ваших глазах происходили исторические смены руководителей, а в Сингапуре вы видели Ли Куан Ю, выдающегося лидера по мировым меркам. Вы могли наблюдать за ними в действии. Что вы скажете о Путине? Я понимаю, что задавать такой общий вопрос почти что некорректно, но что, на ваш взгляд, им движет? Есть какая-то цель? У него есть стратегическая цель для России?

Джон Хантсман

Джилл, мне кажется, им руководит чувство неполноценности – с точки зрения положения России сейчас по сравнению с тем, что было до 1991 г. Окончив университет, он, как мы знаем, активно работал в спецслужбах. Потом сотрудничал с мэром Петербурга Собчаком, занимался, кстати, экономическим развитием, а затем уже возглавил ФСБ в Москве. Часто говорят, что худшим днем в жизни Путина стал день распада СССР и он с тех пор все стремится воссоздать утраченное чувство империи. Мне кажется, это стало для него личной катастрофой. И, следовательно, им движет это несоответствие между сегодняшней Россией и вчерашним Советским Союзом.

У страны осталась лишь половина населения, половина географической массы, половина экономики. Нет того единства, которое существовало при прошлой системе. Поэтому, думаю, им движет желание восстановить империю, а с этой целью – ослабить Европу и НАТО. Потому что он никак не сможет восстановить империю или, по крайней мере, ослабить соседние страны, входившие раньше в советскую орбиту, при сильном НАТО и сильной Европе. Следовательно, он почти маниакально зациклен на том, чтобы играть в Европе деструктивную роль, теми или иными способами дестабилизировать относительно слабые европейские страны и по возможности препятствовать крепким отношениям между США и НАТО.

При этом Владимира Путина отличает то, что он находится у власти более 20 лет. При нем сменились руководители всех стран. Он знаком со всеми способами ведения переговоров. За столом переговоров он пользуется опытом, полученным в спецслужбах. И при этом управляет страной при помощи очень маленькой элитарной клики, состоящей в основном из силовиков. Министерство обороны, две или три спецслужбы – вот практически и все органы принятия решений. Может, еще несколько олигархов, но все равно это очень простая и удобная для него система по сравнению с системой в Вашингтоне, где

существуют бесконечные сдержки и противовесы и которая, безусловно, прозрачна и открыта для СМИ.

В результате он может вмешиваться в дела других стран так, как никто другой. Это операции малобюджетные, очень просто организованные, но зато ему очень легко получить согласие на их проведение. При этом он может предложить разным странам – таким как Венесуэла, если взять пример из нашего полушария, – целый набор услуг. Будь то предоставление разведанных, нефть, логистическая поддержка, финансирование тех или иных проектов. Путин действует так, как ни один другой глава государства на моей памяти. С точки зрения своей власти он явление уникальное, единственное в своем роде, и сегодняшняя Россия несет на себе явный отпечаток одного человека – Владимира Путина. Я бы сказал, что доминирующая идеология в России – это путинизм, который во многом опирается на Русскую православную церковь, гордится своим славянским наследием и нацелен на поддержку Владимира Путина и его стремления вернуть утраченной империи былое величие.

Джилл Догерти

Мне кажется, некоторые люди в России испытывают разочарование в отношении темы, которая должна быть вам очень близка. Я говорю о бизнесе: ваша семья с ним тесно связана (помимо, конечно, госслужбы), у вас в этой сфере большой опыт. По моим многолетним наблюдениям, президент Путин постоянно предлагает новые идеи: национальные проекты, развитие экономики, модернизация, развитие информационных технологий и так далее. Интересно было бы узнать вашу точку зрения. Он что, просто произносит правильные слова, но не собирается ничего делать на практике? Или как тогда вы объясните, что вначале, еще до вашего посольского срока, он проводил экономические реформы?

Двадцать лет назад он занимался определенными реформами. Потом перестал, и сейчас будет очень трудно обнаружить хоть какие-то свидетельства истинных реформ. То есть, наверное, мой вопрос вот в чем: как вы оцениваете его дилемму как человека, которому необходимо развивать российский бизнес, который произносит правильные лозунги, но ничего не делает в этом направлении?

Джон Хантсман

Прекрасный вопрос. И мы можем весь остаток дня проговорить об экономическом развитии, например, в начале 90-х, когда при Ельцине был короткий период эйфории. Я знаю, потому что это происходило на моих глазах, мы работали над совместным предприятием в Москве, но тут наступила реальность Путина. Что еще интересно, Джилл, и мы должны это отметить: ни мы, ни весь остальной мир не предвидели ни распада империи, ни возвышения Владимира Путина, а он у власти уже более 20 лет. Что это говорит о наших аналитических возможностях и их пробелах и недостатках? Но в 90-х был момент эйфории, когда в Россию шел приток капитала и интеллектуальных ресурсов. Все это закончилось, когда, насколько могу судить, Путин решил, что слишком большая открытость, слишком свободный доступ извне может представлять угрозу для их власти, и все закончилось.

В то же время многие из его друзей скупали государственные активы по бросовым ценам, в считанные дни становились миллиардерами и до сих пор составляют группу олигархов, к которым он обращается за советом и которая тоже представлена за столом правления. Мы сравнивали Владимира Путина с Ли Куан Ю и Си Цзиньпином. У Ли Куан Ю подход был диаметрально противоположный: если не сможем привлечь в страну мозги, капитал и технологии – проиграем. Мы окружены подчас нестабильными странами, у нас маленькое островное государство, не располагающее природными ресурсами, нам приходится полагаться на сотрудничество с остальным миром. Не организуем его – нам конец. И ему удалось обеспечить эту открытость, даже при том что политическую власть он удерживал в авторитарном стиле. Сейчас страну уже много лет возглавляет на посту премьер-министра его сын Ли Сянь Лун.

Что касается Китая, думаю, там внимательно присматривались к сингапурской модели и, конечно, к российской модели образца 1991 г., изучали, что в стране произошло, что привело к краху и изучали последующий экономический опыт России, оказавшийся довольно печальным. Полагаю, что Китай извлек из этого много уроков и пришел к выводу, что да, надо привлечь для экономического развития достаточно капитала, технологий и мозгов, но в конечном счете мы должны сами владеть этими чемпионами национальной экономики, чтобы у нас был свой собственный Google, собственный Apple, собственный Disney, собственный AT&T и так далее. В результате они избрали экономическую модель, очень отличающуюся той, что у них была еще несколько лет назад.

Есть один момент, который доставляет Путину немало беспокойства. Я об этом часто говорил, смотрите: страна с населением 150 миллионов человек, 11 часовых поясов от Калининграда до Владивостока, умные, красивые, талантливые люди, прекрасные предприниматели; некоторым очень высокопоставленным людям в Москве я говорил: «Спасибо вам от США за нескольких ваших Сергеев, они сильно помогли нашей экономике». Но в сегодняшней России из-за политики Владимира Путина, которая не способствует экономическому развитию (если не брать людей из его окружения), наблюдается утечка мозгов.

Молодые технически подкованные предприниматели уезжают из страны, едут в Европу, в Израиль, в США. Более того, посмотрите на отток капитала: большинство людей сильно удивятся, если узнают, сколько долларов и рублей инвесторы выводят из России, чтобы вложить где-то еще. Это как раз все то, чего следует не допускать, если вы хотите, чтобы у вас была сильная стабильная экономика XXI в., но это именно то, что происходит сегодня в России. И вот ты снова и снова разглядываешь свой баланс – как наверняка делает Путин – и видишь, что у тебя есть много нефти и газа (на которые приходятся основные поступления), есть возможность продавать оружие на открытом рынке и даже на черном рынке – и вот это твои доходы.

Но если говорить о диверсификации экономики – такой, например, как в Китае, который добился потрясающих успехов, – то в России ее не видно, и это, по-моему, не предвещает россиянам ничего хорошего. Я полагаю, во многом поэтому рейтинг Путина продолжает сползать вниз: люди в России это понимают. Они понимают, что в нынешней экономической обстановке они только проигрывают, а вся прибыль уходит в карманы

привилегированной кучки олигархов, и это называется коррупцией. Мне кажется, большинство людей понимают, что к чему, отсюда и популярность Навального, которому по всей стране симпатизируют многие десятки тысяч, если не миллионы.

Джилл Догерти

Вы были послом с 2017-го по 2019-й, и мне интересно: несмотря на все дипломатические проблемы, сокращения сотрудников и так далее, была у вас возможность выбраться за пределы Москвы, Петербурга, крупнейших городов? Увидеть эту гигантскую страну?

Джон Хантсман

Да, была. Я проехал Россию вдоль и поперек, и меня всегда поражали ум и красота ее жителей. Я влюбился в русскую литературу, историю и музыку. На протяжении многих лет я слышал Чайковского в исполнении своей дочери (она играет на пианино); Достоевского и Солженицына я читал и раньше, но, когда сам находишься в тех краях, где они жили или страдали, их книги приобретают новое значение. Россия во многих смыслах страна волшебная, и я очень по ней скучаю. Но, разумеется, правительство мешает ей двигаться вперед. Оно сдерживает устремления и ограничивает возможности своего собственного народа, который, на мой взгляд, принадлежит к числу самых умных, изобретательных и творчески одаренных на земле.

В России такой человеческий потенциал, что, стоит его высвободить... Мне кажется, по этому поводу после 1991-го – по крайней мере на протяжении какой-то части 90-х – в мире царил оптимизм. Ух ты! На страну при коммунизме никто не обращал – да и не мог обращать – внимания, но вот теперь она высвобождала свои естественные возможности, и на всех это производило самое благоприятное впечатление. Да и русским, на мой взгляд, очень понравилось взаимодействовать с внешним миром, пока была такая возможность. А сейчас ощущение такое, что устремления, надежды и таланты русских людей находятся под тяжелым гнетом, и мне это кажется ужасно грустным.

Джилл Догерти

Да, я вспоминаю одну встречу в городе, куда вы, может, тоже приезжали, – он называется Благовещенск, прямо на границе России и Китая. Там граница проходит по реке. Я разговаривала с одним российским бизнесменом, и он в какой-то момент усмехнулся и сказал: «Москва очень далеко». То есть для него китайские рабочие с другого берега реки, которых можно нанять на стройку, были гораздо реальнее, чем находящаяся за тысячи километров Москва. Мне сейчас вспомнился этот разговор, потому что этот человек был как раз настоящий предприниматель, из тех, кто берет и делает. Но его, кажется, очень расстраивало, что для своих проектов ему приходится буквально импортировать китайцев. Он бы предпочел нанимать русских. Но продолжайте.

Джон Хантсман

По поводу вашего комментария: я как раз сейчас думал о том, насколько эта граница между Россией и Китаем стала проницаемой. На самом деле там сложился такой стихийный рынок. Люди переходят границу, осуществляют товарообмен. Все это,

конечно, не регулируется, поэтому трудно понять, что именно пересекает границу, но, как вы понимаете, если где-то люди – прирожденные предприниматели, строители, торговцы, эту деятельность не остановить. Можно было бы организовать этот процесс, создать там полноценную торговую зону, которая бы приносила пользу, потому что я в разных уголках России видел эти районы с прозрачными границами, где возникали такие рынки, где люди просто начинали сами торговать без какого-либо руководства со стороны общей стратегии экономического развития.

Джилл Догерти

Вы провели в России в качестве посла два года, с 2017-го по 2019-й. Мы начали с разговора о ваших первых днях. А есть какие-то вещи, которые можно занести в актив? Чувствуете ли вы, что удалось чего-то добиться?

Джон Хантсман

Джилл, спасибо за отличный вопрос. Я сам часто об этом думаю и также вспоминаю свой очень трудный период в Китае. Мой ответ всегда такой: пусть об этом судят историки дипломатии, потому что результаты того, что ты делаешь, тех программ, которые осуществляются, зачастую сразу неочевидны. Такова природа дипломатии. Это процесс медленный, постепенный. Приходится принимать решения, что-то строить на долгосрочную перспективу. Но напомним: я сдерживал вражду. Я старался снизить риск эскалации в наших отношениях, и мы продолжали поддерживать связь с высшими эшелонами российской власти. Мы защищали наших дипломатов и всех тех, кто был связан с посольством. Мы помогли перевезти сотни людей, оказавшихся в катастрофической ситуации, попавших под беспрецедентную волну объявлений персонами нон грата.

Если все это вспомнить, хочется сказать: могло быть и хуже. На самых разных фронтах могли произойти настоящие катастрофы, но мы удержали организационный фундамент и смогли не только решать проблемы людей, заниматься вопросами управления и двусторонних отношений, но и находили возможность общаться с людьми, высказываться в соцсетях, что для многих, я знаю, сыграло огромную роль, потому что иначе у них бы не было к этому всему доступа. Мне удавалось встречаться с разными группами россиян, выступать с речами, высказываться в СМИ и на других платформах, и, на мой взгляд, это было важно. Безусловно, это были очень трудные два года, и – по ряду причин – вряд ли мы в ближайшее время еще увидим подобную ситуацию, чтобы так все шло одно за другим. Но я горжусь тем, что нам удалось сделать.

Особенно я горжусь профессионализмом наших сотрудников в московском посольстве и уцелевших консульствах в Екатеринбурге и Владивостоке. Нам пришлось закрыть консульство в Питере. Оно располагалось в известном историческом здании, которое многие американцы посещали в ходе поездок в Россию. Наши сотрудники были выдающиеся специалисты, и я знаю, каким ударом для них стало произошедшее. Я-то понимал, что мой срок рано или поздно подойдет к концу, но они рассчитывали работать в этой сфере еще долго. И все мы, наша большая посольская семья, стали плечом к плечу и постарались сделать все, что было в наших силах. Нам удалось трудоустроить многих

наших профессионалов как экспертов по России в других странах региона, и мне было очень приятно, что удалось помочь умнейшим, талантливейшим людям, специалистам высшей категории. Они смогли все это пережить, перестроиться и занять в своей области не менее важные посты на периферии. Это было хорошо.

Джилл Догерти

Что-нибудь посоветуете будущим американским послам или дипломатам, занимающимся Россией?

Джон Хантсман

Надо, чтобы работа на российском направлении проходила в менее политизированной обстановке. Всегда полезно иметь долгосрочную стратегию. Наша страна не очень умеет вырабатывать стратегии, а когда мы пытаемся их принять, надолго их не хватает. Нам противостоят такие страны, как Россия и Китай, которые я считаю великими державами современности. Они принимают стратегии и придерживаются их. Там у них за выработку и исполнение стратегий в двусторонних отношениях с США отвечает очень узкий круг людей, и они прекрасно знают свое дело.

Мы же, в свою очередь, действуем эпизодически, непоследовательно, у нас то взлеты, то падения, а по отношению к России и Китаю надо проявлять четкую последовательность. Надо лучше понимать, в чем состоят наши национальные интересы, но кроме того, надо параллельно с ними формулировать и продвигать наши традиционные американские ценности. Хотя их не любят в Москве и не любят в Пекине, на мой взгляд, они соответствуют устремлениям и ожиданиям очень многих россиян и китайцев, которые хотят, чтобы их голос был услышан, чтобы у них было больше возможностей участвовать в политической жизни своей страны и чтобы проявлялось уважение к правам человека.

То есть на нашей повестке дня должно стоять гораздо больше пунктов, но сейчас там порой царит суета и какофония, крики и ругань, вытекающие из политических распрей в двусторонних отношениях. В общем, нужна стратегия и определенный уровень стратегического диалога, и отказываться от них нельзя даже в нелегкие времена.

О чем я много думал и говорил членам Конгресса и другим людям, это о том, что даже в очень тяжелые моменты советской эпохи нам удавалось вести осмысленный диалог, особенно – отмечал я – в сфере контроля за вооружениями. И администрация Байдена сделала, на мой взгляд, правильный шаг, продлив договор СНВ-3 еще на несколько лет, потому что это, возможно, самый важный на сегодняшний день вопрос в отношениях США и России.

Одним словом, стратегия и возможность поддерживать связь, проводить деликатные, но стратегически важные дискуссии с последовательных позиций, не уходя из-за стола переговоров. Наш разлад в отношениях длится очень долго, и уже одна мысль о том, что можно было бы вернуться к тому, что удавалось в советские дни, вызывает дикое раздражение. Когда что-то такое предлагаешь, тебя обвиняют чуть ли не в том, что ты покрываешь Россию. Но дипломатия на протяжении веков осуществлялась именно так. Технологии и алгоритмы не решат за нас дипломатические проблемы, тут нужны люди. В

этом деле требуется человеческий элемент, человеческий фактор, связанный с выстраиванием отношений, взаимопониманием и умением не уходить из-за стола переговоров, даже если вы мало в чем друг с другом согласны.

Джилл Догерти

Я тут вспомнила одну вещь, и, наверное, это будет последний вопрос. Вы прекрасно все это резюмируете, говорите о важности дипломатии и непрерывного диалога. Кстати говоря, я даже нашла цитату из вашего выступления. Вы сказали (я зачитаю): «Никакая перезагрузка или перезапуск с Россией не помогут. Нужно только четкое понимание наших интересов и ценностей и практический механизм для поддержания диалога».

И я вспомнила о человеке, которого вы, может быть, знаете. Мне выпало счастье и честь познакомиться с ним: это Хэл Сондерс, который был помощником государственного секретаря и, по сути, создал систему поддержания диалога, предполагавшую, что надо не только говорить, но и слушать. Так что, думаю, для многих из нас ободряюще прозвучали ваши слова об этом процессе. Да, мы не всегда знаем, к чему он приведет, но надо не бросать дело и идти вперед.

Джон Хантсман

Хэл Сондерс – легенда, и несколько людей из его поколения очень мне помогли советами на ранних этапах карьеры. Они понимали, как работает дипломатия, начиная с послевоенного периода, как мы переделываем мир, как взаимодействуем с нашими соперниками и противниками. Это традиционная дипломатия в том виде, как она сложилась сотни лет назад с появлением национальных государств. И сегодня ее суть не изменилась.

Мы иногда позволяем твитам и постам в соцсетях сбивать нас с толку, позволяем эмоциональным, страстным политическим речам становиться помехой на пути диалога. Но нужно помнить, что работа дипломатов крайне важна. Если, не дай Бог, дипломатия проваливается, на повестке дня возникает война, а такого никогда не должно быть. Никогда нельзя оказываться в ситуации, когда дипломатия провалилась.

Это означает, что мы не проявили достаточно изобретательности или стратегического мышления, недостаточно вели диалог по вопросам, требовавшим решения. Как ни обидно, но мы слишком много лет обходились без базовых аспектов дипломатического взаимодействия, которые могли бы... Необязательно соглашаться по каждому вопросу, необязательно, чтобы в итоге получались яркие цитаты для СМИ или групповые фото с улыбками. Но надо стабильно взаимодействовать друг с другом, чтобы лучше понимать друг друга, укреплять взаимное доверие и формировать широкое понимание того, в каком направлении должны развиваться наши отношения, а у нас, к сожалению, по некоторым из этих базовых пунктов провал.

Джилл Догерти

Спасибо большое, господин посол, что напомнили об этом. У вас получилась вдохновляющая речь, хотя мы и начали разговор с трудностей, с которыми вы столкнулись, приехав в Москву. Большое спасибо за интервью.

Джон Хантсман

Спасибо, Джилл. Очень приятно было пообщаться. Спасибо вам за работу.